

Александр
Покровский

Калямбра

рассказы

ИНАПРЕСС

АЛЕКСАНДР ПОКРОВСКИЙ

КАЛЯМБРА

из шести частей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИИНАПРЕСС
2005

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П 48

Редактор Н. Кононов
Художник М. Покшишевская

ISBN 5-87135-167-0
© ИНАПРЕСС, А. Покровский, 2005

калямбра — ам
каломбра — вам
калимбра — там
калюмбра — дам
вам
ваш
там
дым...

Юрий Васильев
из тетради 1927-го года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Да, так вот!

Попраны, еще раз попораны.
И денег совершенно не хватает.

Не хватает денег роженицам и тем, кто принимает роды, и поэтому, хоть в зачатии и участвуют, думается, все поименно, предпочтительней все же удалить козявку заранее, прежде чем она успеет достичь призывного возраста.

И с этой точки зрения государство посещает печаль.

В связи с чем непонятно, что делать с воинским долгом.

То есть непонятно, куда его девать в виде долга-человека или человека-долга и откуда его получать, если он все время требуется свежий?

То есть я хотел сказать: непонятен сам механизм его образования.

И утилизации.

Я имею в виду долг.

Я до такой степени имею его в виду, что мне очень хочется знать, на какой стадии своего развития человеческий зародыш им обзаводится?

Я все еще про долг.

До зачатия, во время одного или две-три недели спустя, когда и происходит изъятие и зародыша, и долга?

И еще непонятно, куда девать носителя этого долга, когда в нем отпадает всякая необходимость, о чем мы, кажется, уже упоминали.

Вот когда роженица, на которую денег не хватает, а стафилококк с потолка капает, тужится, – она выполняет свой долг или таким замысловатым образом передает его приплоду?

А может быть, долг вообще возникает как совокупность усилий и матери, и плода? А? Как вы считаете? Может быть, вот оно? А? Как вы полагаете? Может быть, оно, то большое, косматое, вечно меняющее свою форму, содержание и воззрение на стыд, слепое, беспощадное нечто, именуемое в простонародье государством, нам в долг, а мы ему в ответ?

Как вам кажется?

Может быть, оно нам чисто морально дает возможность подготовиться к родам, а потом за это, за то, что оно предоставило время, одно только время на подготовку и больше ничего, и спрашивает по всей форме?

И в этом случае время как неуловимая категория превращается в нечто материальное и уловимое – в приплод, который нужно потом на какой-то период отдать в общее пользование, чтоб его временно поимели все?

Я думаю, что я прав.

Фу! Наконец-то! Добрались. Слава Богу!

Вот как трудно порой уразуметь!

Как тяжело иногда самому разобраться в одном только слове или понятии.

Например, в слове «долг», тем более что иногда он бывает

«священным», после чего плавно перетекает в «гражданский».

Фу! Просто гора с плеч.

Так, знаете ли, радостно иногда бывает уяснить для себя то, о чем вокруг все только и толкуют, доказывают что-то со сливочной пеной у рта. Хотя спроси у них, что такое «долг», откуда он взялся, – ничего-то они не ответят.

Только глаза свои безумные вылупят и начнут: «Да как же», «Да вот же», «У нас в государстве»...

Тьфу, у вас! В государстве. Тьфу!

Да. Хорошо хоть разобрались.

Ну, теперь можно поговорить о водоплавающих.

То есть о них, о героях, о моряхах, о тех, кто в стужу и по колено.

О них.

Им государство, которое, как мы выразились, некоторым образом существует в виде отдельных своих бесформенных, безжалостных проявлений, и тому есть немало всяческих свидетельств, предоставило возможность подготовиться к родам? Предоставило? А? Что? Что вы на меня так смотрите?

Да, предоставило.

Они им воспользовались?

Ну, кто как.

Все! Точка! Государство им ничего не должно.

А они должны. И, прежде всего, должны умереть, если время подошло, потому что все герои, едрена вошь!

А герои всегда умирают, если подошло их время.

И в этом-то, собственно, и состоит, как мне видится, основной способ утилизации и их, и их циклопического долга.

ПРО ФЕДЮ

Входили мы в «Свиное рыло». Так это место в Польше называется. Там устье реки, ну и узкое все, до неприличия. На вход – в очередь стой. И все стоят: подводные лодки, баржи, корабли, плоскодонки.

Скучно. Командир на мостике, а тут мичман Федя Федотов – радиометрист и крестьянин – покурить вылез:

– Товарищ командир, разрешите?

– Кури, куда тебя деть! – говорит ему командир, а потом добавляет: – Кури в последний раз.

Это командир со скуки оговорился, а Федя – уши торчком:

– А чего это в последний раз, товарищ командир?

А тот ему лениво:

– Так тебя ж НАТО затребовало.

Надо сказать, что командир просто так брякнул, но событие уже начало набирать свои обороты.

– Зачем это?

– Так ты ж датского вертолетчика утопил.

Федя – глаза с мандарин – с придыханием:

– К...как?..

– А так! Помнишь, ты вылезал наверх с фотоаппаратом датский вертолет фотографировать?

– Ну?

– И вспышка у тебя ни с того ни с сего сработала.

– Ну?

– Вот тебе и «ну». Ты его запечатлел и вниз полез, а он, ослепленный твоей вспышкой, через пять секунд в море гакнулся.

– А...

– Вот тебе и «а». Теперь «б» наступает. Полное. НАТО запросило по своим каналам, наши ответили, слово за слово... короче... Короче, иди, собирай харчи. Мы тебя в гаагский суд через три дня передать должны. В Брюсселе в тюрьму сядешь.

На Федю страшно было смотреть, когда он вниз спус-

тился. А внизу все уже знали: и про вспышку, и про брюссельскую тюрьму, и про харчи.

– Слышь, Федор, – начали к нему подходить с сочувствием, – ты, эта, не сомневайся, детей твоих всем экипажем вырастим, в обиду не дадим, а сейчас – на тебе носки шерстяные, мне теща связала.

Весь экипаж три дня нес ему кто что. Скопилась груда всякой ерунды: носки, часы, трусы, майки, тельняшки, банки с вареньем («у них-то там же ни хрена нет!») и книга Н. Кузнецова «На флотах боевая тревога».

Последним пришел интендант и сухим голосом отсчитал ему продовольственный паяк: «Вот здесь распишись!» Федя расписался.

А потом выяснилось, что он еще домой жене в родную Тульскую губернию письмо прощальное не написал.

Писали всей каютой: «Дорогая Маша! Я уезжаю навсегда в Брюссель...»

Через два дня командир сказал: «Хватит томить!» – и вызвал его к себе. Тут-то, к общей радости, и выяснилось, что Федора там наверху с подачи командира отстояли, и НАТО его простило, и ни в какой Брюссель, а тем более, в Гаагу ему ехать не надо.

Вот счастье-то на лице у человека было! Командир под это дело даже выходной на экипаже объявил.

КУХТА

Это такая фамилия. А звать – Вася. Курсант Вася Кухта. Высоченный, двухметровый парень. И в ширину он два косых метра. И еще он хохол. И еще он тупой. Во всяком случае, так считают, потому что на все вопросы он отвечает с задержкой: «А шо это, а?»

Преподаватель, старенький кагдва – спокойный человек,

добрейшей души. Сдаем сопромат. Отвечает Вася. Выходит преподаватель в коридор, нервно курит, внимательно приглядывается в стекло, задумчиво говорит: «Да-а-а...» – глубоко вздыхает и снова заходит в класс. Через 15 минут он же выбегает и уже слышится шепот нецензурной брани и отчетливо: «Ну, блядь, баран, ну, сука, тупой, ох, придурка... придурка... на меня наслали!..» – так что представить его можно.

Если Вася идет «по женщинам», то он непременно намотает на винты, нажрется водки и в завершение всего, возвращаясь из увольнения, прыгнет с забора на плечи дежурному по училищу, осуществляющему обход.

А силы у него было – на гонке в Петродворце среди училищ от переживаний так веслами дико вращал, что воды начерпал по самые борта и утопил имущество к хренам свинячьим. Отчего начальник физкультуры и спорта несколько мгновений пребывал в легком ступоре. Он только смотрел на него взглядом младенца, который вот-вот заплачет, и повторял: «Кухта, Кухта, вы что?!!»

И теперь я подхожу к самому главному. Я перехожу к стрельбе.

После обеда занятие по стрельбе проводит каптри, «профессор», как мы его все называем, выходец из замов, хам расслабленный и матерщинник.

К курсантам обращается так: «Где твой гюйс, свинья?..»

Так вот, ходит он туда-сюда после обеда, китель расстегнут, и спичкой в зубах ковыряет. На пузе пуговица расстегнута и «оттудова» торчит пупок. Он цыкает, высасывает застрявшее мясо в зубах и при этом цитирует наставление: «...И для произведения выстрела следует выбрать свободный ход... задержать... вот... дыхание и...»

На стенде, в тире, значит, в сей момент стоит Вася, закрыв один глаз, и метко целится. В наушниках стоит, так что ничего он толком не слышит.

Забейборода, так звали «профессора», спрашивает у Васи: – Ну, чего ты там, родной, видишь?..

Вася не слышит.

Он еще раз громко:

– Кухта! Сукедла свободный ход выжал?!

Вася всем корпусом разворачивается к Забейбороде и, направляя дуло пистолета ему прямо в живот, тупо на него смотрит и говорит:

– Да, выжал!

В тот же момент Забейбородушка резво падает на пол ничком тушкой, и у него пропадает речь. Потом вскакивает и орет истошно:

– Сучара, ты что ж делаешь!!! Гондон!!! А?!! Гондон!!! Сука!!!! – при этом волосы у него дыбом, и он пропадает.

Тишина. Все замерли. Вася кладет ствол, снимает наушники и спрашивает:

– А шо это он... а?

Появляется Забейбородушка через десять минут, говорить не может, с ним вместе командир роты, замкомандира и еще кто-то, сейчас не вспомнить.

Вся эта компания смотрит на Васю и говорит:

– Васек, как все это произошло-то?..

И Васек испугано надевает наушники, вновь берет, передергивает затвор, а пистолет-то заряжен. И из окошечка у него вылетает патрон.

Вася просто обалдевает от этого, все еще ничего не понимая, испугано смотрит в сторону дядечек со звездами и в фуражках. Потом он медленно, со стволом, разворачивается в их сторону, и... вся компания расширяет глаза, как у зебры, вся опять ничком и с визгом выползают из тира.

Вася в своих наушниках улыбается жалко и вопросительно, а потом говорит:

– А... шо это они все... а?

НУ?

Человек у нас трезвеет когда?

Когда жизнь его находится в весьма стесненных обстоятельствах.

Или же?

Когда те же обстоятельства ему кто-либо устроит.

Коля Пискунов из увольнения трезвым еще ни разу не возвращался.

И еще: он, пока все кусты не обрыщет мордой и клыками их не поднимет корнями вверх, в роту не поднимается. А уж поднявшись в роту, в смысле в помещение, он сразу идет куда? Он идет сразу в галюн от усталости и там ссыт.

А как он ссыт? Он полроты будит своими стонами: «О-о-о-й!... Ой!.. (растягивая) А-а-а-а... а... а... о... о... моч... ки-и-и...» – это он член в штанах ищет.

Закрыв глаза.

Из раза в раз.

А тут как раз Федотка-крестьянин из увольнения пришел, и наступил праздник, потому что эта зараза – Федотка, конечно, всем чего-нибудь вкусенького от большого крестьянского сердца непременно принесет и в рот вложит.

Вот сегодня он принес сосисок и всем сунул, даже тем, кто спал, и все уже жуют, после чего в дверном проеме появляется сначала четвероногий Пискунов, который по косяку превращается в двуногого, а потом идет в галюн. Ссать.

И все, конечно же, перемещаются туда, потому что когда ты жуешь сосиску, то муки человека, ищущего в штанах свой одинокий член, совершенно по-другому смотрятся.

И вот уже Коленька раскорячился, и вот он уже застыл, закатив свои глазенки, откинувшись головой, а руками шарит, шарит, шарит по нерасстегнутым штанам, покачиваясь и переминаясь, и мучается, мучается, мучается – все никак. Клапан-то на наших флотских брюках хорошо бы

растянуть и потом уже искать, не говоря уже о том, что только после этого и следует ссать.

Вот.

А все жуют и морщатся, потому что соперживают.

И тут Федотка, у которого еще полно всяких сосисок, подходит к бедняге и вкладывает ему в ручки трепетные ее – сосиску.

– О-о-о...й... – замирает Коленька, не открывая глаза и улыбаясь во всю ширь, – оооо-ййй... – Ссыт.

А поссав, мы что делаем? Мы разжимаем руки, и член, освобожденный, самостоятельно скользит и исчезает в штанах.

Коленька поссал и разжал руки.

Тут-то у него сосиска и отвалилась.

А он немедленно протрезвел.

СУТОЧНЫЕ ПЛАНЫ

У меня в голове пластина восемнадцать с половиной квадратных сантиметров, а по званию я – «полный мичман». Есть на флоте звание «мичман» и «старший мичман», но это все не то. Это все официальные звания, а вот «полный мичман» или «недомичман» – это, извините, от отношения к службе. Я вот «полный мичман», а что это означает, вы сразу же поймете, после того как я вам про суточные планы расскажу. Про пластину в голове, и про то, как она на мое поведение влияет, я вам тоже расскажу, но позже.

Сначала про них. Про суточные планы.

Тактическая обстановка: начало девяностых годов прошлого столетия, сорок девятый судоремонтный завод и СКР «Разумный» в состоянии, когда всё уже вырвали и продали.

Личного состава, любящего и любимого, катастрофически не хватает: забрали живьем ходовые корабли и отделившиеся республики. В минно-торпедной боевой час-

ти – полторы калеки на двести метров площади.

То есть из семнадцати по штату на «хватать твою мать!» откликается только матрос Захмеджанов Якуб, не окончательно обрусевший в Калмыкии казах – вечный вахтенный у корабельного арсенала с перерывом на обед и горшок и четыре часа обязательного ночного сна, когда арсенал охраняет боевой дух матроса Захмеджанова. Рядом с арсеналом – каюты номер один и три, где он (Захмеджанов) каждый день протяжно-плаксивым голосом достает обитателей вопросом-мечтой: «А...х... как можи-на стать милиссс-и-онар?»

Из командиров боевых частей и лиц, их замещающих, на борту только лица, замещающие их лица. Они же ежедневно составляют суточные планы, где, по требованию командования, кратко, но детально должны быть изложены все мероприятия боевой подготовки. А я навсегда стою «дежурным по низам».

Но! Все должно быть!

То есть должны быть: «практические занятия по...», «учения по...» и «работы по...» с-с-с... «руководителями» и «участниками».

Из боевых частей суточные планы ручейками стекаются к замученному вселенскими проблемами старпому, а после чего, перешагивая бидоны со спиртом, через «вот такую пипиську старушки Изергиль» попадают в руки писарю, который и печатает «большую портянку дедушки Мазая» – суточный план корабля.

Сначала я регулярно бредил: писал про «Согласование Системы Синхронно Следящего Привода» из ГКП с постами «Дракон», «Муссон» и «Тюльпан», где в трех измерениях одновременно «участвует» будущий «милиссс-и-онар» Захмеджанов Якуб с интеллектом заблудившегося йети. А потом я заикнулся о том, что показуха... вот... в ВМФ... поглотила... – и меня, так и не договорившего, взяли и с ван-дер-ваальсовой силой несколько раз надели жопой на все случившееся рядом.

Ах так! На следующий же день мы с Захмеджановым

согласно суточному плану, поданному и подписанному, производили «утвержденную Священным Синодом плановую замену квантового генератора на гиперболоиде инженера Гарина».

Писарь от радости плакал, а меня понесло, и в понедельник на самоподготовке я уже изучал: «Влияние химического состава мочи насекомых Средней Азии на боеготовность бронетанковых войск Тамерлана», во вторник – занимался «демонтажом прибора, показывающего зависимость герметизации отсеков корабля от шипящих суффиксов старшего помощника», а Захмеджанов с тех пор только и делал, что «разрабатывал программу быстролетящего оружия с элементами искусственного ума».

ПАСХА

Начало восьмидесятых в гарнизоне Завойко. У меня выходной, а жена на работе. Хочется к ее приходу сделать что-либо. Что-либо приятное. Завтра же Пасха. Светлое Христово Воскресение. Решил яйца покрасить. По словам соседей по родной коммуналке, лучше всего для этих благородных целей подходят матерчатые сетки-авоски по девяносто копеек каждая. Сбегал в продуктовый магазин «Якорь» и набрал там разных цветов. Сетка опускается в кипяток, и вода становится цветной. Яйца туда на десять минут – и готово, такая красивая горка из разноцветных яиц получается. Только вот синих яиц нет. Этого цвета сеток в продаже не было. Но цвет-то самый военно-морской. Как же можно встречать Пасху без него! И тут я вспоминаю про наши флотские носки: их когда ни постираешь, пусть даже в холодной воде, они ее всегда в синий цвет окрашивают. Новых носков я не обнаружил. Зато нашел старые и, как мне показалось, стиранные. Но их же

сколько ни замачивай, они все равно цвет дают. Бросил носки в кипяток. Через десять минут в квартиру войти нельзя было: такая возникла вонища. И перешла та вонища в подъезд и на улицу. За два квартала все спрашивали: кто у кого подох. И жена вошла, а я к ней с объяснениями. Очень ее мой рассказ о синих яйцах впечатлил: сначала сказала мне, что я дурак, а потом жизнь наладилась.

КОЕ-ЧТО О КОМАНДАХ

Никогда не надо отвлекать дежурного, когда он собирается дать команду по корабельной трансляции. Ибо! Каждая команда (и каждое слово в ней) строго оговорена и должна произноситься в свое собственное время. Оттого-то и мучился каждый раз «низовой дежурный» Серега Ящур, оставаясь за дежурного по кораблю, сжимая в потной ладошке «каштан» и доводя его до состояния самостоятельной эрекции.

Глядя на хронометр, он беспрестанно шепотом репетировал слова, которые скоро должны были прозвучать. Особенно по верхней палубе и на всю бригаду:

«На-а-а фла-а-аг и гю-у-уйс... смирн-а! Фла-аг и гю-уйс... спустить!» – вечером. А эхо-то какое...

А тут старпом из каюты: «Вызовите ко мне дежурного трюмного!» – раковина у него, козла, забилась.

Вот и получилось: «На фла-аг... и гю-уйс... спустить!» – на всю округу.

Или вот еще, когда в дело опять вмешались эти ненормальные трюмные. Во время команды: «Окончить приборку! Команде... руки мыть!» – в рубку зашел дежурный по кораблю и сказал: «Срочно! Вызовите дежурного трюмного!» То есть: «Дежурного трюмного наверх!» А у Сереги все слилось и получилось: «Команде... – после чего он посмотрел вокруг взглядом полного идиота, – руки вверх!»

КАЛЯМБРА

Я всегда говорил: чужое заведование хуже смерти. А старпому все равно. Людей-то член наплакал, и я кого только не принимал. За доктора был и за электрика. А тут мичман Попов Александр Неофитыч в отпуск собрались. Старпом сразу ко мне:

– Пуга! Лейтенант! Родной, принимай у Неофитыча все его дерьмо.

Ну что делать? Хорошо, что у Неофитыча вся его срунда тупейная в одной кандейке помещается. Он мне за три секунды все передал и убежал на катер, чертя в воздухе стремительные стрелы.

– Я, – говорит на бегу, – через десять дней, как штык, буду. Не горюйте.

Повезло, что у меня хотя бы акт на руках остался. Да и опись была.

Потому что через трое суток на меня налетела дикая ревизия из тыла, пришли какие-то встревоженные с детства и давай меня по списку проверять. Ну за доктора и за электрика – ладно, я к ним уже привык, а за Неофитыча-то как? Я же в глаза ничего не узнаю.

Зашли в его вместилище печали вместе со мной и давай мотать меня по всему списку. Они называют, я им сую чего попало в нос, и они кивают довольные. Так проверка и идет.

И вдруг они говорят:

– Ка-лямбра!

– Че...го?

– Калямбра медная. Номер пятнадцать. Одна штука.

Вот это да! Если все остальное я в природе слышал когда-то, то калямбру – убей Бог!

– Ах калямбра, – говорю, – так это ж запросто. Я ее тут одному орлу с соседнего борта одолжил. Очень нужная штука. Не извольте беспокоиться, сейчас будет.

Выскакиваю на пирс, бегом в цех и там мужики за пу-

зырь шила мне из медного листа в один момент слона с ушами свернули. Я через дорогу и к граверу, и он мне красиво набивает: «Калямбра... медная... номер пятнадцать!»

Я ес в зубы и к себе.

– Вот! – говорю, – Она! Калямбра! Абсолютно медная!

А они на меня с таким уважением посмотрели – что я просто не могу.

На том и проверка кончилась.

Через две недели, с опозданием естественно, появляется Неофитыч, светлый, как день. Я ему:

– Ты что, злодей, на калямбру меня подсадил?

– На что? – говорит он и хлопает своими подозрительно ясными очами.

– Ты дитя-то неразумное из себя не строй. Не надо. Не было у тебя калямбры.

– Какой калямбры?

– Рогатой! Номер пятнадцать!

– Погоди, – говорит он и берет свой список, – под пятнадцатым номером у меня «калибр мерный». А он – вот! – и подает мне такую незначительную пиздюлину от часов, действительно мерную. – Читать не умеете?

И я сейчас же в список с головой. Я-то при чем, читали-то они. Действительно, никакой калямбры нет. Я в список – и на Неофитыча. В список – и на него. Нет калямбры.

– Неофитыч! – сказал я ему тогда. – Ну ты даешь!

ДЛЯ ЛЮБВИ

Я, как вижу двухгодичника, так сразу начинаю думать, что Бог нас создал для любви.

А для чего еще можно студента после института в офицеры призвать?

Только для любви.

То есть для того, чтоб мы его любили, а он взамен чтоб любил нас.

У меня даже взгляд от чувств теплеет, если я его на него перевожу.

А куда его еще деть, если на нем форма, а в лице все признаки амнезии?

Ну, можно его дежурным по штабу поставить.

Если, конечно, совсем рука тоскует по штурвалу.

Потому что штурвал обязательно будет.

Я дежурство сдавал. В пятницу это было. Я все журналы сложил стопкой и написал «Сдал» – «Принял», и кобур, и пистолет, и повязку – ну все-все сложил.

Ему, то есть сменщику, только войти и расписаться, а мне – бегом на автобус, и рвать отсюда когти.

Но вот входит он – мама моя, точно, двухгодичник, ошибиться невозможно.

– Слушай, – говорит он, носом шмыгая, – а чего тут делать-то надо?

– Да ничего не надо делать, – говорю я ему осторожно, чтоб не спугнуть, – на телефоны отвечай, не заикаясь, и все. Пошли, – говорю, я ему, освоившись с положением, – начштаба доложим.

Пошли и доложили, и только я в рубке начал судорожно портфель всяким барахлом своим набивать, как появляется комдив.

А меня комдив не видит, потому что я сразу среди мебели потерялся. Я принял форму стула, и если б не глаза, то отличить меня было бы невозможно.

А комдив как вперился в студента, и свекольным соком все лицо его наливается и наливается.

Тот не то чтобы ему «смирно» крикнуть, тот никак его не видит. То есть он видит, но старается за него заглянуть, потому что комдив ему все загораживает. Он взглядом комдива отодвигает, а комдив наливается кровью и молчит.

Я подумал, что я сейчас просто сдохну, потому что

его сейчас снимут, и я на вторые сутки здесь дежурить останусь.

А в голове у меня только это: «Как тоскуют руки по штурвалу!» – и больше ничего.

– Слушайте! – говорит этот орел комдиву. – Ну нельзя же так! Вы же мне все загораживаете! Отойдите, пожалуйста.

И комдив... у него шея пятнами... медленно поворачивается и... уходит... к себе...

А я – с грохотом по лестнице и на автобус.

А комдива на «скорой» следом увезли.

Инфаркт.

КОНСТРУКТОРЫ

Очень мне хочется какого-нибудь конструктора на лодку засунуть. Взять его за выступающие части и... погрузить. И чтоб не просто так, как в бассейне: тонем на ровном киле на глубине пятьдесят метров, а чтоб, как и положено, провалиться сперва на четыреста и, прея в подгузниках, проваливаться потом все дальше и дальше, несмотря на полное осушение цистерны быстрого погружения и всякое такое.

Почему-то хочется видеть смятение на его лице и пот, пропитавший подмышки.

Почему-то хочется, чтоб он заметался в поисках этого невыносимого дерьма весом в шестнадцать килограммов – нашего индивидуально-спасательного гондона пятьдесят девятого года рождения.

Хочется его на него надеть, подпоясать и чтоб он в пожаре с ним боролся целых двадцать минут, как это и предписывает инструкция, им же и изобретенная.

А я в этот момент хотел бы, попивая прохладную газировку, размышлять о том, что не совсем правильно он дей-

ствует в предложенных условиях, не там мечется и не так; не обесточивает то электрооборудование и не закрывает тот клапан на переборке в корму, что в условиях дыма держит только один и восемь десятых килограмма по избыточному давлению, без чего переборка в целом не будет держать десять.

И еще я хотел бы, чтоб он самолично стокилограммовый плотик из отсека наверх выволок, чтоб он пять трапов по дороге с этим плотиком снял несуществующими ключами, что есть только в сумке у трюмного, которую в дыму не сыскать.

И потом я б его заставил люк последнего отсека отдраивать и задраивать и, находясь внутри шахты, нижнюю крышку люка, изломившись пополам, вручную подтягивать.

А во всплывающей камере, которую потерять в море – раз плюнуть, при перекосе корабля я б хотел, чтоб он нижнюю крышку этой самой камеры собственными руками герметизировал, а я б ему в промежутке дал подышать из того шланга, из которого вместо кислорода отчего-то угарный газ неожиданно попер, а потом опять погнал бы к этой проклятой крышке.

А после я б его подвел к своему компрессору, для проведения регламентных работ с которым надо обладать ростом в двадцать пять сантиметров и в толщину быть не более десяти, чтоб в ту щель, что они нам оставили, он у меня с детским плачем завалился.

У меня мичман перед теми работами мастерил себе металлическую руку на четырех шарнирах и всюдуставлял карманные зеркала.

А потом бы он у меня читал вслух инструкцию в разделе «неисправности» – там, где у него написано: «сменить предохранитель», – после чего он бы у меня менял этот предохранитель по триста раз, в надежде авось заработает, потому что не работает, хоть ты сдохни, а у него там из всех неисправностей забита только смсна предохранителя – вот и пусть мучается.

Я же мучился.

У него же написано, что стационарные приборы на кислород не реагируют на колебания давления, а у нас, как компрессоры врубают, так все стрелки упали вниз, и ты бледнеешь, потому что это кислород, и весь экипаж на тебя как на придурка смотрит в надежде, что сейчас ты все объяснишь; а ты – в инструкцию, а там – полный порядок, и тогда ты начинаешь выдумывать всякую чушь лохматую, что, мол, раздатчики кислорода у нас на средней палубе, и именно с нее и засасывает в первую очередь воздух сверхмощными компрессорами.

А вы знаете, я конструкторов, в сущности, понимаю. Они когда инструкции писали, они, наверное, про себя говорили всякие слова. Например, «мял твою мать» или «прекрасная погода», и в тот момент это заменяло то нужное, что должны были в инструкцию включить, но по причине постоянного произнесения тех слов про «мать» постоянно забывали это сделать.

Вот и получилось, что они что-то знают, что-то до боли для них очевидное, но совершенно неизвестное таким подводным баранам, как мы.

И вот сидишь ты на глубине метров в триста, а оно у тебя не работает, хоть все себе порви, а ты смотришь в инструкцию в трехтысячный раз и мечтаешь только о холодной газировке, и чтоб ее опрокинуть в себя, полный, шипящий стакан, и чтоб по всем жилам блаженство пробежало, и чтоб отпустило у тебя внутри, ослабило бы удавку, если уж нельзя одномоментно, в одночасье этого конструктора сюда поиметь.

НАСТОЯЩИЕ АДМИРАЛЫ

Так просто настоящими адмиралами не становятся. Тут нужно сочетание мужества и детства. И расположение

планет должно соответствовать. Венера должна быть в знаке Стрельца, а Марс – в знаке Полного Идиота.

Несколькими строчками ниже я вам про это расскажу.

Возьмем киноварь и добавим в нее сулемы, получившейся краской нарисуем следующую картину: трое друзей в звании капитанов второго ранга поступают в Питере в Академию имени выдающегося маршала Гречко. Трое друзей – командиры лодок, а для командиров особые условия поступления. Если все остальные до экзаменов пытаются вспомнить определение логарифма, то командирам атомных ракетносцев это делать совершенно не обязательно.

За них думает Марс, направляющийся в тот редкий астрономический знак, о котором мы невзначай упомянули выше, и Венера, небезразличная к военному сословию.

Командиров подводных лодок на период сдачи экзаменов в Академию во избежание арифметического позора отправляют в дальний поход, придя из которого, они считаются уже поступившими в Академию, и только лишь надо в процессе учебы сдать те вступительные экзамены, ради несдачи коих вовремя и затевалась вся эта каша.

И вот они в Питере – все походы позади. Свобода! Равенство! Братство! Вот что должно быть начертано над входом в то место, где обучают командиров.

Можно еще добавить слово «бабы!», но только с разрешения Венеры. А? Что? Хорошо-хорошо, не будем добавлять.

Итак, раннее утро, зачисление произошло. На радостях куплены новенькие «Жигули», и на них со скоростью, близкой к предельной, они мчатся по пустому шоссе.

Какой командир не любит быстрой езды! Все любят. А как же!

Добавить! Добавить!!! Добавить!!!

И на полной скорости они врезаются в валун «баранья голова», выставленный великим скульптором – природой – на всеобщее обозрение на берегу очень дикого

озера еще во времена Великого Природного Возрождения – в конце ледникового периода.

Его нельзя было не заметить – о бабах ни слова!

И они его заметили – бабах!

Все остались живы, потому что в друзьях у них Венера и Марс, чего нельзя сказать о «Жигулях» – от них ничего не осталось.

И это – то, что не осталось, надо срочно убрать, иначе милиция, дорожно-транспортное происшествие и отчисление из Академии.

Посоветовавшись, друзья решили столкнуть все, что имеется, в озеро – нет машины, нет происшествия – для чего они вооружились жердями, выломанными здесь же в лесу, и начали упрямо бодать «Жигулевые» останки.

Выглядело это так: пять утра, тишь, лишь слышны удары о металл – это три капитана второго ранга в полном военно-морском облачении, с дрынами наперевес нападают на что-то уродливое. Со стороны это напоминает рыцарский турнир.

А потом они находят лямки, обвязывают ими уroda и, впрягшись, долгое время, с рычаньем изображают картинку, взятую из «Родной речи».

В шесть утра у них снова начинается турнир. В шесть тридцать – тихое тягловое увядание, а в семь утра все уже стоят на четвереньках. Силы иссякли – о бабах ни слова.

И тут на дороге случается машина.

Она подъезжает, и что же видят наши измученные военноподполковники? Из нее вылезает начальник кафедры той самой Академии имени того самого выдающегося маршала Гречко, куда они только что поступили.

Он следовал с дачи на работу.

И вот трое заслуженных капитанов второго ранга, построившись перед ним в одну шеренгу, немедленно превращаются в шалунов, затянувших на все лады свое пацанистое «дяденька, мы так больше не будем».

Но!

Все обошлось! Ведро корабельного шила, консервы, о бабах ни слова.

Обошлось! Потому что налицо и мужество, и детство. Фу, блин!

А там и Венера с Марсом подсустились и вступили в долгожданные астрологические знаки, и через пять лет – все одно к одному – все трое наших героев стали наконец настоящими адмиралами.

О СВИНЬЯХ И 9 МАЯ

Мы поговорим о свиньях и 9 Мая. Вы меня спросите, как их можно соединить? Ничего. Соединим, как-нибудь, помолясь о грядущем.

Вот сначала скажите: что на флоте у нас самое лучшее? Я тут слышу, как кто-то в спину говорит: корабли. Ошибаетесь. Самое лучшее – свиноводческий комплекс под городом Мурманском.

Что-то с начала восьмидесятых его там организовали и сейчас же прислали в разведрадиоотряд, что под Североморском, за подписью командующего телеграмму засекреченной связью: «Просим сообщить потребность в свиньях».

А помощником по материально-техническому снабжению там был Зинченко – настоящий офицер, который на это не замедлил ответить такой же секретной телеграммой по той же связи: «Нам чужих свиней не надо. У нас своих навалом, можем поделиться!»

На том конце, видно, тоже люди оказались с пониманием и ровно 8 мая присылают: «Поделитесь! Срочно нужен хряк-производитель. Доставить немедленно!» – и подпись: «Командующий».

А в радиоотряде действительно было к тому времени очень неплохое подсобное хозяйство, потому что разводил там свиней мичман Панин, ветеран и герой Великой Отечественной, всю войну прошел – вся грудь при ходьбе от орденов звенит.

А помогала ему его собственная жена – она в хозяйственной части служила.

И командир ему говорит: «Делать нечего. Невзирая на праздник, срочно бери нашего лучшего производителя, садись на машину и вези его туда».

Мичман, как был во всем параде, грузит на машину хряка – и поехали.

А вокруг редкая теплынь, травка и весна, тишина и солнышко греет.

И на крутом повороте, когда машина притормозила, хряк, уставший пассивно наблюдать весну, встрепенулся и гораздо легче прима-балерины из балета «Жизель», выпрыгнул из открытого кузова, встряхнулся и пошел в зеленые дали.

Мичман выпрыгнул за ним. Это наваждение какое-то было. Молча. Ни звука. Чик – и все в светлом поле.

А машина уехала, никто потери не заметил.

И остался мичман, весь в парадных орденах, один на один с весной и хряком весом в триста килограмм.

Хорошо, что они хорошо знали друг друга, и выяснение отношений между двумя мужиками долго не продлилось. Мичман усовестил негодяя.

А потом он вырвал из кустов ольхи ветку, сделал из нее ошейник, надел на хряка, взял в руки еще одну ветку и, оглаживая это чудовище веткой по жопе, повел его на поводке в часть.

И тут их догоняет зам на «Волге».

А замом у них в те времена был наш старый знакомый Марданов через «а».

Я вам про него в рассказе «Вареный зам» рассказывал,

и то, что он родился в 1942 году без чувства юмора, было очевидно – не до юмора в те времена было.

И вот видит Марданов, что заслуженный мичман, ветеран с медалями, ведет на поводке кабана.

Это его не удивило. Он остановился и спросил о том о сем, конечно же, но только так, чтоб разговор поддержать, потому что ехал он в часть как раз затем, чтоб таких вот героев, как этот мичман, которые до сих пор в строю, с Великой Победой поздравить.

– Поздравлю, – говорит он, – вас с Великой Победой!

Мичман и хряк развернулись в сторону зама, и один из них, как это и предписано уставом, извлек из себя радостный крик, столь приличный моменту.

Пошла парочка молчаливых секунд, и тут мичману приходит в голову то первое, что и должно было прийти:

– А разрешите нам с хряком к вам на заднее сиденье втиснуться?

Я же вам говорил, что наш Марданов родился без чувства юмора. И что он такое сказал мичману на это предложение, сказать можно, но будет ли это так же забавно, вот о чем я беспокоюсь.

В общем, Марданов уехал, а мичман с хряком остались грузовик дожидаться.

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

1993 год на дворе, конец «холодной войне», начало «дружеских визитов». В Норвегию, конечно.

Наш СКР с командующим Кольской флотилией на борту пошел в Норвегию. А командующий – веселый, хохочущий, цветущий, энергичный, большой – жизни в нем полно, и все это направляется в Тромсе.

Там их дожидается фрегат береговой охраны и норвежс-

кий командующий – суховатый, как с картинки, натовский адмирал.

Полночи отмечали конец «холодной войны», потом братание и переход на «ты».

А утром надо было на натовском вертолете летать. Над заливом, над фрегатом и над прочими кораблями, раскрашенными и чистыми.

Наш командующий с утра перед полетом от жажды неминуемой пять кружек кофе в себя опрокинул, от удовольствия крякнул, но в воздухе его занемогло. Часа полтора летаем и общаемся с норвежцами через атташе, а я – рассказчик этого рассказа – рядом с командующим сижу, и ляжки наши соприкасаются, и через нее, через ляжку, я чувствую, как в нем растет напряжение.

А красота вокруг невероятная: лето, море изумрудное, скалы игрушечные, корабли-кораблики.

А командующий все тучнеет и тучнеет и одновременно скучнеет.

А как с этим недугом поступают все на свете вертолетчики? Они просто открывают дверцу и ссут нам на голову.

И командующий поступил бы точно так же, будь под ним не Норвегия, а горячо любимая родина.

А тут нет! Не мог он насрать на Норвегию и так уронить то единственное, что мы еще не уронили – нашу честь.

А тут они еще решили летать не только над морем, но и над прекраснейшей норвежской сушей.

Часа полтора проходит – командующий почти никакой.

– Уве, – говорит он тихим, дряблым голосом норвежскому командующему, – давай мы где-нибудь сядем. Ножки разомнем.

И сели. В Эванесе, на военном аэродроме. И тогда мне на секунду показалось, что норвежцы понимают, что с нашим героем происходит, потому что сели в самой середине бетонного поля. Вокруг на полтора километра ни куста.

Подъехал рафик и заправил вертолет.

Назад летели часа два – два с половиной, командующий был в полном отрубке. Чувствовали ли вы когда-нибудь, что у вас на руках умирает ваш друг, брат или же большое живое существо? Это просто тоска сердечная.

Вот и я себя так чувствовал, потому что он уже без всего, сползает и всей тяжестью на меня наваливается, а я его удерживаю.

И вот садимся наконец.

И не на наш поганейший СКР – где у нас там садиться – а на их поганейший фрегат.

А к командующему сразу всякие клерки ринулись, рванули, обступили: кто бумажку подписать, кто еще чего. Я атгаше шепчу: «Хватаем его под руки и в гальюн пулей, а то помрет!»

Подхватили мы командующего и понеслись.

И – вы знаете, такое облегчение, должен вам заметить, просто удивительно.

Просто пять минут, и командующий опять ожил, запорхал – веселый, большой, цветущий – жизнь ключом.

А норвежцы, по-моему, потускнели как-то.

А наш-то – какой орел, ну ни в какую не обоссался.

ИСТОРИЯ ИМЕЛА ПРОДОЛЖЕНИЕ

Я тут неточно выразился. В первый раз пили на нашем борту, и все было отлично – до койки два шага.

А полет был запланирован на завтра после завтрака на пятнадцать минут, вот почему наш командующий и выпил пять кружек.

А полетать подольше над потрясающей Норвегией предложили сами норвежцы уже в воздухе – мол, чего там, быть в Норвегии цветущей и не полетать, и он согласился, не подумавши, но через двадцать минут заерзал, то есть осознал.

Я потом спрашивал у норвежского контрразведчика.

Знаете, разведчики с контрразведчиками друг друга находят в первый день, а потом уже идет обмен любезностями: вы нашему адмиралу пузырь мочевого рвете, а мы вам – другое.

Я того норвежца сразу вычислил: суетился сильно и где какой разговор – он сразу там.

Пригласил я его на следующий день, выпили по литру, и я ему говорю, мол, четыре часа летать вместо пятнадцати минут по протоколу – твоя идея? Он – ну, в общем, я к этому тоже руку приложил. Потом мы еще выпили, и я от него отстал.

Продолжение банкета планировалось в тот же день на их базе: там есть некое подобие технического здания, из которого базу совсем не видно. А нам ее очень надо было посмотреть, потому что из космоса ни черта не различается: подходы, подъезды, коммуникации.

Я с командующим до этого провел совещание: как нам склонить норвежцев на осмотр базы.

И вот на банкете командующий говорит этому Уве, мол, слушай, Уве, едрен батон, а чего это ты нам базу-то свою совсем не показываешь, «холодная война», ковырять ее в темечко, давно кончилась, давай посмотрим, ты – моряк, я – моряк, интересно же.

А тот косится на своего контрразведчика. Этот глазами говорит, что можно, только вон того – опять глазами на меня – не берите.

Ну и пошли они одни по базе ходить, дети славы.

Мне командующий потом все за один час нарисовал: что у них, куда и как.

Мы, оно конечно, чуть не обоссались в первый раз с непривычки и от простоты души, но вот только память-то у нас фотографическая, чтоб вам жопу разорвало.

ДОЖДЬ

Офицер не промокает. В крайнем случае, только со щиколоток, потому что наш прорезиненный плащ до этого места доходит, и вся влага со всей туши во время проливного дождя собирается именно там, после чего она стекает в ботинки. Кто не понимает, о чем это я, тот пусть наш плащ наденет.

А вот зонтик офицеру нельзя. Ни к чему. Представьте себе офицера и с зонтиком! Вот это легкомысленное поднятие руки с этим приспособлением против грозы – ну не чушь ли? Чушь! И командующий вам так скажет. Он нас собрал как-то и заявил: «Офицер с зонтиком – это чушь!»

Поэтому не промокаем под проливным дождем. Идем по дороге и не промокаем. Часа три осталось идти. У нас только Трофимыч в плаще, похожий на рыцарей Внесемелья, а остальные – так, на кур похожи.

За исключением Петра. Тот, чудила, с зонтиком. Но его и за офицера никто не считает, потому что он на два года из института призван. И когда его спросили как-то, почему в нарушение последнего распоряжения он с зонтом, то ответ его был: «Так ведь льет же!» – хуйня какая-то, а не офицер.

Офицер – это когда молча.

Блядь, еще два с половиной часа чапать. Идем такой стаей: впереди рыцарь Трофимыч, за ним Петруша с ерундой, потом мы трое. Это мы на совещание перемещаемся в соседнюю базу – ну хоть бы колымага какая – все мертво.

Проходит еще полчаса – ну невмоготу же!

И вдруг из-за бугорка доносится урчание автомобиля. Машина!

Видели ли вы офицера, услышавшего за пригорком машину? Он встрепенулся, как боевой сыч! У него глаза, как золотые площадки! А речь-то, речь – просто не унять.

Машина только показалась – а мы уже готовы к нападению. Не уйдет, мы ему дорогу перегородили. Трофимыч-

рыцарь руки растопырил и превратился в крест с плащаницей, Петр трясет своей ерундой, а мы по бокам. Не уйдет.

А машина и не уходит, притормаживает, и тут мы на нее бросаемся. Влетаем на борт и... и тут мне начинает казаться, что время остановилось. Уж очень долго я в нее падал. Она, оказывается, отходы пищевые везла. Обычный грузовик, прорезиненным брезентом дно и борта выложили, а потом вот это жидкое туда и налили. Вот почему она ехала медленно, расплескивать не хотела.

Я когда наконец в это говно упал, то заметил, что все наши в нем уже сидят, причем Трофимыч, как настоящий рыцарь, отплеивается.

Шофер вышел, обошел, взобрался к нам и говорит: «Вылезете или же поедем?» – и тут все как заорали: «Едем, блядь!» – и мы поехали. Сидя и молча, а Петр над всем этим свой зонтик держал.

Ну не хуйня ли?

В ЗМЕИНОМ

У нас в Змеином много кораблей. Все больше военных. И вот пришло время получать шило, то есть спирт. Почему с вредом для здоровья, о котором я скажу ниже, его получали вместе с перекисью водорода, причем в очень похожих друг на друга банках, которым эти сволочи на погрузке тут же крышки с бирками поменяли, чтоб потом то шило стибрить и распить, я не знаю.

Но только старпом, старший на борту в отсутствие командира, получив почти стопроцентную перекись водорода вместо спирта-ректификата, до того был уверен в том продукте, коего ему с ходу поменяли на другой продукт, не менее обжигающий, что сейчас же собрал всех в кают-компанию, налил себе стопку, тщательно, со слезой в гла-

зах, разбавил ее водой из особого молочника, после чего со значением произнес: «Чтоб для нас эта влага никогда не кончалась!» – и, запрокинув голову, выпил.

Какое-то время он еще продолжал стоять, что позволило заметить скорость химической реакции, а потом он бессознательно упал, и розовая пена у него из горла пошла, все тарелки затопив.

Старпома головой под кран в буфетной, но сперва все же понюхали: «Как тебе? Это все-таки не спирт, по-моему?», – и воткнули ему в глотку шланг и сгоряча, конечно, сильно кран открыли.

Старпома от гидравлического удара развернуло на спасателей, и он на них воду длительное время извергал, как окаменевшая рыба в фонтане. Таким образом его спасли.

А потом все взялись за тех паршивцев, годков, что всю эту подмену и устроили.

Шила удалось вернуть только половину, и вторую половину искали, угрожая пытками, но до ночи ничего не нашли.

Ночью у матросов мичмана отобрали еще два литра.

А что делают мичманы, отобрав у матросов два литра? Они в два часа ночи садятся и празднуют победу.

Но это если только их в два тридцать не находят офицеры. Те отбирают у мичманов спирт, отправляют их спать, и... сами накрывают на стол.

Утром корабль не встал. Он вообще не проснулся. И такая ерунда, как «подъем флага», тоже не получилась.

И командира, отсутствующего накануне, никто не встретил, и у трапа никто не стоял, и в рубке никто не был...

Командир вступил на корабль, а потом он начал по нему, от одиночества, красться, но... везде было пусто.

Только в объятиях ватервейса он нашел одного. Он поднял его за шиворот.

– Что тут случилось? – спросил он у тела.

– Ой, бы-ля! – был ему ответ.

ПРО КРЫС

Это просто бедствие какое-то, клянусь, чем хотите.

Две крысы занимались любовью в ГРЩ где-то в шестом отсеке, то есть трахались не покладая.

Ну, он и полыхнул, как и предполагалось.

От крыс ничего не осталось. Сгорели они в пламени не только любви, а у нас – огня и дыму – сами понимаете.

Тушили, вспоминая Господа нашего. Командир выпрыгнул из штанов, и потому в центральный он прибежал без них совершенно, после чего все, включая командира, нацепили на себя ИДАшки – индивидуальные наши дыхательные, и дали по всей лодки огнегасительную дрянь из системы ЛОХ.

И они подошли. В смысле крысы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Они-то подошли, но, подыхая, забрались куда подальше, откуда их ничем не достать (сами знаете, как иногда – видно прочный корпус, а до него даже палкой не дотянуться – трубы, кабель-трассы, и прочий шмурдяк). И две недели на корабле была только вахта, в ИПах стояла, и вентиляция сутками работала... Крысы – это что-то...

Они на моей лодочке на подволоке кают-компания по утрам в пятнашки играли. Сидишь в 4 часа, не приходя в сознание, ешь еду и передергивает от их визгов-писков да топотанья... Брррынь – пробежали... Потом – бррррынь – обратно. Мы, как только в Приморье пришли, тут же полыни каяк набрали, а то блохи... мама моя дорогая, бронзовая... Вот только меня в штурманской они почему-то не трогали.

ЖЕНСОВЕТ

Женсовет – это орган. И порожден он другим органом в те времена, когда у нас было много органов.

Славные то были времена. Ох, славные! И замполиты вам так скажут. Я тут встречал настоящих замполитов, так они мне сразу сказали все относительно тех времен.

«Ох!» – сказали и даже глаза закатили, потому что невозможно их не закатить. Судите сами: ведь все было для них. И в военторге они столько тырили всякого добра, что я даже не знаю, как те времена по-другому-то назвать.

А еще они мне говорили: «Вот, Саня! Вот! Ответь: почему ты нас не любишь», – на что я им немедленно отвечал, что люблю.

Я вообще люблю все живое и готов целовать взасос всякую Божию тварь. Даже если это последняя тварь, и больше у Бога ничего не осталось в загашнике.

Так что – люблю! Точно!

Вы, наверное, уже догадались, к чему я все это. Правильно! Это замполиты придумали женсовет.

«А для чего?» – спросите вы.

А для того, чтобы укреплять наш дух. Собственный дух они уже укрепили с помощью военторга, а наш – с помощью женсовета, который сначала через посторонних баб укреплял семью, а уже с ее помощью – дух.

Так, во всяком случае, замысливалось.

И пока все было на бумажке, это никому не мешало, но потом замполит нашего дивного, отдельно стоящего гарнизона поручил женсовет – это вполне сформировавшееся к тому моменту виртуальное движение – вполне реальной личности: начальнику клуба.

Тот был лейтенантом и звали его Васей.

Замполит называл его Васек.

«Васек! – сказал он однажды. – Займись женсоветом!»

И Васек занялся. Мало того, он увлекся, повесил у себя

в кабинете портреты Клары Цеткин, Ларисы Рейснер, Розы Люксембург и, конечно, нашей главной женщины – Надежды Константиновны.

Потом он принялся рожать планы. Как всегда, громадьё – планы, инструкции, отчеты, дневники движения.

И еще «итоги работы детских музыкальных школ». Ничего этого в помине не было, но Васек здорово бредил.

Я бы даже сказал: самозабвенно.

А женская общественность даже не подозревала о своем существовании. В результате служащая Широкова по итогам года заняла четвертое место на флоте. Это служащая и была председателем того женсовета.

Зам вызвал Васька и сказал ему, что он – молодец и что «так держать!»

И у Васька от такого успеха выросли дополнительные яйца. Теперь он, кроме курсов «кройки и шитья», организовывал курсы «подготовки к материнству» и проводил «рейды по неблагополучным семьям», грибные походы и ягодные переходы по рекам на байдарках.

Все это было в отчете, и зам ему это подписал. Командир тоже подписал, и отчет оказался самым лучшим на флоте, занял первое место, а служащую Широкову в том же приказе наградили ценным подарком.

Но это еще не все: через месяц на базе нашего отдельно стоящего гарнизона должны были состояться сборы женсоветов по передаче опытов.

«А где у нас Широкова?» – спросил наконец зам. И тут он услышал, что Широкова водилась когда-то в этих местах, не без того, но теперь она уже лет пять как отъехала на Большую землю.

Зам закрыл лицо ладонками и сидел так минут пять. Потом он пошел к командиру.

Вместе они решили возродить женсовет и за месяц до сборов запасть тем опытом, который затем удасться безболезненно передать.

Собрали баб и объявили им, что, мол, у нас были недостатки, но ничего не стоит на месте, и давайте организуемся, вот, что вас на данный момент не устраивает?

Баб на данный момент не устраивало все: жилье, распределение, потребление и то, что мужики при них матерятся, особенно в замкнутых помещениях.

Моя жена немедленно была выбрана председателем вместо «служащей Широковой». А вы знаете мою жену. Ее невозможно не знать. Это настоящий танк. Она сквозь стены пройдет и все что хочешь возьмет голыми руками.

И начали мы обрастать общественностью, как помолодевшая болонка шерстью. На кухне нашей постоянно происходили совещания, заседание и женское народившееся самосознание билось, как семга в сетке.

Я этого не выдерживал. Я сколотил ящик «жалоб и предложений», повесил его и попросил обращаться туда письменно.

Стало легче, но не настолько. Зам это скоро почувствовал. Потому что то, что он тянул домой из военторга и думал, что бабы ничего не видят, на поверку оказалось полной ерундой: все они видели и немедленно спросили у него через образовавшийся орган, сколько у него семей и детей. По их расчетам выходило, что жен у него не меньше десяти, а детей не меньше шестидесяти.

Женское зрение, я вам скажу, это нечто!

Командир это тоже скоро почувял.

Собрали они баб с мужьями в клубе, поскольку им все еще хотелось договориться. И командир стал держать перед ними речь.

А командир наш человек невероятной порядочности, хоть и забывчив, и девичьего смущения в нем достаточно имеется, если дело касается смешанных полов, то есть если есть и мужчины, и женщины. И потом, он у нас очень образованный человек, если где кроссворд какой-нибудь, или чайнворд, или же викторина – всегда он занимал первые места.

Но была у него одна особенность: если он вслух говорил о мужчине, то добавлял «ебенить», а если о женщине, то «бля».

И вот держит он речь перед нашими бабами, которые пришли на встречу вместе с мужьями. Речь о культуре и о том, что не надо материться в присутствии прекрасного пола, о чем этот пол все время напоминает.

Произнося «мужчина», он говорил «ебенить», а «женщина» – конечно же, «бля».

В зале начинается движение на стульях, сдавленный смех.

Командир не понимает, в чем дело и начинает волноваться и произносить слова тщательней, отчего вместо одного «ебенить» он говорит два раза «ебенить», ну а «бля» он говорит уже три раза.

Бабы от хохота ссали на стулья.

Потом пришел зам и вывел командира под руки – тот по дороге квакал.

Затем он попросил удалиться женщин и полчаса говорил мужикам, что они своих баб, бля, совершенно распустили. Теперь мужики начинают ссать на стулья, и к концу дня помещение было на удивление как загажено.

Потом приняли волевое решение. За пять литров спирта и коробку дефицита наняли нужных баб, проинструктировали, и они три дня на сборах очень ловко, с песнями и с камланием, изображали женсовет.

А Васек во всем этом не участвовал. Он совсем после этого дела сник, подал рапорт, перешел в стройбат, а там и вовсе уволился и сменил родину – уехал в Швецию, где, по слухам, сменил пол и потом уже, со временем, возглавил шведское движение за женскую эмансипацию.

Вот. А еще говорят, что я замов не люблю.

ПОДВИГ

Акванавт старший мичман Васильев способен на подвиг. Недавно это выяснилось. Несколько дней тому назад в котельной прорвало трубу с горячей водой, а старший мичман Васильев дежурным стоял. Так вот: он бросился бороться за живучесть, закрывая дыру голыми руками и терпя сильнейшую боль от кипятка.

А тут случился другой, молоденький мичман, оказавшийся неизвестно зачем в той же котельной, просто шлялся вокруг, видимо, и зашел на крик. И вот Васильев, рыча, поворотив свое распаренное, красное лицо, с совершенно разутыми от напряжения глазами в его сторону, отправляет его за помощью к дежурному по части: «Даааа... вай!»

А вокруг лето, полдень, лепота, расслабление.

Но кипяток жжет Васильева. Просто нещадно жжет – ЫЬЫЬ!!!

Жжет! Нет сил терпеть, а помощи все нет и нет, и тогда Васильев бросает трубу на хер, с криком выбегает на улицу, окропляя дорогу потом и не только, и...

И что он видит? Посланный за помощью молоденький мичман играет с котенком.

Такого вопля давно не слышали у акванавтов.

Васильев гнался за молодым мичманом с возгласом: «Убью, сука!»

Молодого мичмана от смерти спасли только быстрые ноги.

ФИКУС

У нас мичман Панин по-большому в туалет только при сигарете ходил. Входил, садился, закуривал, и только тогда из него на базе дерьмо шло. Иначе никак. Условный рефлекс, отшлифованный годами. Вот в море, под водой, без

сигареты – пожалуйста. А на свежем воздухе – ни за что. А тут – перестройка грянула, и с сигаретами перебои. Не подвоят вовремя, и мичман Панин у нас три дня не срамши.

Просто погибает человек. «Найдите мне хоть сена», – говорит он всем жалобно. А где мы его найдем? Север, зима – ни травинки. Люди были посланы искать, но вернулись ни с чем. Мы к доктору его отволокли, а он с клизмой не дается и все стонет: «Травы... мне... травы...» – умирает человек.

И вот когда стало совсем невтерпез – просто у всего экипажа жопа разрывается от сострадания, – врывает в ротное помещение матрос Хохлов с криком: «Нашел!» – в заброшенной казарме он нашел засохший фикус. Перетирала его листья просто все, для скорости. Потом свернули козью ножку, воткнули скрюченному Панину ее в рот, подожгли, а самого его, дымящегося, под руки волоком в галльон. Там штаны сдернули, развернули почти совсем без ощущений, усадили орлом и дверь прикрыли.

И тут с помощью жопы он издает рев буйвола, застрявшего в кустах, – СРЕТ!!!

Вы знаете, никогда потом этот звук не породил в экипаже такое количество счастья.

С тех пор фикус у нас постоянно в казарме растет.
На всякий случай.

СЛУЧАЙ

У нас есть катер для отвозки курсантов. То есть практика, мы их откатали, они на берег сошли, потом у них какие-то береговые бдения с переходом в мучения, а мы – несколько офицеров и, стало быть, преподавателей, на некоторое время свободны вместе с командованием катера, что непременно отмечается.

Все напиваются, как последние свиньи.

А утром – строгие и тупые – все собираются у каюты командира, потому что он из дверей должен появиться и определить нашу дальнейшую судьбу.

И он появляется. То есть открывается дверь, и из нее показывается рука, которая, следуя по стенке влево, начинает там шарить – это он графин ищет. Там, на стенке, в специальном стакане, прикрученном намертво, стоит графин с водой. Вернее, стоял до вчерашнего дня, а потом мы его на рынду заменили. Она как раз по размеру подошла. И она же медная, гладкая и прохладная, и очень потому на графин похожа, если б не одна деталь – у нее горлышка нет. А рука командира шарит именно в поисках этого горлышка. Гладит она бока рынды и, судя по всему, недоумевает – где же оно. А наши, наблюдая эти муки, комментируют: мол, горлышко должно быть, надо только получше поискать. И рука, следуя этим указаниям, ищет получше, а ее направляют: мол, влево посмотри, а теперь вправо, а что, если бок почесать.

Наконец появляется совершенно охувший командир. Он высовывает из дверей голову и смотрит на то, что он уже двадцать минут изо всех сил считает графином.

И вы знаете, у всех все-таки одно высшее образование и несколько средних, но тут, как только увидели его лицо, все осознавшее, так и ломанули по коридору бежать вперемежку, стараясь друг друга на поворотах обойти.

Потому что он бежал сзади, ревел и крушил все этой рындой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Потом все друг друга простили. Командир опять заснул, а мы собрались рядом, в нарды играть. Имелся у нас один специалист – ни за что не обыграешь. Все это знали, но был там один недотепа – мичман с катера. Решил он с

ним сыграть на рев льва. Проигравший становится на четвереньки на стол, потом ноги сгибает так, как это делает лев, голову запрокидывает и орет ужасно три раза.

Мичман тут же проиграл, за что он встал на стол, принял позу царя зверей, запрокинул голову и... и прежде чем он заорал, самые умные уже побежали, потому что в конце рева те, кто уже отбежал далеко и оглянулся, мог видеть мичмана, который так и не принял человеческую позу, а так львом и скакал по коридору, потому что за ним гнался разбуженный командир, в руках у которого был багор для отпихивания от плавающих бревен в тумане.

Мичман бросился через перила за борт и поплыл, а командир подбежал к перилам и метнул в него багор.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

– Товарищ комдив! В дивизии сложилась тревожная эпидемиологическая обстановка!

– А что такое?

Витя Прошин – начальник медицинской службы атомного ракетноносца и по совместительству флагманский врач на сегодня – встал на докладе у комдива, произнес эти слова и сразу превратился в живое усердие и служебное рвение. И еще у него глаза серые, с проблесками бесстыжности, вылезли на лоб, а челка вспотела.

Дело в том, что старпом Витин – Клавдий Трофимович Прокопец – уже две недели преследовал его на корабле и шел по теплому Витиному следу, проще говоря, гноил его на каждом шагу.

И вот Витя решил оторваться. Оставшись на два дня за флагманского, он организовал на дивизии поголовный посев.

А что такое посев? Посев – это торжество медицин-

ское. Вся дивизия следует в амбулаторию, где снимает штаны, а потом, по команде, наклоняется и – «Раздвиньте ягодицы!» – раздвигает, после чего им всем в жопу, неожиданно глубоко и в отдельных случаях, если люди неприятны, и больно, вставляют стеклянную пробирку, ворошат там, после чего в отдельных случаях с чмоканьем вынимают и со словами «Еще одна целочка!» – рисуют в чашке Петри всякие каляки-маляки, потом все это относится в лабораторию, где результат может и удивить.

Витя посеял всех. Кроме родного старпома – Клавдия Трофимовича Прокопца. Тот ловко уклонялся. Витя решил положить этому конец, а заодно и всем этим преследованиям. Он заложил его комдиву.

– На экипаже таком-то (называется собственный экипаж) старпом всячески саботирует мероприятие, чем нарушается документ (номер документа) и создается прецедент (номер прецедента).

– Старпома ко мне, и вы лично возьмете у него мазок (посев)... да, да посев в моем присутствии... есть здесь кто-либо из этого экипажа?

Есть! Дело в том, что на том же докладе вышеупомянутый старпом находился в качестве старшего на экипаже. Краснее помидора, дозревшего на открытом воздухе, а не в ящике, стало лицо Клавдия Трофимовича, когда он поведал высокому собранию, кто тут уклоняется, сложно виляя задницей.

– А... так это вы? Очень хорошо. Далеко ходить не будем. Доктор, у вас все с собой, надеюсь? (торопливый кивок и от нетерпения вспотели виски). Чудненько. Старпом, прошу на центр поля.

На Трофимыча страшно было смотреть. Он вышел, заплетаясь в шнурках. Он снимал штаны, расстегнув зачехто китель. Он наклонялся так, будто сзади его непременно ждет электродрель. Он по команде «Раздвиньте ягодицы»

так их раздвинул, что все желающие могли пронаблюдать неповторимое устройство старпомовской гузки.

А когда в него по локоть залезли, то он сказал: «Ам!»

– Как вы там говорите при этом, доктор? – спросил уже милостиво комдив.

– Мы говорим: «Еще одна целочка!» – сказал Витя Прошин, складывая инструменты, появившиеся у него по-волшебному и так же по-волшебному исчезнувшие.

– О! – сказал комдив и поднял палец вверх. – Очень правильные слова.

С тех пор Клавдий Трофимович уже больше не ходит за доктором по свежему следу. Бросил.

ШИЗОФРЕНИЯ

Я в Северодвинске тополя увидел. Не то чтобы я их никогда не видел раньше, просто север – и вдруг тополя. Я привык, что на севере береза не выше колена.

Пришли мы на захоронение летом, и сразу солнце, деревья высокие – есть от чего обалдеть. Я минут пять стоял рядом со светофором, смотрел, как он работает, и улыбался. А люди шли на автобус и тоже улыбались. Наверное, у меня был глупый вид.

Все это происходило в 1985 году. Мы тогда из последней автономки прибыли, и сразу закрутилось – в Северодвинск, лодку пилим на иголки.

Вот пришли, и сразу отпустило, будто никаких автономок никогда и не было.

У меня их двенадцать. В те времена – обычное число. Я видел тех, кто за то же время отходил двадцать пять, – совершенно ненормальные люди. Помню одного боцмана. Во-первых, он в тридцать восемь лет был похож на дедушку, во-вторых, при разговоре моргал и

плечами дергал, в-третьих, говорил, чтоб я не обращал на это внимания.

Здорово мы тогда ходили. В году по две автономки – это сто восемьдесят суток, потом два контрольных выхода – еще двадцать, и так, по мелочи, раза три по десять. Итого – двести тридцать ходовых. А некоторые успевали сделать три автономки за год – это за триста.

И так – почти десять лет.

Полный мрак.

А на коротких выходах режимы рваные – вверх, вниз – без сна. А если сразу после автономки в море выгонят, то народ как глотнет свежего воздуха, так и вырубился. Рваные режимы самые тяжелые.

Хуже всего центральному посту, штурману – тот вообще на одних нервах да на молодости – суток пять может не спать. Просто некогда спать.

Но чуть зазевался, и сон тебя поймал – тогда спишь где угодно.

И, главное, никак не проснуться. Голова мотается, ты знаешь, что надо открыть глаза, говоришь себе: «Сейчас жс открыть глаза!» – и ни в какую. Устал бороться – опять выключился.

Однажды на таком выходе я вхожу в центральный, а они все спят: спит старпом в командирском кресле, спит боцман на рулях, механик на «каштане», спит оператор БИП – боевого информационного поста – и все вахтенные.

В автономке ты привык к одному воздуху, а здесь – другой. Свежий. И кислороду больше. У нас в походе редко выше девятнадцати процентов, а на воздухе – двадцать один. Укладывает в момент.

Сходил после автономки пару раз в поселок чапающей походкой, поваландался на пирсе парочку дней, вышел опять в море – готово. Мертвый. Не разбудить.

А если вы интересуетесь, почему у нас после похода такая походка, так мы вам расскажем, что это от ослабления связок. Связки голени, голеностопа слабеют, потому

что в походе как ни ходи, все равно в сутки проходишь только восемьсот метров.

Хорошо, если на берегу нога в ботинке не подвернется. А если подвернется, то распухнет – ботинок будешь резать.

А еще болят кости ног. Отвыкли ходить.

В Северодвинске я сразу пошел в библиотеку, в читальный зал. Я там читал сказки Андерсена. На меня смотрели как на дурака.

После меня вошли два лейтенанта и попросили подшивку журналов «Вокруг света». Молодые, смеются.

А еще я читал Ахматову. Все, что нашел. Жадно.

С нами в последнюю автономку ходил прикомандированный доктор. Звали его Женя. Сокращенно доктор «Же». Просто у нас своего доктора давно не было.

Сначала у нас был Демидов сорока двух лет, но в автономке у него случился инфаркт. Командир упросил его потерпеть до берега.

Это была наша первая автономка, и командиру важно было ее не сорвать досрочным возвращением – у него наклеывалась Академия.

А положено же как? Положено доложить, что на борту больной, для чего надо всплыть, дать радио, а это потеря скрытности, срыв боевой задачи.

Вот Демидов и терпел.

После него много побывало у нас докторов. Все со своими тараканами: кто-то пьяница, кто-то просто дурак.

А дали молодого врача – он пошел и на чердаке в Мурманске повесился. Месяц искали.

Потом замкомандира дивизии на вопрос командира о прикомандировании на поход доктора неизменно отвечал: «Нечего было своего вешать».

Это он так шутил.

Когда появился Женя, или «доктор «Же», мы все хором подумали, что еще один чудик.

Но Женя был славный. Хороший парень, трудяга. В любое время примет, перевяжет.

У нас же матросы сонные на вахту бредут, а на лодке штырей всюду торчит – видимо-невидимо.

Ну и бодались. Потом вся башка в крови.

А Женя зашивает. Я бы этих конструкторов об каждый такой выступ головой лично бы бил. До крови. Есть у меня такая мечта.

Мы с Женей любили болтать. Он, оказывается, тему диссертации себе присмотрел, и уже по ней работает.

Название – самое безобидное. Что-то такое: «Соотношение труда и отдыха».

На первый взгляд – чушь.

Я ему тогда так и сказал, а он на меня посмотрел внимательно и начал рассказывать. Вот его рассказ вкратце.

«В земных сутках – двадцать четыре часа. Давно это повелось. Примерно несколько миллионов лет, может больше, и все живое на Земле привыкло к двадцатичетырехчасовому циклу. Где бы ни было земное существо: в космосе, на земле, в воздухе, под землей, под водой – у него внутри биологические часы. Двадцать четыре часа.

Например, на орбите у космонавтов солнце всходит и заходит каждые сорок пять минут. И была мысль сделать им восемнадцать часов работы, а двенадцать – сна. Не получилось. Не захотел организм.

Организм хочет, чтоб ты уложился в двадцать четыре часа.

Если у тебя вахта четыре часа, а потом, через восемь часов, еще четыре часа, организм решает, что у тебя двенадцатичасовой рабочий день, и он начинает перестраиваться. Он начинает ломать свои собственные часы – все летит к черту. Нервная система дает сбой. Отсюда депрессии, нервные срывы и прочие радости.

Организм хочет двадцать четыре часа. То есть ты заступаешь на вахту один раз в сутки, и это будет не четыре, а шесть часов. У тебя должна быть не трех-, а четырехсменка. И спать ты должен не два раза по четыре и не сперва шесть, а потом два, а восемь часов подряд. А если не получается, то сокращайте плавание. Два месяца – это предел.

Американцы плавают так: шестьдесят суток, потом пришли, семьдесят пять суток – отпуск с санаторием за государственный счет с семьями под наблюдением врачей – потом двадцать суток на то, чтоб вспомнить в учебном центре, что ты подводник, и опять в море на шестьдесят.

Как плавают наши, ты знаешь. Двести двадцать – сорок – шестьдесят суток ходовых в году, а подряд может быть сто – сто двадцать, а отдых может быть в следующем году.

Человек, получается, самый надежный на лодке болт. Не обращал внимания на лица людей после автономки? Правда, кажется, что они не в себе?»

Правда. У нас в сорок лет можно выглядет на пятьдесят, а в сорок пять быть уже покойником. И все это время быть «не в себе».

«Через шестьдесят суток плавания на английском торговом флоте любой считается недееспособным. Его подпись на банковских документах должна быть удостоверена еще кем-то. И это закреплено законом. А у нас что закреплено законом?»

У нас? Если у нас подводники ходят по двести с лишним в году, и это, получается, законно, то надводники могут укатить на четырнадцать месяцев. А про рыбаков мне рассказывали, что «путина» у них может продолжаться целый год, а потом человек выходит на верхнюю палубу с чемоданами, говорит всем: ну, я пошел домой, и падает в винты. Много таких было случаев.

Как-то на моем веку создали лодку-катамаран, «Акулу», здоровенную дуру. На ней оборудовали комнату отдыха, сауну, бассейн, и на этом простом основании решили им сделать автономку в сто двадцать суток.

В поход пошли медики. Они брали кровь на анализ у всего экипажа. Они выяснили, что на сто двадцатые сутки кровь подводника меняет свой состав. «Акулам» оставили девяносто суток автономности.

«У американцев отдых после автономки должен превышать время, проведенное в автономке, а у нас «полное восстановление» наступает через двадцать суток, которые можно провести «при части» – дивно, не правда ли?

А ты знаешь, что я меряю температуру моряков сразу после сна и в первый час после заступления на ночную вахту? Она еще час после заступления держится на уровне тридцать пять градусов: человек, стоя на вахте, еще час спит. У него спит сердце, желудок, голова – он весь спит. Как же он несет вахту, если не помнит, что он делает?

Но это моряки, матросы срочной службы, молодежь. Он отслужил три года – и домой.

А офицеры и мичманы? Через несколько лет такой службы температура тела все время находится на уровне тридцать шесть градусов. Не тридцать шесть и шесть, а тридцать шесть. О чем это говорит? Организм включил самосохранение. Он понял, что его убивают, и включил режим, при котором он может выжить.

Что потом? В конечном итоге, человек не отвечает за свои действия. Это можно назвать «шизофреническими явлениями», или я это еще называю «наведенной шизофренией». Она проходит, но потом.

Вспомни, были ли случаи странного поведения в автономке?»

Были. Мне рассказывали, что у соседей в походе случилось вот что: в конце похода торпедисты запросили у командира «добро» на проворачивание машинки ТПУ (тор-

педопогрузочного устройства). Он разрешил. Через некоторое время акустики доложили: странный звук. Лодка начала искать источник звука, отворачивала, прослушивала кормовые углы, потом нашли – звук из первого отсека: эти орлы сидели и ножовкой по металлу отпиливали кусок ТПУ – им показалось, что она большая.

«Да. Человеку кажется, что все он делает правильно».

А сколько раз при пожаре вместо огнегасителя (система ЛОХ) в горящий отсек давали ВВД – воздух высокого давления? Кучу раз. Причем дается ЛОХ из центрального старшиной команды трюмных, а это человек грамотный и он до последнего уверен, что дал не ВВД, а ЛОХ. А там клапаны разные. Даже по внешнему виду.

«Человек не отличает явь от сна».

Точно. Один раз в середине автономки ночью в центральном появился штурман в шинели, в ботинках, шапке, застегнутый на все пуговицы. На вопрос старпома: куда это он, тот сказал, смутившись: «Домой. Прошу разрешения наверх».

А «верх» закрыт. Мы под водой. Глубина сто метров. Атлантика.

Старпом на полном серьезе сказал: «Не разрешаю!» – и штурман пошел переодеваться.

А сколько раз путали день и ночь? А сколько раз во сне действовал, как в отсеке?

«Природу человека нельзя насиловать безнаказанно. Наказание – аварии, катастрофы, смерть. Если у летчика жизнь зависит от состояния машины и от его личного состояния, то жизнь подводника и всего корабля зависит еще и от того, в каком состоянии находится каждый вахтенный в каждом отсеке. А через шестьдесят суток плавания он не отвечает за свои действия».

Это правда. Стоит очередь в курилку, и на моих глазах матросик от безделья отключает, а затем включает пока-

зывающий прибор глубиномера. Спроси его, что он делает, и он ответит: ничего. А оставил он этот прибор обесточенным, и автоматика отработает: лодка будет или всплывать или погружаться. И причину не скоро найдешь.

И после автономки я встречал ребят: замедленные, делают массу ненужных движений, не сразу отвечают на вопросы – вот такие дела.

На флоте все нормальные люди, но до капитана третьего ранга. Потом умные уходят, остальные растут до капитана второго ранга, дальше все повторяется: умные уходят...

Господи! Хорошо, что это вовремя кончилось, и я вовремя очутился в Северодвинске, где удивлялся светофорам и жадно читал Ахматову.

А потом я ушел.

Сперва из Северодвинска, потом – с флота.

Доктор Женя, а ты теперь где?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

том отдают за них жизнь, преимущественно не свою.

Им ставят памятники.

Я видел один. На нем было написано: «Тебе, насекомое, от благодарных букашек!»

Ох уж эти памятники-обелиски-матери-родины! Они, в лучшем случае, величиной с сарай, в худшем – с холм, курган, косогор. И стоишь у его подножья бывало, запрокинув свою непутевую голову, и такая ты перед ним невозможная даже козявка, – титит твою медь – что и сказать нельзя. И раздавить бы тебя, уроды противного, да все как-то недосуг, я полагаю.

А памятники-то, повторимся от скудоумия, просто следуют один за другим так, что переходя от одного к другому, даже и мысли не возникает о том, что ты – личность-человек-планета. Наоборот, возникает чувство, что сам ты никто и звать тебя никак, никому это не интересно.

Но! (Правда, есть одно «но»)

Но вот если ты, никому не ведомый, вдруг умрешь за идею, коллективом сочиненную, то тебе, пусть даже безымянному, тоже поставят памятник и первые вши в государстве возложат к нему цветы.

Тут-то мы плавно и подошли к нашему основному и неотъемлемому праву – праву пасть неизвестным не-поймешь-почему-где-ни-поподя. А из него уже, как мы и обещали, вытекает право лежать и там и сям непогребенным, которое через какое-то время само по себе переходит в право истлевать совершенно неприкаянным.

Вот и все, пожалуй, о правах, господа мои хорошие.

От меня

Я вообще люблю подойти в книжном магазине к прилавку и спросить:

– Покровский есть?

Обычно мне отвечают: «С Покровским сложно», – и я отхожу. В лицо меня все равно никто не знает, и это приятно.

И к лоточникам я подхожу с тем же. Однажды спросил: «А с подписью автора будет дороже?» – «Дороже». – «Можно это устроить?» – «Запросто. Покровский к нам часто заходит».

Я подумал, что мне показалось, стал расспрашивать, но нет, речь шла о конкретном человеке, и лоточник с удовольствием описал мне же меня же: какого я роста и что у меня в лице.

Мне показалось, что я стою рядом с памятником себе же и что этому памятнику лично я уже давно не нужен.

Что по этому поводу сказать? Я сказал: «Блин!»

Начнем

Ах, драгоценный мой сосед по планете, читатель, не будем о грустном, будем о веселом, смешном.

Расскажем чего-нибудь о себе потомкам.

Ну, например, такое...

ПИСЬМО

Меня Сашей зовут. Пишу вам, потому что хочу один случай рассказать.

Было это в те времена, когда Гагарин сперва в космос полетел, а потом из него прилетел, и все ему были рады и везде его возили-ласкали, в зубах таскали, и все ему показывали, а его показывали всем.

Как-то решили показать ему подводные лодки.

За сутки до его приезда городок вылизали дополнитель-

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Кое-что о правах

«...Шумная тройка мчит и мчит по вытянутому, как стрела, зимнему тракту и только снег тяжелыми комьями летит из под копыт. Гикает хрипло, подскакивает, подпрыгивает на своем облучке ямщик, всякий раз взмахивая руками и не от мороза вовсе, а скорее от лихости, младости, алчности, жадности и задора.

Скоро, скоро влетит эта безумная тройка на заиндевевший постоялый двор, и запорошенные, продрогшие путники, галдя и побрякивая, ввалятся во внутреннее помещение и обступят печь и протянут руки к долгожданному огню...»

Так в недалеком прошлом дорогие россияне, вслед за дорогими филистимлянами, реализовывали свое исконное право на путешествия.

И вообще у них – россиян – еще масса всяческих прав. (Я считаю – масса.)

О праве на путешествия мы уже сказали. Оно как раз сохранилось лучше всех и до сих пор звучит приблизительно так: кто б ты ни был – пшел отседа на все четыре. И они идут, за милую душу, приворовывая, приторговывая, получая высшее образование – чего б его не получить – и продавая не только его, но и все что имеется, в виде знаний о чем угодно, где ни попадя – чего б все это не продать?

Из других, полностью реализованных на этот момент на этой территории прав, хочется отметить право чихать, чесать, вздыхать, вздрагивать, кашлять, хохотать, пришепетывать, а так же пожевывать, позевывать, поплесывать и кидать ботву на дорогу. Хочется сказать еще об одном неотъемлемом праве, из которого немедленно вытекают еще целых два, но об этом мы скажем самом конце, после значительного лирического отступления о России.

Ах, Россия, Россия! Ты ж нам, можно сказать, мать, вроде бы даже матушка, земля родимая, в общем – земляца, водица и чего-нибудь там еще! Как же ты все-таки похожа на большую белую совершенно бесхозную собаку, местами плешивую – там у нас на карте невиданные поля, на них мы вручную будем поднимать зяби, там у нас еще и степи, и травы-ковыль; а где-то и пролежни – это у нас топи-болота-овраги-реки-ущелья-балки-кочки; и мослы – это горы наши, тянь-шани; и шерсть – а это уже тайга у нас, господа мои хорошие.

И все-то тебе равно – разлюбезное наше отечество – что там с твоими драгоценными чадами, а по соотношению размеров – совершенными блохами, колотить их некому, происходит.

И лишь изредка ты вздрагиваешь, устраивая им наводнение или землетрясение, или напускаешь на них, совершенно без всяческой злобы, какую-нибудь другую трудно выводимую заразу.

Ах, блохи, блошки, жучки, паучки, цапики, клопики. А они еще и важничают, говорят, например: «Не отдадим ни пяди нашей родной собаки!» – а они еще и философствуют – пишут трактаты о влиянии блошиного сознания на окружающую Вселенную и мечтают о переселении в параллельные миры, устанавливают законы и правила, заводят себе экономику, устраивают ей подъемы и обвалы, берут за рубежом кредиты и переводят их на личные счета, выбирают себе президента, устанавливают идеалы, а по-

но привлеченными языками и деревья насажали, после чего они зацвели.

А лишних всех в море выгнали, а из моря одну лодочку, по приличней, наоборот пригнали и у пирса поставили, чтоб он ее посетил.

С утра поставили – ждут.

А он не едет.

А зона вокруг лодки как вымерла, командир с восьмью утра на мостике, остальные внутри.

Проходит час, другой – никого, всё говорят: «сейчас, сейчас».

Командир злой, нервничает: с учения сорвали, задачи не выполнили, смотрины, а потом опять в море и все сначала – черт!!!

И вдруг он видит, как на корне пирса нарисовалась группа – за чертыханьем он ее проворонил – и пошла эта группа к лодке, и в этой группе угадывается Гагарин, а рядом с ним семенит – командир пригляделся – ... баба – вот, блин!

И баба не в РБ, то есть, не в нашем, защищающем от радиации, репсовом костюме, а в обычном платье.

И баба какая-то маленькая, просто клоп, а не баба.

Надо вам сказать, что это была не совсем баба, это был один наш очень известный композитор, член творческого союза, автор песен, который до того полюбил Гагарина, а может – полюбила, в хорошем смысле этого слова, что везде и всюду за ним ездил, а может, и ездила.

Командир обо всем этом не знал, да и некогда ему было, налицо непорядок.

Он с мостка подает команду в центральный пост:

– Центральный! Приготовить маленькое РБ для гагаиновской бляди!

В центральном сидел старпом. Старпом подумал, что он ослышался.

– Мостик! Товарищ командир! Прошу повторить приказание!

А командир уже с ума сходит, они же почти что к лодке подошли, и он в «каштан» вдруг как заорет:

– КТО У «КАШТАНА»?!! Я ВАМ ЧТО?!! Я СКАЗАЛ ПРИГОТОВИТЬ РБ ДЛЯ ГАГАРИНОВСКОЙ БЛЯДИ!!! РЕПЕТУЙТЕ!!!

А слышимость идеальная. По всей базе разносится.

– Есть! – отвечает центральный, – Приготовить РБ для гагаринской бляди!

До центрального теперь только дошло, что в составе делегации есть женщина и она очень маленького роста.

Старпом из центрального вызывает пятый отсек:

– Пятый!

– Есть, пятый!

– Ближе к каштану!

– Есть, ближе к каштану!

– Найти интенданта и чтоб он приготовил маленькое РБ для гагаринской бляди!

Пятый не понял.

– Прошу повторить!

И тут старпом сошел с ума.

– Я ВАМ ЧТО?!! ДУПЕЛЬ ПУСТО?!! ЧТО НЕ ЯСНО?!! ВАС ТАМ, КАЖЕТСЯ, НА ХУЙ НАДЕТЬ НЕКОМУ!!! РЕПЕТУЙТЕ, Я СКАЗАЛ!!!

А гости уже спускаются в люк центрального, а старпом все еще с РБ не разобрался.

– Есть найти интенданта! – репетует испуганный пятый. – Ищется интендант! Найден интендант! Интенданту передается приказание срочно найти маленькое РБ... для гагариновской бляди!..

Старпом успел сказать интенданту слово «КОЗЕЛ, СУКА!!!!»), и еще он успел повернуться, принять правильную рожу и застыть по стойке «смирно», потому что гости уже неторопливо сползли по трапу задами, сгрудились у него и развернулись лицом к происходящему, и только вахтенный офицер, закрытый телом старпома, наклонившись вплотную

к кашгану, продолжал шепотом выяснять насчет РБ.

А интендант в тот момент бежал в центральный. Маленькое РБ он так и не нашел, по причине того, что его на борту просто не было. На интенданта страшно было смотреть: всклокоченный, взгляд всюду рыщет, никого не узнает.

И вдруг ему навстречу вылезает трюмный из Казахстана – полтора локтя. Интендант от счастья вскрикивает, хватая беднягу и налету его раздевает – тот от страха хоть бы пикнул – после чего, уже не нужного, его бросают в угол.

А в центральном – реверансы, раскланивание, знакомство, светские разговоры, на которые наши отвечают только «виноват» и «так точно!»

И тут в центральный влезает задыхающийся интендант со счастливым взором – все оборачиваются и смотрят на него. Старпом, как только он его увидел, так сразу и начал мечтать, чтоб интендант немедленно онемел, лишился дара речи.

– От! – интендант никак не мог совладать со счастьем и с одышкой. – Това...рищ... фуй... капитан... ма... (старпом губами повторял за ним каждое слово) ма... ленькое... ах!.. эр... бе... (была слабая надежда, что на этом интендант и остановится)... маленькое... да... (интендант улыбался)... для... (все замерли)... для... гагариновской бляди...

Все.

Говорят, после этого и появилась песня «Когда усталая подлодка...»

ПОЛЯРНЫЙ ВОЛК

Чуть не застрелил гада. В Питер я перевелся недавно и это как каждый день санаторий, но что-то я не поделил с начальником строевого отдела и кадров – так он у нас называется.

Правда, до этого я что-то не поделил с начальником финансовой части.

Уж очень он на клопа похож (чтоб ко мне кальмар при-сосался), когда за столом сидит. Он мне вякнул как-то не очень аккуратно про мой внешний вид, а я ему на то заметил о его сходстве с этим древним животным, а потом я вышел и так дверью хлопнул, что у него теперь ремонт наверняка надо делать.

Собственно, я собирался его задушить, для чего пере-гнулся через стол, схватил его за выступающую часть мундира и потянул через бумажки на себя, но потом решил, что пачкаться не следует, только жить начинаем.

А начальник строевого отдела похож на стручок фасоли – зеленый и с ребрышками. Этот заявился ко мне на дежурство проверять несение мною службы, о чем я его честно предупредил – не надо, но он не внял и мигом в проеме дежурки нарисовался.

Кажется, в них много общего – в нем и в финансисте. Я помощника-то дежурного из помещения отослал проветриться, потом достал пистолет, передернул, и на его за-поздалое: «А доложите-ка мне порядок следования...» – вложил ствол ему в рот и с интересом пронаблюдал за попытками его оттуда выплюнуть.

Потом я ему заметил, что я дежурный по городку и подчиняюсь только дежурному по части, а если он прибыл к нам с проверкой, то на это нужно иметь при себе соответствующее распоряжение командира за подписью и печатью, а еще нужен звонок от вышестоящего дежурного, подтверждающий подобную процедуру, а иначе я все это расцениваю не иначе как нападение на пост.

Я ему и статьи устава на этот счет одной рукой показал, пока он к калибру пистолета принавливался.

Я так и не дослушал про «порядок следования». До сих пор не знаю, что он имел в виду.

Понимаете, там, на севере, зимой, в снег и мороз, когда мы вставали на неделю в док под субботу и воскресенье и когда списки на выход так и не успевали для офицеров и

мичманов сделать, я всегда прикидывал: «Вот, опять с женой не повидаться!» – а потом выходил с корабля в ватнике – шинель свернута, положена в непромокаемую сумку, всем по дороге сказано «для начальников я тут хожу», – шел к забору – обледенелому, по верху колючая проволока – причем по дороге я на ходу переодевался в шинель, а ватник прятал в сумку, после чего зарывал ее в снег и втыкал рядом палку для памяти, а затем уже отыскивал в заборе дырку и под негасимым лучом прожектора пролезал сквозь него и уходил на два часа пешком к жене, тридцать пять километров в одну сторону.

Возвращаясь, я пролезал через забор, откапывал ватник, рывком надевал его и трусцой, чтоб согреться, деревянный же он от мороза, пускался вскачь на корабль.

А здесь же, в Питере, все игрушечное, и страсти, и прочее.

Отняли у меня потом пистолет, в строгом соответствии с уставом – я все проверил – и сняли меня с вахты, а потом и в запас уволили под сокращение.

Мда! Он мне в спину кричал: «Этот полярный волк!..» – а на выходе из части у меня отобрали пропуск и попытались зачем-то вернуть меня назад в отдел кадров: «Пройдите назад в отдел кадров!» – и вертушку, на всякий случай, застопорили, чтоб я ее грудью не открыл.

Наивный народ. Да я просто перепрыгнул через ту вертушку и ушел. Видели бы они те обледенелые заборы, сквозь которые я уходил по морозу и в ночь...

ИЗУМЛЕНИЕ

Капитан Бегунков Игорь Вячеславович, патологический красавец, долго и упорно жил насыщенной холостяцкой жизнью.

У всех уже дети – по два, по пять, а он подруг меняет каждый вечер.

Наконец, усовестился, созрел. Женился наконец (из конца в конец).

Через две недели после свадьбы он задержался на службе, как водится, и пошел с другими офицерами в ресторан, по своему обыкновению.

А там он свой человек – все родные просто так.

В завершении вечера он познакомился с дамой, после чего, усугубляя столь удачное знакомство, он пригласил ее домой.

Взяли бутылочку шампанского, конфет к ней приурочили, со столов кое-что в салфетки насобрали, и вперед.

Подходят они к квартире, он, воркуя, надувая горло, слюной наполняя рот по самые миндалины, достает ключ, открывает дверь, входят, раздеваются.

Здесь же шуры-муры, хи-хи-хи.

Капитан ведет даму в комнату, зажигает свет и тут – ужас и изумление! – он вспоминает о жене, которая просыпается и видит мужа, который при этом чуть не подавился, в обнимку с бабой.

Капитан три дня ходил хмурый (имя наше теперь было «Полный мудака»), затем он собрал друзей и попросил в течение года напоминать ему, что он женат.

ПРАЗДНИК

В городе Ярость-Ярославце, с населением в полкопейки, никто не спал.

Потому что День ВМФ тут начали праздновать загодя.

Двадцать бывших моряков во главе с Петровичем, седые, кто в чем, ходили по улицам за сутки до того, держа над головами доблестный военно-морской флаг, и орали:

«Северный флот! Северный флот!»

Потом они выпили.

Потом опять орала, а Петрович в синих крассовках говорил речь: «Други! Нет сил! В мою бытность! Невозможно превозмочь! Немыслимо даже подумать! В кои века! Уж поелику мы все собрались! Здесь! На земле, откуда все и пошло! Флот! Флот!...» – ну, и так далее.

Потом они поехали на берег речки в полпрыжка шириной, где у воды и состоялось уже настоящее веселье.

Петрович мордой напоминает лошадь, а остальными частями тела – волжского босяка с картины дедушки Репина. Того, высокого, с трубкой и кадыком.

На каждого было по три бутылки водки и закуски с полладони.

Пошел дождь, но и он не мог унять криков и песен.

Пели все.

Ходили в кусты по разной нужде, и опять пели.

И тут вдруг хватились Петровича.

Нашли его под ракушкой в самом зассаном месте.

Он лежал на спине, без кроссовок, задрал свой кадык, и ноги у него были синюшные.

– Умер?!! Посмотрите, посмотрите? Ноги уже синие!!! Пульс! Пощупайте пульс! Он там! Да не там же! Что? Умер?!! А?!!

Наступило молчание. Все стояли потупясь, потом стянули с голов бескозырки.

Петровича покрыли тем самым доблестным военноморским флагом, с которым так долго ходили, и еще постояли.

Все вокруг, казалось, застыло, притихло, и даже дождь прекратился, а с листвы капали в землю торжественные капли, и звучала глубокая, внутренняя музыка.

Потом все отправились звонить в скорую помощь, и помощь пришла, приехала.

Из нее вылез молодой врач.

– Ну? – сказал он. – Где? – сказал он.

Его проводили, потупясь.

Врач присел, чего-то пощупал и что-то нажал, после этого Петрович открыл глаза, ожил, сказал: «Где я?» – потом: «Кто я?» – и встал, проклиная.

А ноги у него, оказывается, от кроссовок посинели.

Те от дождя раскисли, полиняли и покрасили ему ноги.

ТРП

Я еле ТРП добыл. Через неделю в море, а мы это дерьмо под названием подводная лодка только что приняли. Так что в мыле все, в пене и в крошках мелкого говна.

Бегаем.

Носим все в дом, а теперь у нас перешвартовка к одиннадцатому пирсу ради погрузки торпед. А я вот за ТРП поехал на склад. Один, естественно.

ТРП – это твердый регенерируемый поглотитель. Он углекислый газ под водой поглощает. Без него там даже пернуть страшно.

Машину в тылу с трудом оторвал. Теперь еду и думаю: только бы перед КПП не сдохла, как я тогда до пирса доберусь, каждая бочка вместе с оплеткой этой нашей драгоценности весит сорок кило. У меня двадцать бочек.

Перед КПП меня останавливают.

– Товарищ капитан третьего ранга! В зону нельзя. Погрузка ракет.

Только этого не хватало! Достая жетон «За дальний поход», и ворота, как по-волшебному, открываются. За этот жетон бербазу маму продаст.

А теперь нам на пирс с ветерком надо. Гей, славяне!

Подъезжаем к пирсу – никого. Лодки нет, и я опять один.

Эх, лямка моя бурлачная. Я же капитан третьего ранга,

и таскать двадцать бочек волоком с корня пирса почти на самую середину, потому что машина боится заехать и не выехать, по сорок кило каждая нам не привыкать – Кать! Кать! Кать!

Вся жопа в мылс.

Пока корячился, лодка появилась. Только не наша, а соседней дивизии. Подошла она, ошвартовалась, сходню сбросила, и спрыгнул с нее хуй.

– Эй! – заорал хуй. – А ну, выбрасывай с пирса все в пицс-ссз-зз-ду!

После чего он опрометчиво ткнул ногой мои бочки.

Видите ли, пинать мои бочки в моем же присутствии на одиноком пирсе, после того, как я над ними столько корячился, даже если ты вновь назначенный начальник штаба соседней дивизии в звании капитана первого ранга (что потом выяснится), не стоит.

Потому что я тут же подсказываю и ору:

– Я вас самого сейчас выкину! – после чего человек берется мною за грудь и незамедлительно тащится к краю плавпирса.

А потом наступает момент истины. Потом он говорит мне буднично:

– Ну, ладно, пусть полежат! – и мы расходимся.

А тут и наша лодочка появляется.

ХОРОШО

Хорошо все-таки! Ох, как хорошо!

Здесь асфальт, фонари, светофоры, люди ходят.

А у нас там пурга – перед лицом пелена, ни черта не видно.

Идешь по дороге на ощупь, прикрывая ладонью лицо. И так километрами. В сторону ступил – провалился по

колени. Приходишь в поселок в четыре утра, а до ПКЗ еще сорок минут идти, а подъем в семь.

Или росوماха. Она из семейства куньих. Бежит по дороге, как собака на трех ногах – с подскоком. Подбегает ближе, и ты видишь, что это не собака. У нее медвежьи лапы.

Она идет за тобой, соблюдая дистанцию.

А ты не выдержишь, поворачиваешь, и пошел на нее все быстрее и быстрее. Она отбегает в сторону, останавливается, и какое-то время вы стоите друг напротив друга – человек и зверь. Ты смотришь на нее в упор, она отводит взгляд в сторону. Ты пошел, она, словно нехотя – следом. Так повторяется несколько раз.

Потом, как-то незаметно, она пропадает.

А у вас хорошо.

Я тут каждый день улыбаюсь.

ЧАЙ С ПОДМИГИВАНИЕМ

Шторм разметал всех. Авианосец улетел куда-то в сторону, его корабли охранения разбросало с легкостью щепок, а наш эсминец зашвырнуло за горизонт.

Когда шторм стих, принялись искать друг друга.

В чем состоит боевая задача для нашего эсминца?

В том, чтобы, не выходя из сочетания с американским авианосцем, в случае чего, с получением сигнала от вышестоящих органов, утопить его к едрене фене вместе с кораблями охранения. Вот и все.

– Будем искать американца, – сказал командир.

Всем, кому положено, стало скучно и все, кому положено, устали в волны.

Океан успокаивался. Все еще неторопливо шевелились свинцовые громады, но ветер уже не сворачивал скулы одним рывком, а гладил их почти что интимно.

– Справа тридцать – оранжевое пятно, – передали командиру.

– Чего?

– Справа тридцать – оранжевое пятно.

– Мда? – Командир посмотрел «справа тридцать» и увидел оранжевое пятно, после чего он вооружил свои глаза окулярами и опять посмотрел – точно, пятно, и в пятне что-то болтается.

– Право на борт, курс шестьдесят! Посмотрим чего там.

Эсминец развернул свое узкое рыло, как хорошая борзая, и через полчаса был у пятна. Там болталось не «что-то», а кто-то. Американский летчик в оранжевом спасательном жилете, пьяный вдрободан, был бережно схвачен за шкирятник, втащен на борт и отправлен к врачу.

То, что это был американец, было слышно – он пел; то, что летчик, было видно – он расставлял руки, собираясь взлететь; то, что «вдрободан» – заметно.

Оказавшись в амбулатории у врача, летчик на мгновение пришел в себя и знаком показал, какое ему необходимо лекарство.

Доктор налил ему стакан спирта, слегка его разбавил и остался у немедленно рухнувшего на койку тела.

Позже стало известно, что летчик выпал с авианосца. Он побывал в баре и вышел наверх освежиться. Специальный вахтенный надел на него спасательный жилет, потом он шагнул на палубу и через мгновение оказался в воде.

– Рашен уводка, ес?

– Ес, ес, давай!

Ему налили еще, и он опять рухнул. На авианосцах такой порядок: хочешь на верхнюю палубу – на тебя надевают жилет, смыло тебя – включаются: подогрев, передатчик с криком «SOS», растворяется в воде парочка секций из твоего жилета и образуется густое оранжевое пятно, а в воду поступает состав, отпугивающий акул.

При падении за борт в аналогичных условиях мы вооружены только любовью к родине, а обогрев, оранжевое

пятно и отпугивание акул с передачей криков «SOS» организуешь себе самолично.

И потом наш жилет не отпугивает акул, а привлекает.

– Товарищ командир, – доложил доктор через парочку часиков, – он по кораблю шляется, в рубки лезет.

– Не было печали, – подумал командир.

Ну, корабль образца 19... года и, можно сказать, эсминец у нас действительно секретный, чего там говорить, а тут враг, можно сказать, лезет к самому сердцу.

– Сыграй с ним в шахматы

– Не хочет.

– А чего он хочет?

– В карты?

– В карты? Да, налей ты ему этого... чая, пусть спит, – сказал командир и подмигнул.

«Чай с подмигиванием» – это полстакана чистейшего спирта, остальное – заварка. С непривычки – жуткая штука.

Перед американцем появился стакан.

– Рашен чай!

– Тии?

– Ти-ти, давай, пей!

– О-о.. ноу, ноу, ти!

– Пей, пей, ноу...

И тут американец учуял.

– О-о, ес! – сказал он, прежде чем рухнуть. Сказал и рухнул.

Пока он спал, сообщили во Владивосток. Пока Владивосток решал «можно-нельзя», прошло двое суток. Американец постоянно спал. Только он просыпался, как обнаруживал перед собой стакан с «русским чаем». Он вливал его в себя и падал.

Потом подошел американский эсминец, и летчика передали. По дороге он всех целовал, орал, цеплялся и не хотел уходить.

Через сутки отыскался американский авианосец, и они

снова зашлепали рядом – авианосец с его окружением и наш «рашен» эсминец, слон и моська.

С авианосца взлетел вертолет и направился к эсминцу, облетел его и на чистейшем русском языке поблагодарил команду эсминца за спасение от имени авианосца, кораблей охранения, от имени семьи летчика, президента Соединенных Штатов, от ВМС, ВВС и Си-Би-Эс.

Потом вертолет сбросил на палубу тюк и улетел.

Вокруг тюка ходили целый час. Запросили Владивосток, доложили:

– На нас сбросили тюк, что делать?

– Тюк? Ни в коем случае не вскрывать! Ё! Представить в штаб флота!

Какое там – уже вскрыли. Там оказались посылки: по списку, на каждого члена экипажа по блоку сигарет, включая и заштатных. А командиру еще и бутылка коньяка.

– И все это я должен штабу подарить? – возмутился командир, – Да за какие шиши? Вот им, вот!

И командир показал всем желающим свою волосатую руку до локтя.

– Разбирай, мужики.

И мужики разобрали.

О!

Мой старпом говорит: «Где я, там успех!» – а вокруг что-то лопнуло, взорвалось, по воздуху полетело-пронеслось, во что-то незамедлительно врезалось, потом пыль улеглась, после чего он это и говорит.

Не могу с ним не согласиться.

Целый день бегаешь, как курица со спицей в самой, что ни на есть, жопене, а в конце оно же еще и как яхнет!

Это как если бы ты вскочил на полном ходу в трамвай, а

потом начал носиться по нему в поисках вагоновожатого, чтоб спросить: не идем ли мы в селенье под названием «Бестолочь»?

И у всех соответствующие лица.

Просто не знаю.

ОЙКОНЕН

«Суки! – это я о ПРЗ, – плавремзавод называется, суки!»

Я стою в предбаннике на КДП – нашем контрольно-дозиметрическом – и думаю про себя.

Можно думать и вслух, конечно, но это не тот случай (ударение на последнем слог).

Идет доклад о готовности к автономке. Нас проверяет флотилия.

Проверка заключается в том, что все мы – командиры боевых частей и служб – здесь стоим и, в присутствии флагманских дивизии и флотилии, докладываем замкомандующему, контр-адмиралу Ойконену, о своей ежесекундной готовности.

Доклад: «Командир такой-то боевой части по фамилии сякой-то. Личным составом укомплектован полностью. Матчасть в строю. Готов к выполнению задач боевой службы!» – на конце обязательно восклицательный знак.

Все говорят – он сидит и слушает.

Скоро очередь до меня дойдет, а у меня еще резина на двухходовых клапанах не поменяна. Нет у них на ПРЗ резины, суки. А флагманский мне сказал, что я обойдусь и так. Ну, ладно, сейчас я вам доложу о готовности встать на защиту интересов родины.

Ойконен – тяжелый, высокий финн.

«Я хоть и финн, – любит он повторять, – но ебу по-русски!»

Взгляд у него, как у удава.

Ща мы ему доложим. У меня от злости мышцы даже из карманов лезут. Ща! Вот, уже начинаем докладывать:

– Начальник химической службы... старший лейтенант... Матчасть не в строю. НЕ ГОТОВ! Выполнять задачи боевой службы! – и тишина. Все охуели. Особенно флагманские. Я им покажу «обойдешься».

– Под-ни-мите пилотку! – слова у Ойконена роняются, как камни на мостовую, обращается он ко мне, и потому я поднимаю пилотку, она у меня съехала на нос.

– Вас что, постричь некому?

Адмирал Ойконен, Гарри Гульфович, меня регулярно стрижет.

– От того, что я подстригусь, товарищ адмирал, матчасть не заработает!

– Командир?

– Есть!

– Вы можете его подстричь?

– Так точно!

– Хорошо! Теперь по существу! Доложите! – это он мне.

– ПРЗ не заменило резину на двухходовых клапанах!

– ПРЗ? Где вы? Ближе! Я хочу знать в чем дело? Ваш лепет я услышу позже! Соберитесь с мыслями! Все свободно. После отпуска остаются флагманские химики, ПРЗ, начним и командование корабля.

Тихий шелест сзади – лишние исчезли.

– Начним! Еще что-то?

– Товарищ контр-адмирал! Мне добавить нечего!

– ПРЗ! Чтоб завтра! Я понятно излагаю? Завтра! Все у него стояло! Он мне доложит лично! Верю! У него получится! Флагманские! Ко мне в кабинет! Оба! Командир! Задержитесь.

Командир на меня потом смотрел так, будто ожидал от меня рождения ребенка, а я принес в подоле чудовище.

А флагманские вообще стали заикаться, что случилось с ними уже не раз.

Назавтра у меня была резина, о чем я тут же Ойконену и доложил.

В ТРЫМРАНИ

Мичман Сенчук в условиях тропиков все время спал. Оно и понятно: в тени сорок градусов, особенно после обеда, а корабль стоит, скажем так, в Трымрани, где по-нволе начнешь разлагаться.

Мичман Сенчук (и еще несколько мичманов) почти что голый, лежал в каюте в адмиральский час.

В этот час не летают даже мухи.

Чтоб хоть как-то отметитья у всевышнего, мичман Сенчук привязал к мизинцу на правой ноге леску и отправил ее в открытый иллюминатор, а на другом конце там был крючок с насаженным на него кусочком ветоши.

Все это обзывалось удочкой – в Трымрани рыба не избалована червями.

Подергивая ногой вышеназванную конструкцию и от монотонности впадая в детство, наш мичман совсем уже собирался отправиться в думам в район собственной печени, когда... когда это случилось: его так дернули из иллюминатора за леску, прикрученную к мизинцу, что он легко вылетел из койки и с воплями полез ногой в иллюминатор.

Окружающие не сразу пришли в себя и не сразу бросились на помощь.

Крики: «Тащи! Тащи!» и «Держи, блядь, держи!» – раздавались со всех сторон.

Через минуту в каюту были втащены: мичман Сенчук, его мизинец, вся леска и гигантский лангуст, выудивший мичмана прямо из койки.

Больше мичман Сенчук после обеда не спит.

ПЕНИЕ

Лейтенант Бубенцов Алексей Геннадьевич искал свою парадную тужурку везде. В шкафу нет, под кроватью – нет, в шкафу – опять нет.

Город Полярный готовился к встрече любимого праздника – 23 февраля. Предполагалось, что местное население будет потрясено выступлением самодеятельного сводного хора, для чего заранее разослали по всем экипажам подводных лодок телефонограммы, что мол, офицеры и мичмана, свободные от сбора мусора, привлекаются к пению.

Вот Алексей Геннадьича и назначили – где ж эта проклять, тужурка?

А людей собралось на первую спевку – ужас до чего.

Только песни никто не помнил, вернее, помнил, но не с нужного конца.

Какие это песни? «Широка страна моя родная, много в ней...», «Северный флот», «Варяг» и что-то там о комсомоле.

Так что тут же изобрели специальный комбайн для под-сказки слов: на рулоне бумаги написали текст, а потом намотали его на барабан, после чего, уже вращая ручку этого барабана, перематывали все это дело с валика на валик, но не быстро, а чтоб люди успевали разглядеть.

Назначили ответственного перемотчика – мичмана.

Лейтенант Бубенцов так и не нашел свою парадную тужурку и взял ее займы у соседа.

А сосед оказался маленького роста, что выяснилось только тогда, когда надо было уже в ДОФ идти и петь.

Не то чтобы лейтенант Бубенцов своего соседа никогда не видел, просто он его ни разу не примерял на себя, а теперь вот, примерил, и – о, ужас нуля – сосед налез только до локтей, да и застегнулся только на одну пуговицу.

Алексей Геннадьич решил встать на сцене так, чтоб заслониться кем-нибудь.

Он встал и заслонился мичманом, и вот занавес пошел

и... вместе с ним пошел мичман, который оказался как раз тем самым перемотчиком песни на валу.

Свет на хор, и зал увидел лейтенанта Бубенцова.

Со стороны он походил на клоуна.

Еще петь не начали, а зал уже взорвался диким хохотом, а потом кое-как начали петь, но перемотчик текстов так засмотрелся на Бубенцова, что в песни «Широка страна моя родная» никак не мог сразу перемотать строчку «Много в ней...», что получилось только с третьего раза, поэтому именно эту строчку хор пропел трижды, пока ему не показали следующую страницу.

А строчку «Где так вольно дышит» спели дважды.

В зале все рыдали.

Хор старался изо всех сил. Он старался петь тщательно, что не получалось, потому что перемотчик нервничал.

А вы попробуйте петь сами, если вы даже слова все знаете, когда вас уже приучили к тому, что надо смотреть на барабан, а барабан вращается то туда, то назад, от чего строчки повторяются.

В общем, спели и даже кричали «Бис», и потом еще и спели на «Бис», вот только песни пришлось назад перемаывать, а они получились вверх ногами.

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ

Лодка, море, подводное положение, ночь.

Точнее – три часа ночи.

Заместитель командира тихо и незаметно проверяет несение вахты в корме.

Семидесятые сутки плаванья. Несение вахты на завершающем этапе необычайно важно, поэтому заместитель и проверяет, дабы не спали и вообще.

А чтобы эти негодяи, вахтенные, друг друга не пре-

дупреждали, он, как только войдет в отсек и проверит, так и берет их с собой и молча ведет всю ораву в соседний отсек – на несколько секунд отсеки остаются без примотра, конечно, но зато налицо объективная картина. Причем, первым входит зам, за ним все остальные.

На пороге восьмого их встречает протяжное:

– Пара-аа-д... Равня-а-а-йсь! Смирна! К торжественному маршу!.. На одного линейного дистанции!.. Первая рота прямо!.. Остальные напря-а-аво!..

Изумлению зама нет конца. Он осторожно выглядывает из-за щита и видит: мичман Миша Кац, бывший рядовой московской роты почетного караула, держа аварийный лом на совершенно вытянутой руке, показывает вахте кормы, чтоб они все не уснули, строевые приемы на месте и в движении – сам командует, сам исполняет.

При виде зама, от неожиданности, Миша роняет лом – интереснейшее положение.

Тот в полете бьет зама по неразумной башке.

Зама, окровавленного, несли в амбулаторию всеми личными силами – благо, что их было полно, потому как сам за собой народ привел.

ЧУДО

Витя Чудов имеет прозвище «Чудо», потому что периферически с ним что-то случается, а потом он все это рассказывает в кают-компании, чем ее и веселит.

– Е-мое! – говорит Витя утром.

– Что такое? – говорит ему на это кают-компания.

– Вчера плакал, как ребенок.

– Ну? – все приготовились.

– Решил дома помыться. А воды горячей нет, поэтому я наливаю полную выварку литров на двадцать, сую туда

кипятильник на один киловатт и жду. Вода, вроде, нагрелась, я разделся, залез в ванну и ковшиком воду на себя лью. Даже намылил голову. Но потом второй ковшик называется холодной первого, а третий – холодной второго. Не нагрелась, черт! Решаю нагреть еще раз, для чего, как был голый, с намыленной головой и мокрый, беру кипятильник и вставляю его в розетку и... страшный удар по мозгам, отлетел, и вот я уже лежу на полу, все еще голый и мокрый и не могу пошвелиться. Лежу и плачу.

– А чего плакать-то?

– Потому что лежу и думаю: вот помру, как последний засранец, с голой жопой. Придут, найдут. Стыдно. Слезы от обиды по щекам так и текут. Еле очухался.

На следующий день.

– Е-мое! – опять Витя.

Кают-компания: «Ну?»

– Вчера сидел у себя в гальюне.

– Ну?

– Читал газетку, а после окончания процедуры, не поворачивая головы, потому что статья интересная попалась, правую руку за спину и вверх к висящей ручке бачка. А бачок старый, чугунный.

– Ну?

– Я в задумчивости резко ручку дергаю вниз, и вместе с шумом устремившейся сверху воды на меня летит крышка бачка – и по затылку.

Очнулся через час. Лежу на полу, половина туловища в коридоре, другая половина в гальюне, трусы на щиколотках, рядом чугунная крышка бачка.

Боль и счастливое ощущение от того, что все важные органы целы...

ЧЕСТЬ

Не знаю, что у нас творится с воинской честью.

То есть, то, что ее надо отдавать – для чего все и призваны – у меня, как раз, возражения не вызывает. Просто, когда дело доходит до того, что ее уже надо отдавать, то тут я начинаю думать: зачем это все, и почему это так у нас?

Вот глядите: едет волга с командующим и нагоняет она лейтенанта, бредущего по дороге.

То есть, оба движутся на службу, где они преданы одному и тому же делу, служению они преданы, или я что-то не понимаю.

И вот, командующий, наезжая на лейтенанта со стороны его спины, а потом и обгоняя его, вдруг замечает, что тот его не приветствует, не отдает ему, сидящему в волге, честь.

А как ему отдать честь? Спиной что ли?

То есть, лейтенант должен каждый раз вздрагивать и коситься назад, идя вперед, и следить он должен, чтоб адмирала не проворонить, остановиться, развернуться и, приняв среди клубов пыли, поднятой проезжающей волгой, строевую стойку – апч-хи, ет-твою-мать! – отдать честь?

Конечно, лейтенант не отдает честь, прежде всего потому, что он, идя, думает про себя о всякой ерунде.

А командующий вдруг разворачивается на этой своей волге и едет навстречу лейтенанту и его воинскому долгу, и тот в один миг соображает, что это на него охота начинается, и он дергает вверх и в сторону, бегом между домами прятаться, а командующий, через дворы, давая кошек, ему наперерез.

В общем, не поймал он лейтенанта.

А как вам это? Едет генерал на службу на машине, а офицеров везут на автобусе. Так вот: тот автобус останавливается, офицеры из него выходят по любой погоде, строятся и... отдают честь проезжающему в машине генералу, и только он проехал, как они опять лезут в автобус и едут дальше на службу.

Не хуй ли знает это что?

Вот и я так думаю.

Поэтому когда меня, капитана третьего ранга, из кустов вылезая, ловит скрытый офицерский патруль, состоящий из двух капдва, который говорит при этом: «Почему вы не отдаете честь?» – то я немедленно знаками, всем своим видом и жестами показываю им, что я немой.

Ну, не могу я говорить от природы!

Я им и рот открываю, показываю, что, мол, рад бы ответить им на вопрос почему я не отдаю им честь, но природа распорядилась так, что я, вот, немой.

– Ты гляди! – говорят они друг другу.

У меня есть приятель, сосед debil, и от него я научился некоторым выражениям лица. Я их немедленно применяю.

– Вот ведь штука какая?! – все не унимаются они, все не верят, но я им и на пальцах, и лицом все рассказываю и рассказываю про свою жизнь.

– Ладно, идите! – говорят они мне, и я отхожу от них.

Видели бы вы, как я это делаю.

У меня есть еще один приятель, с детства больной церебральным параличом. Некоторые движения у меня от него – не отличить.

– Ой, блядь! – слышу я себе в спину, а сам думаю: «Ну, еще бы!»

ЗАДАЧА

– Внимание!

Старшина класса изобразил внимание. Задачу ставил сам зам начальника училища, истоптанный, как жизнь, или как старые домашние тапочки. Кажется, от него даже запах исходит, как от этих самых тапочек.

Старшина втянул в себя воздух – точно, запах.

– Внимание!

Да! Выражение лица у старшины теперь стало точь-в-точь, как у китайца, который неделю слушал пение влюбленных жаб.

– Силами вверенного вам подразделения разровнять все кучи.

Старшина огляделся. На площади сто на сорок пять метров самосвалы насыпали невероятное количество куч земли, а у него двадцать человек курсантов пятого курса и четырнадцать лопат, не считая шести грабель – это на полгода работы. До выпуска полтора месяца, время – май, погода – супер.

Как только зам начальника училища исчез, старшина стал думать.

Думал он ровно две секунды. Пятый курс – это же в прошлом высшая математика, теория вероятности, теория игр. Две секунды ему хватило.

За забор был отправлен курсант.

Через двадцать минут он вернулся. Еще через десять минут курсанты по команде старшины сняли два пролета забора и на территорию училища, тщательно охраняемую от посторонних глаз, въехал новенький японский бульдозер – высота ковша один и семь десятых метра.

Через сорок минут планета была выровнена.

Старшина и бульдозерист пожали друг другу руку через бутылку водки.

После чего осталось только окунуть лопаты в грунт, чтоб следы земли на них остались, и испачкать таким же образом грабли.

Потом все сели курить в тенечке, погода – супер.

А зам начальника училища получил столбняк.

– Как?

И старшина показал ему лопаты. Зам начальника их даже обнюхал.

ЭЛЕГИЯ

Севастополь, южная ночь, духота, сверчки надрываются.

Севастопольское героическое военно-морское училище. Дежурный по факультету капитан третьего ранга Хурькин внимательнейшим образом следит за дежурным выпускного курса. А почему он следит? А потому что курсанты этого курса приходят с увольнения с докладом достаточно редко, а стопочка сданных увольнительных неуклонно растет.

Капитан третьего ранга Хурькин – тертый, в общем-то, калач, незаметненько уходит с КПШ, где и происходит встреча возвращающихся из увольнения и, обойдя казарму, в которой на втором этаже живут выпускники, натывается на самодельную люльку, висящую в метре над землей.

Стропы этой самой люльки прикреплены к пожарному стволу, свешивающемуся как раз со стороны второго этажа.

Не задумываясь (плохо думается, будучи Хурькиным, капитаном третьего ранга и дежурным одновременно), он садится в люльку и дергает стропы.

Люлька начинает медленно подниматься, сверху слышен негромкий смех и разговоры о том, о сем.

Когда люлька доехала почти до окна гальюна и полуголые курсанты увидели в ней не очередного своего товарища, полупьяного, а дежурного по факультету, они просто отпустили все и бросились наутек.

Дежурный капитан третьего ранга Хурькин с замечательным ускорением устремился вниз.

При ударе о землю у него изменился прикус.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

На флоте все чего-то представляют.

Артисты потому что.

Это чтоб нас дома не застали. Приходят тебя всем сером трахать, а ты не в себе.

И реагируешь неадекватно.

Не поймешь тебя, то ли ты здесь, то ли уже отлетел.

Потому и веселы мы.

Вот иду я в штаб, а вокруг как вымерло, ни одной живой души, даже вороны не летают. Иду и вижу: навстречу мне знакомый командир БЧ-5 перемещается. Видно, он только в штабе побывал, потому что идет и руками что-то в воздухе делает, будто сам себя убеждает.

Он с соседнего борта и мы с ним час назад на пирсе виделись, но тут же никого, и вот я ему кричу, за километр, изображая счастье:

– Ой! Кто это? Кто это там такой хорошенький?!! Кто это такой чистенький?!! Такой бодренький?!! Наверное, он умненький!!! Видно, не сидится умненьким!!! Не сидится хорошеньким!!! Веселеньким не сидится!!!

А он останавливается и мне орет:

– Не может быть?!! Саня!!! Ты еще живой!!! Потрогай при мне у себя что-нибудь!!! Сильней!!! Это точно ты?!! Боже ж ты мой!!! Вот повезло-то!!!

И так каждый день.

НЕДОБИТОК

Командующий славился особым человеконенавистничеством. Он мог устроить разнос по самому невинному поводу. Особенно его раздражало, если у кого-то настроение было отличное или же чудесное.

У самого командующего настроение всегда было либо поганое, либо поганнейшее.

И тут он встретил старшего лейтенанта, призванного из запаса на несколько месяцев. Тот всем говорил: «Здравствуйте!»

Войдет куда попало и говорит: «Здравствуйте!» – и при этом лицом просто сияет.

Это не могло продолжаться до бесконечности. Их встреча должна была состояться, и она состоялась.

– Здравствуйте! – сказал он в штабном коридоре командующему, лучшим словом у которого всегда было слово «хуй».

Командующему показалось, что он ослышался.

А старлею показалось, что его не услышали и поэтому, расплывшись от удовольствия, он еще раз поздоровался.

Командующий покраснел, налился, а потом как заорет на старшего лейтенанта:

– СУКА!!! БЛЯДЬ ПАСКУДНАЯ!!!

А тот ему все еще по инерции смущенно улыбается и невольно оглядывается, вдруг за его спиной стоит та самая «блядь» и «сука», о которой идет речь.

Но за спиной давно уже никого нет, все просто испарились, растаяли в воздухе.

– КУРВА!!! – это опять командующий, – ИЗДЕВАТЬСЯ?!! ИЗГОЛЯТЬСЯ НАДО МНОЙ?!! ИЗУРОДУЮ!!! КАК БОГ ЧЕРЕПАХУ!!! СГНОЮ ПОД ПАЕЛАМИ!!!

А старлей плечами пожал, улыбнулся, как ребенок, повернулся и дальше пошел.

А командующий собрался за ним побежать, схватить, развернуть, но... но... только – блядь, хуйня-то какая – только вдруг у него рука отказала, повисла, потом и нога тоже отказала, потом отказал глаз, щека...

В госпитале старлей его навестил.

– Здравствуйте! – сказал он с порога.

ВОТ!

Лейтенант Сафаров, со странным именем Александр Сергеевич, сразу после училища был назначен командиром старенького сторожевого корабля самого зачуханного нашего проекта.

Предполагалось, что пока этот корабль выйдет, наконец, в море, лейтенант на нем пообвыкнется.

В первичной беседе, в ходе назначения лейтенанта на столь ответственную должность, заместитель командира дивизиона задал ему только два вопроса.

Первый:

– Пьете?

– Нет, не пью.

Второй:

– Женаты?

– Нет, не женат.

После чего лейтенант был направлен на корабль.

Через неделю его навестил заместитель.

– Как обстановка?

– Нормально.

– Вростаете?

– Врастаю.

Потом беседующие переместились в каюту командира. В каюте имелась койка и маленький стол.

На столе стояла карточка актрисы Марики Рок, довольно хорошо сохранившаяся.

Эта карточка служила лейтенанту чем-то вроде талисмана. В детстве он просто влюбился в эту актрису и с тех пор всюду таскал ее с собой.

– Ваша жена?

Лейтенант Сафаров, Александр Сергеевич, осторожненько глянули на заместителя. Насчет жены разговор, помнится, у них уже состоялся.

– Да-а... – сказал он, аккуратно, – моя жена...

– А зовут ее как? – у зама на лице было такое-то же

выражение, как у марабу, нашедшего дохлую мышь.

Лейтенант окончательно успокоился.

– Ее зовут Марика.

– А по отчеству?

«А вот это нехорошо», – подумал лейтенант, но все же сказал:

– Роковна.

– Странное отчество, хотя... да и имя...

– Она из Прибалтики.

– А-а... тогда конечно.

Через две недели, в пятницу, когда на подведении итогов лейтенант Сафаров получил приглашение, в котором «Сафарова Марика Роковна приглашалась принять участие в отчетно-выборном собрании женсовета части», – он только усмехнулся и сунул бумажку в карман.

Утром на докладе заместитель обратился командиру дивизиона с речью:

– Досадно! Не все командиры понимают роль женсовета. Вот и жена лейтенанта Сафарова пренебрегает общественной работой. Но собрание, по моей рекомендации, единогласно избрало ее председателем женсовета на текущий год. Так что, лейтенант Сафаров, передайте ей, чтобы она позвонила мне в ближайшие дни.

Заместитель торжествовал.

Командир дивизиона уставился на Сафарова:

– Ну?

Тот пожал плечами, усмехнулся, а потом брякнул:

– Только что, на текущий год, председателем женсовета единогласно избрали не мою жену, поскольку я не женат, а немецкую актрису Марику Рок.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Огромный, высокий сухопарый лыжник был у нас начальником штаба.

Мастер спорта, он бегал на службу каждый день. Как вихрь он врвался на КПП перед зоной режима радиационной безопасности и пугал стаю мелких узбеков, выставленных там в качестве первичного заслона от вероятного врага.

Узбеки все пытались у него хоть раз проверить пропуск, но им все время это не удавалось.

Они пропускали момент. Только они, подготовленные с вечера, в шесть утра вставали на его пути, и открывали рот, как он врвался и на их испуганное: «Тащ-щц, ка!..» – говорил: «ЧТО?!! А?!! НУ!!!» – после чего он исчезал, и за ним вились снежные вихри.

А на совещании флагманских специалистов он любил повторять: «КРАТКО!!! БЫСТРО!!! ВРРРРАЗУМИТЕЛЬНО!!!»

Его называли «Изумительный наш» и мечтали, чтоб его куда-нибудь на повышение забрали.

И его забрали.

В Академию Генерального штаба (мои поздравления этому учебному заведению).

Там он получал только отличные оценки.

Если он получал по какому-либо предмету тройку или даже двойку, не приведи Господь, то он являлся на кафедре ее передавать. При этом он заявлял кафедральному профессору:

– МНЕ НУЖНА ТОЛЬКО ПЯТЕРКА!!!

– Хорошо-хорошо, – говорил профессор, несколько пугливо, – отвечайте на вопрос о...

– ВЫ МЕНЯ НЕ ПОНЯЛИ! ПОВТОРЮСЬ: МНЕ НУЖНА ПЯТЕРКА!!!

– Конечно, – пытался профессор, – но... как же... ведь... надо же... задать...

– ВНОШУ ЯСНОСТЬ! МНЕ! НУЖНА! ПЯТЕРКА!..

И он ее получал.

Немедленно.

Все лучше так, чем инфаркт для профессора.

АЛЬБАТРОС

Лодка в надводном положении. Наверху все тепло, то есть плотно одеты, потому как ветерок и легкая качка.

На вахту заступает рулевой-сигнальщик матрос Бодулаев Ильяс. Его и в автобусе укачивает. Он заранее зеленого цвета. Сигнальный прожектор у него под мышкой. Боцман смотрит на него критически.

– Имущество не урони! Уронишь – убью!

– Ага!

Боцман смотрит еще раз, с сомнением.

– Значит так! Ты лучше пристегнись к какой-нибудь херовине.

«Херовиной» оказалось выдвижное устройство «Альбатрос». Бодулаев Ильяс пристегнулся к нему с помощью монтажного пояса, после чего все немедленно об этом забыли.

– Метристы!

– Есть!

– Метристам открыть вахту!

– Есть, открыть вахту! Пош-шшел «Альбатрос»!

Вместе с «Альбатросом», молча, «пошел» вверх матрос Бодулаев Ильяс.

Когда он достиг самой критической точки и повис над морем, о нем забеспокоились вахтенный офицер и боцман. Под мышкой у Ильяса был зажат прожектор, сам Ильяс молчал, потому что боялся, заговорив, выронить имущество, за которое боцман обещал его убить.

– Центральный! – томно позвал в переговорное устройство вахтенный офицер.

– Есть, центральный!
– Прошу закрыть вахту метристов и опустить «Альбатрос»!

Центральный не понял.

– Почему?

– Потому что на «Альбатросе» у нас висит матрос Бодулаев Ильяш!!!

– А почему он там висит?!!

– Потому что к нему пристегнут!

– А почему он к нему пристегнут?!!

– А потому что...

В общем, матрос висел минут двадцать – ветерок, тепло одет. Потом боцмана наказали.

ДОКТОР БОРОДУЛЬКИН

Доктор Бородулькин на лодке все время улыбался, вздыхал и очень радовался жизни.

Доктор Бородулькин для всех находил ласковые слова.

А почему он для них находил ласковые слова? Может, он нездоров был?

Нет! Он был абсолютно здоров, просто он трезвым никогда не был.

Командир решил излечить доктора от этой напасти, тем более что на него давил изо всех сил зам, который ходил и шептал ему в спину: «Доктор опять пьяный! Ко всем пристает со своей любовью!»

Командир вызвал доктора к себе и сказал ему:

– Вам предстоит немедленно излечиться!

На что доктор, улыбаясь, сказал: «Хорошо».

Поехали в психиатрическую лечебницу (случай-то очень тяжелый) просто немедленно. Сопровождающим назначили заместителя.

Доктор, как только приехали, так и сказал заму:

– Вы здесь посидите, а я схожу, процедуру ускорю, у меня здесь все знакомые.

Зам остался сидеть, полный ответственности момента, а док пропал.

Правда, он не совсем пропал. Он пошел и договорился о том, что в приемном покое у него сидит зам – псих и пьяница.

Зама аккуратненько пригласили на оформление. Он там минут двадцать отвечал на всякие дополнительные вопросы, а потом сообразил, да как заорет: «Это не меня привезли лечиться, это я привез лечиться!» – после чего его уже связали.

Зама хватились в понедельник.

Командир заметил, что док в строю, а зама нет.

– Что случилось? Где заместитель? – спросил командир.

– Ничего не случилось. Он в психушке сидит, – сказал ему доктор Бородулькин, после чего он сразу же и заулыбался.

Командир зама только через неделю еле-еле выцарапал.

Заму успели, все-таки, лекарства от сумасшествия в жопу понавтыкать.

ПРОВЕРЯЮЩИЙ

Капитан первого ранга Ярынец, мурлыча от несомненного предстоящего удовольствия, прибыл в командировку в город Балтийск. Время года – лето. Погода – прелесть – солнце, дюны, пляж и бабы.

Капитан первого ранга Ярынец, проверяющий, между нами говоря, сейчас отправился в дюны к солнцу.

Взял он с собой, как все люди, бутылку и закуску.

До обеда он яростно купался, загорал и принимал по стаканчику.

После обеда его сморило в одной очень неудобной позе.

Проснулся он часа через три, однобокий и кривой. Солнце свое дело сделало: голова вдребезги, пот, спина, обгорел, вот!

С разбегу, заноса скоком воображаемый хвост, он бросился в волны и, как мог, плавал, плавал, плавал.

Потом он выбрался на сушу, но вещей он не нашел. Кто-то унес все его вещи в надежде на его возможную гибель.

Шел он назад в гостиницу через дюны в одних трусах. Набрел на огород и снял со стоящего там чучела рваные брюки.

В углу огорода возилась женщина.

«Дай, – думает капитан первого ранга, – попрошу у нее позвонить по телефону в отель!» – и попросил, подходя.

Женщина разогнулась и обернулась.

На нее надвигалось ее собственное чучело, которое с ней еще и разговаривало.

Тетка заголосила и упала на грядки без чувств. На крик прибежал ее муж, который тоже увидел ожившее, кривое чучело, после чего он его начал по огороду гонять.

Капитан первого ранга Ярынецев вернулся в номер отеля только в девять вечера.

Там он незамедлительно выпил и сказал сам себе, засыпая: «Вот, блядь!»

ПИСЬМА

Тут мне поздравление с Днем Подводника прислали.

«Александр Михайлович! Здравствуйте!

Поздравляю Вас и Ваших друзей-подводников с праздником! Желаю Вам и им крепкого здоровья, творческих успехов и как тут недавно сказали ценители шотландской культуры – 7 футов под килтом!

Ваш читатель, Владимир Поляков».

Я в ответ:

«Спасибо. Забегался и забыл про него.

Да. «Семь футов под килем» нам маловато. Лучше 6 метров 300».

«Александр Михайлович!

Хотел пошутить, а не пойму, кто пошутил...

На всякий случай: килт – это юбка, которую носят шотландские мужики

причем – на голое тело.

Ваш Почитатель, Владимир Поляков»

«Привет, Владимир.

Пошутили, наверное, Вы, потому что слово «килт» я впопыхах воспринял как опечатку.

Но, в общем-то, получилось ничего, весело».

«Это Петров.

Кстати! Проанализировав статистику боев с японцами в 1941-1945 годах, американцы обнаружили, что, несмотря на равенство сил, оные американцы побеждали чаще.

Причина: в английском языке средняя длина слова составляет цифру пять букв, в японском – тринадцать. То есть, пока японец объяснит что к чему, американцы успевают его шлепнуть.

После этого как раз и появилась у американцев привычка давать короткие названия-клички как своим так и чужим самолетам, кораблям и прочему.

Когда эта информация дошла до русских, то они вычислили среднюю длину слова в русском языке – семь букв. Но! В процессе управления боем КОМАНДИР АВТОМАТИЧЕСКИ ПЕРЕХОДИТ НА МАТ, И ИНФОРМАТИВНОСТЬ РЕЧИ ВОЗРАСТАЕТ В 2-3 РАЗА.

Вывод: Так что материтесь, господа офицеры!»

«Солнечное лето на исходе. Год, этак, 94-й. Мы с КЭН-Гом – Вовкой Мудриком – прикомандированы в экипаж Коржавина на выход в море (массовый побег штурманов в академию и на классы у Коржика состоялся, вот нас и прислали). Болтаемся в надводном, отработка Л-2 где-то возле Выевनावолока. Проще говоря, лодка в дрейфе, рули отвалила, и с рулей народ во главе с замкомдивом рыбу ловит. Ну и я впервые в жизни с лодки порыбачить решил. Отстоял первую смену, выбрался наверх, рыбалю. И слышу доклад своего подчиненного: «Товарищ командир, товарищ вахтенный офицер! Через 15 минут расчетное время захода военно-морского солнца!» Очевидцы рассказывали: Коржавин в центральном совершил тигриный прыжок к «Каштану». Все поняли: штурманца порвет на части, как Тузик грелку. А он громогласно объявил: «Штурман! Не военно-морского солнца, а солнца Российской Федерации!»

Удач всяческих, Олег».

«Саня, это Елисейкин. Расскажу тебе про себя.

Ну, ты знаешь сколько трепета вызывает у воина подготовка к увольнению со срочной. Наверняка и у матросиков нечто подобное происходит. Это прежде всего дембельский чемодан со всякой херней, дембельский фотоальбом и ПАРАДКА. В парадке уходят либо с ботинками, либо с сапогами, в зависимости от рода войск и времени года.

Все это начинает готовиться едва ли не со дня принятия воином присяги.

Каждая вещь отбирается, полируется, шьется, подгоняется, исходя из строгих канонов солдатских традиций. Ну, и возможностей самого воина. Умственных, в том числе. Вот узбеки, например, в подготовке к дембелю изоцрялись так, что в последний день службы напоминали воинов каннибальской страны Зимбабве времен абсолютной монархии. Распушенные аксельбанты. Погоны из бархатного занавеса, злодейски спертого в клубе части. Тульи фуражек –

как у гитлеровцев. Разнообразные значки, какие-то немислимые медали (одного видели даже с «Матерью-героиней»). Ну и все такое остальное. Командиры в такие дни ходили по территории части с ножницами наготове. Поэтому весь бал-маскарад начинался, как правило, за воротами части. А хранилось все это добро до времени либо в каптерках, либо у гражданских лиц, либо пряталось в укромных местах.

В принципе, я тоже готовился. Правда, не так напряженно, как узбеки, но и уходить, как чмо, русскому парню тоже было не к лицу.

Я дослуживал в кочегарке. Моих напарников разогнали по бригадам. А меня оставили наблюдать за оборудованием и поддерживать. Вообще, по армейским меркам, котельная – довольно престижное, блатное место.

Минимум контроля со стороны командования, свой душ и даже кое-какие продукты водятся. Масса укромных мест. Хотя и грязновато – уголь, дым, шлак, пыль. Но уже стояла весна, кочегарка была вылизана, днем работы почти не было, отопление давалось только ночью. Поэтому я использовал свободное время с толком. Служить оставалось где-то месяц. В общем, все было готово к увольнению в запас, и хранил я свое богатство в нерабочем котле.

В один из дней я решил устроить генеральную примерку. Накидал газет на пол, чтоб своими чудными хромовыми ботиночками не вступить в пыль. Оделся во все парадно-увольнительное. Стою, любуюсь. Ну не в лес же было идти. Хотя последующие события показали, что лучше бы я туда рванул без оглядки. Так как неожиданно для меня возникла высоченная фигура нашего зампохоза Титова, сурового усатого капитана. Ну, голубь, говорит, пойдем. И этак скептически меня оглядывает. Я говорю – может, переоденусь? Ведь чую, что не чай пить зовут. А он в ответ: «Ты чего, иди как есть, там комбат ждет, там надо свиней загнать, да и делов-то на двадцать минут всего, вернешься и закончишь свой туалет», – и змеинно так ухмыляется.

«Делов на двадцать минут» заключалось в том, что с бортового «Зил-130» надо было выгнать полтора десятка свиней, прибывших из соседнего артполка, а на их место загнать то же количество наших хряков. Такой свинообмен делался для предотвращения взаимного свинячьего вырождения.

Выгрузка сама по себе заняла немного времени, а вот погрузка... Ну, никак наши хряки не хотели уезжать. Гонялись мы там – буквально друг за другом. Что, конечно, не замедлило отразиться на чистоте моей парадки. А хромовые ботинки вообще превратились в бесформенное подобие валенок. Проще говоря, к концу погрузки я и сам был похож на свинью.

Оставался последний хряк. Здоровенный такой, кило на триста пятьдесят. Хряк забился в угол свинарника и, клянусь, скулил, рычал, и пытался цапнуть любого.

С легкостью протаранив мои ноги, он, боднув своей квадратной башкой, подкинул меня на себя. И в таком вот положении, как всадник в забойном вестерне, в фантастической полутьме свинарника я на нем и прокатился. Молча. Задом наперед. Потом он просто сбросил меня на кучу навоза.

За всем этим, согнувшись пополам от смеха, наблюдали зампохоз и комбат.

Я уже не обращал внимания на парадку, живым бы остаться.

Началом последнего акта комедии послужило решение комбата прямо тут же, немедленно, кастрировать часть вновь прибывших кабанов. Чтобы мясо не пахло. Бедолаг ловили опять-таки мы и опрокидывали их в какую-то садовую лохань. А прибывший из артполка прапор-ветеринар резал им яйца. Для него все было просто и обыденно. Но мы и кабаны были потрясены. Обычным скальпелем внизу кабанячьего брюха делалось два надреза, из которых яйца как бы выпрыгивали сами. Отхватив их, прапор зашивал дырки обычной иглой и нитками, предваритель-

но сыпанув в раны по ложке стрептоцида. После того, полуживому от ужаса и боли кабану давался мощный пинок и наступала очередь следующего.

Вся операция занимала минут пять, не больше. А яйца, как особый деликатес, складывались в отдельный котелок. Их потом поджарил и сожрал сантехник Сафрон из подмосковного Пущино, один из самых толстых и глупых солдат в нашей части.

А один из бедняг не выдержал всех этих надругательств и кончил мне прямо на ботинок, когда я поставил ему на пузо ногу.

А парадку я так и не отстирал.
Твой Елисейкин».

«Здравствуйте Александр!

Здорово отвлекать не буду. Я служил в Гаджиево с 85 по 91 на РТ. Сейчас волей судеб работаю в Африке. Мали. Бамако.

Дал почитать Вашу «Расстрелять» своему переводчику Гамби. От 10 лет назад учился в Симферополе. Язык знает очень прилично. Так он так хохотал, читая... разве что не уписался... Он даже на французский для жены отрывки переводил. И самое удивительное, что и она поняла и смеялась... Пишу по его просьбе. Спасибо большое... Он теперь достает меня цитатами из Ваших произведений. Спасибо и от меня... С уважением Сильченко Алексей.

Бывший минер.

«Минные офицеры – это флотское отродье с идиотскими шутками. Они могут вставить коту в зад детонатор, поджечь его и ждать, пока он не взорвется (детонатор, естественно). Есть подозрение, что минные офицеры – это то, к чему приводит безотцовщина. Минер – это сучье вымя, короче...»

«... Вам еще раз большой привет от Гамби. Он становится настоящим моим старпомом. На днях этот тип очень ловко ввернул пару великолепных фраз из Вашего рассказа «Хайло» при довольно громком разговоре со строительными рабочими. Причем по-русски. Надо отметить: это определенный эффект произвело, и рабочие зауважали его как минимум на порядок сильнее...»

«... Гамби дошел в изучении Вашего творческого наследия до рассказа «Не для дам».

К моему большому удивлению, он только как-то странно хмыкнул, и на мой вопрос, не задел ли сей рассказ его нежную мусульманскую душу, он вдруг заявил, что рассказ смешной, но это вранье.

В ходе стихийно возникшего окололитературного диспута мне удалось выяснить, в чем же усомнился мой «русский» друг.

Оказывается, в период его пребывания в Крыму ему запомнились только гигантские батоны колбасы типа «Докторская» и «Любительская»....

И тут уже я повеселился от души.

Пришлось прочитать ему лекцию по технологии приготовления разных видов колбасы, имеющих различной диаметр и длину.

В общем, Ваше доброе имя правдивого писателя было реабилитировано...»

«Саня, Игорь Елисейкин опять.

Мне тут рассказали одну историю. Ты должен ее послушать.

В старинные советские годы один большой грузовой пароход завершал рейс. Команда, полгода находившаяся в замкнутом пространстве, не видевшая жен и детей, готовилась к этому радостному событию: то есть мужики начали ежедневно бриться, глаза стали блестеть задорно, а кто-то уже и планы строил, как проведет с семьей

первые дни. Все были так заняты приготовлениями, что на регулярный просмотр кинофильмов в корабельном кинозале перестали приходить, тем более, что весь немудрящий запас фильмов за полгода плавания был множество раз просмотрен.

И тут капитан получает телеграмму с приказом развернуть судно, зайти в один иностранный порт за грузом, затем доставить этот груз в другой иностранный порт и только потом идти домой. Для команды это означало еще месяца три плавания все в том же замкнутом положении с шикарным видом на те же самые рожи.

В общем, после получения этой телеграммы обстановка стала на корабле, если говорить цензурно, утрямая, то и дело на ровном месте вспыхивали конфликты, приказы начальства исполнялись медленно и с тихим шептанием матерных слов себе под нос и зубовным скрежетом. Словом, до бунта оставалось совсем чуть-чуть.

Но положение спас замполит. Он нашел где-то в пыльном шкафу красного уголка коробку с фильмом «Ленин в 1918 году», которая неизвестно откуда взялась, может, со времен прежнего замполита осталась.

То есть, пылилась она незнамо сколько времени.

И была в этой коробке одна хитрость: фильм был на украинском языке.

И вот замполит вечером срочно собрал народ в кинозале.

Злые мужики расселись по местам. Погас свет и на экран выскочил вертлявый Ленин, заложил пальцы в проймы жилета и сказал, картавя: «Здоровеньки булы, Феликс Эдмундович!»

Зал грохнул раскатистым дружным хохотом, который вспыхивал вновь и вновь на каждую реплику вождя и прочих участников кино.

На следующий день настроение команды было отменное, люди снова начали улыбаться друг другу, прекратились ссоры и стычки.

От себя могу добавить: советский суперфильм «Человек-амфибия» на узбекском языке – еще то зрелище... Сам видел сто раз в Ташкенте.

Там Ихтиандр говорит Гуттиэре: «Мен балык...Мен су кеттык (мол, я – рыба, мне в воду пора)» – и бултых в океан.... Ржали все. Особенно узбеки».

«Это я, Ольга.

Забегала я тут в контору к нашим местным художникам (они, чтобы на хлеб с икрой хватало, рекламой и дизайном подрабатывают), пивка им чешского приволокла. Ну и где людская благодарность? Меня тут же отправили отнести заказ. Окрестная воинская часть заказала себе что-то типа агитлистка.

Вот оригинальный текст, который принесли художникам в рукописном виде:

Диверсант не прошел

Стояла тихая зимняя ночь. Лишь скрип снега под ногами часового Юлдаша Нурметова нарушал морозное безмолвие. Но такая тишина бывает и обманчива. Вот донесся шорох, и Нурметов насторожился, напряг зрение. За проволочным ограждением он увидел неясные очертания человека. Тут же последовал окрик часового: «Стой! Кто идет?»

Поняв, что обнаружен, неизвестный выхватил пистолет.

Но властная команда «Бросай оружие! Стрелять буду!» – и лязг затвора автомата подействовали на нарушителя отрезвляюще.

Попытка убежать тоже не удалась.

Юлдаш Нурметов действовал четко, как велит устав.

Позже солдат узнал, что задержал матерого диверсанта.

*За смелые действия на посту рядовой Нурметов был поощрен (а теперь внимание) **МАНДУЮЩИМ ВОЙСКА ОКРУГА**.*

Когда я вручала это сочинение, то не удержалась и спросила: «Ну, и как там «мандуются» войска?»

«Саня, это я. Тут Министр Обороны Иванов выступал насчет «К-159». Как же так? Они же утонули с открытым рубочным люком...»

«Я тебе свою статью лучше перешлю. С эпитафией из Иванова.

С. ИВАНОВ:

«Элементы легкомыслия, надежды на русский авось, что пронесет, они, несомненно, были...»

Министру нашей Обороны не нравится русский авось. Может быть, он с ним даже будет бороться.

Мда. Жаль министра. Неплохой мужик.

Русский Авошь (на всякий случай с большой буквы) – это один из главных управленцев в России, и с ним хочет бороться Министр Обороны – второстепенный управленец.

Интересно, на чьей стороне будет победа?

Кроме того, «авось» – это еще и принцип.

Его младший брат: «Чего делать хорошо, все равно все отнимут» – знаком на этой земле еще с Батыя.

России не повезло. Она раскинулась в одиннадцать часовых поясах. Как тут управлять, если в «Петропавловске-Камчатском полночь»? Спят там в разгар управленческого зуда. Ты ими хочешь управлять, а они спят.

Так что все автономны. Опять-таки, а вдруг пронесет?

Ах, Россия, Россия, все границы, да границы...

А граница нашей горячо любимой родины хорошо видна из-за скопившихся вдоль нее на всем протяжении груд мусора.

Подъезжаешь все равно откуда – можно с Финляндии – и вот она, родимая.

И смотришь ты на весь этот гниющий кошмар, и через какое-то время говоришь сам себе, что все-то у нас мусор – дорогой или же дешевый.

А дорогой – это когда утопят, а потом достанут.

А дешевый – это когда и доставать-то не надо. Сам всплывет, да еще в ледяной воде вон сколько часов держаться будет до подхода долгожданной помощи.

Все это, конечно, необычайно лирично, но лучше я вам расскажу, как у нас водят лодку с помощью понтонов.

И сделаю я это без лирики, с некоторой долей может быть даже цинизма.

Цинизм, как известно, это всего лишь одна из форм экономии времени.

Итак, лодка, двадцать лет у пирса, дырявая, как решето. Решено ее отвезти, не лаяя, из Гремихи (следите за моей мыслью) аж в Кольский залив, аккурат мимо острова Буяна, в нашем случае Кильдина.

Вам никогда не приходилось с помощью очень прочной платяной нитки осторожненько везти за ноздрю на бойню быка? Так вот, очень похоже.

Лодка пять тыщ тонн, вокруг понтоны-понтонны, трос и, чтоб вы подумали, еще один корабль, на этот раз спасатель. С него подаются шланги. На лодку.

Для чего? Для того, чтобы люди, которые на нее посажены, дышали – вот это, я понимаю, благородство. Так что вся эта колыхающаяся на волнах в противофазе конструкция, напоминает телегу доверху нагруженную горшками: малейший поворот – разродится до небес.

Надо Вам сказать, что Гремиха – это вам не просто так. В народе это «Край Летающих Собак». Там триста дней в году ветреных, остальные – как придется.

Почему «Летающих Собак»? Потому что они – ветры – такой силы дуют, что поднимают на воздух псов и несут их, и несут...

То есть, волнение моря в три балла – это к маме не ходи.

А они все идут и идут.

До Гремихи от Мурманска по хорошей воде, летом, на теплоходе двое суток. А теперь прикиньте: по пло-

хой, да на понтонах, да на тросе, да со спасателем, который все равно никого не спасет, только вот воздух людям немного подаст с помощью шлангов перед смертью, которые протянуты через люк верхнего рубочного люка внутрь и через весь корабль – это суток пять кошмара, если я чего-то не напутал.

И все в руках Божьих.

А когда Богу надоедает держать вот это дерьмо верткое до невозможности в руках, он его, как пенис в общественном туалете, встряхивает и... тогда обрывается трос, разойдутся понтоны...

Лодка при этом почему-то тонет (со слов телевидения) что-то около сорока минут, а люди из нее так и не успевают выбраться.

А те, что выбрались, падают голышом за борт и долго купаются при плюс десяти градусов жары.

А зачем на ней в полутьме сидят люди? Хороший вопрос! Они там сидят потому, что по-другому никак не определить: поступает или не поступает вода внутрь герметичного прочного корпуса, о чем нам заслуженный адмирал по телевизору сказал.

Определили: поступает. Но не так и не там. Понтоны разошлись, и она немедленно булькнула.

У меня только один вопрос: шланги удалось вовремя обрубить, чтоб и спасателя под воду не утащило? А?

Удалось! Слава тебе, Господи, велики дела твои!

И потом, они бы все равно не спаслись, потому что им никто команды не дал: «Спасайся, кто может!» – не дают у нас такой команды. А те, кто без команды выскочили, так это по молодости.

По старости они бы не выскочили.

Говорят, у них даже связь имелась. По УКВ. Укавекнулась связь.

А что, иначе никак не довести эту развалину до завода, чтоб без гибели людей и без шаринья потом по дну

морскому на глубине раз в три года?

Довезти-то можно, но вдруг повезет, и проскочим?

Не повезло.

Теперь накажут.

Операция по проведению этого говна на понтонах, честно говоря, настолько уникальна, что управляться она должна была только из штаба Северного флота. То есть, стрелочники там скоро будут строиться просто в колонну по два.

Операция по ведению за ноздрю этой дряни длилась не полчаса, не один день, а несколько суток, так что без Главного штаба Военно-Морского Флота России тут не обойдется.

Не построиться ли стрелочникам в колонну по три? Я думаю, и по четыре мало будет.

И все-таки, еще раз для усвоения: люди, вдесятером, садятся на совершенно дырявое корыто и едут несколько суток при плюс десяти в отсеках? Надо полагать, именно так: лодка-то не обогревается, и света на ней мало. Хотя с корабля «спасения» могли протянуть не только воздушные шланги, но штатную электропроводку.

Мда (еще раз).

Как же они там вахту несли? Не спали что ли?

Командир-то точно не спал. Несколько суток. Он же командир. Он на том свете выпится. Может быть, кто-то из его офицеров спал? Не думаю. Набрали-то почти всех офицеров, ну и немножко мичманов.

Чтоб, значит, поответственной люди к своему делу подошли.

А как она гавкнулась, так первый вопрос был: «Как там лодка?» – о людях ни звука.

И про стуки интересовались как-то вяло.

Как-то сразу было ясно, что спасать уже некого.

Как вам кажется, а нельзя было эти гнилые ЦГБ в базе как бы заварить?

Может, у нас есть еще сварщики не в МЧС, и они умеют варить под водой?

Может, они нашлапок наделают и просто сверху зап-

латками их приварят, чтоб хоть ЦГБ воздух держали и бочка была похожа на бочку, а не на ведро помойное?

Как вы думаете, в будущем, при подобном транспортном безобразии, людей тоже посадят в темноте внутри такой же гнили, или же их, все же, будут держать в виде профессиональной команды экстремальщиков на том же спасателе, и они, примерно раз в час, как прыгнут в гидрокостюмах с электроподогревом в резиновую тарантайку с навесным мотором и подойдут к абсолютно безлюдной лодке, что на понтонах волокут? А потом они вскарабкаются ей на борт, как белки, по штормтрапу и все у нее внутри осмотрят насчет этой долбанной герметичности за девять минут и десять секунд.

А? Как? Или ум для нас фантастика?..»

«Саша, это Виталий Люлин.

... Ощущение после всплытия из подводного положения – потрясающее! Всегда. Сколько бы ты не всплывал. Это рождение! Заново.

В нос шибает умопомрачительный запах холодного спелого арбуза. Запах жизни на земле, а не в череве. Легкие трещат в упоении! А потом, непременно, головная боль. Идет ломка организма, запустившего много месяцев назад фабрички по выработке противоядий от неизвестных компонентов в газовом составе воздуха отсеков подводной лодки. Этот газовый состав, его компоненты, за исключением их малой политики, неизвестен и не подвластен даже многомудрому химику. «Фабрички» вразнобой останавливаются. От того и головная боль. Она быстро проходит. Без вмешательства медика. Другое дело всплытие душевное – не утихающая головная боль на долгие годы, а может и на всю жизнь...»

О ЛОДКЕ

Вы никогда не были на лодке? Так я вам чуть-чуть про нее расскажу.

Она как дом. Величиной.

Только это вытянутый дом с несколькими этажами, палубами.

Когда она стоит в доке, то кажется большим китом, выползшим на сушу.

Когда она стоит у пирса, над водой торчит только рубка и незначительная часть ее корпуса.

В море лодка ходит, в основном, под водой. Над водой – это плохой надводный корабль. Качает, как бочку, потому что, в принципе – это и есть бочка.

Она поделена на отсеки. Эти отсеки закрываются, у нас говорят «задраиваются» с помощью специальной штуки – кремальеры, особенно во время аварии, пожара или утопления лодки, – намертво. Никто не прорвется. Это важно. Потому что люди во время аварии сходят с ума, бегут, безумные, и ломают эту самую кремальеру, как палку.

Поэтому с другой стороны переборочной двери – она круглая – тоже есть кремальера, и еще можно опустить в нужное место обычный толстый болт. Закрыл дверь, обжал кремальеру и опустил болт – теперь не прорвутся, точно.

С той стороны отсека может быть пожар или вода, и, если не задраишься, не отсечешь соседний отсек вместе со всеми его жителями и механизмами, то пожар или вода войдут и в твой отсек, а потом они пойдут дальше, убивая людей.

А задраил – и, может быть, остановил этот безумный бег.

Пожары у нас часто. И даже не пожары. Мелкие возгорания. На девяносто суток плавания несколько таких возгораний – норма. Сколько это «несколько»? Ну, четыре-пять, иногда шесть. Как повезет.

Что у нас горит? Да что угодно. Например, масло на камбузе на раскаленную плиту коки выльют – сразу пламя до подволока.

А потом дым в отсеке стоит столбом – не продохнуть.

В этом случае объявляется аварийная тревога – дзинь-дзинь – и лодка всплывает.

Лодке важно всплыть, потому что в надводном положении легче справиться с бедой.

А дым – это всегда беда. В нем содержится угарный газ. Он реагирует с кровью в триста раз быстрее кислорода. Одного вдоха иногда вполне достаточно для того, чтоб вся кровь в легких прореагировала.

Лодка всплывает, устраняет причину пожара, вентилируется.

Для нас очень важно хорошо провентилироваться.

А еще лодки тонут.

По разным причинам – заклинка рулей на погружение или еще чего.

Тогда лодка вдруг зарывается носом и начинает погружаться, и люди в ней вывалились с коек, упали с кресел, полетели, попеременно с ящиками, побежали на подгибающихся ногах, на карачках, головой в переборки.

Чем глубже она погружается, тем сильнее вода обжимает ее корпус и тем меньше становится ее объем, а значит и выталкивающая сила, тогда она погружается еще быстрее, а потому объем еще больше уменьшается. Лодка падает на глубину с ускорением. Как камень. Летит, летит...

И там уже, на глубине ее давит, сминает, как обычную консервную банку.

Важно это не допустить.

Важно сразу же всплыть.

На лодке столько всякого для резкого, экстренного, быстрого всплытия – вы себе просто не представляете.

Воздухом высокого давления продуваются цистерны

главного балласта, – главное, успеть их продуть – и тогда лодка взлетает, выпрыгивает на поверхность, а потом покачивается, и все в отсеках вместе с ней покачиваются и приходят в себя.

С глубины утонувшую лодку поднять трудно.

Лучше, если она утонет на трехстах метрах, а еще лучше – на ста.

Сто метров – это просто отлично, это здорово, это вам повезло.

Со ста метров можно выйти методом свободного всплытия. Через торпедный аппарат, совершенно без снаряжения, по три человека за раз.

Открывается крышка, вы вползаете втроем в этот длинный, цилиндрический гроб и замираете, а те, что в отсеке, закрывают за вами крышку и дают в него воздух. Постепенно, но все-таки торопясь. За одну минуту. Десять атмосфер. Потому что кровь не должна успеть насытиться азотом, а то при приближении к поверхности кровь вскипит его пузырьками – он начнет выделяться и закупоривать сосуды – это и есть знаменитая «кессонка», кессонная болезнь.

А когда давление повышается быстро, в течение минуты, не больше, то он не успевает раствориться.

Открывается передняя крышка торпедного аппарата и – вот она вода. Она стоит перед крышкой и не входит внутрь. Как в кино. Ее можно потрогать. Сунуть в нее руку – мокрая, высунуть ее назад – здорово.

Но на все это времени нет, все это вспоминаешь потом, а сейчас быстро наружу, выбрался в воду, оттолкнулся от края и... всплываешь, не забывая все время выдыхать, потому что давление в легких падает и при задержке можно получить разрыв легкого, баротравму.

Да, через торпедный аппарат – это здорово, это повезло.

А если тебя закрыли в другом отсеке и никуда не добраться, то тоже ничего. Не стоит пока печалиться. Главное

осмотреться, потому что почти наверняка пропадет свет, и сидеть будешь в темноте.

Так что стоит поискать аварийный фонарь – его хватит на двое суток непрерывного свечения, а потом привыкнешь жить в темноте.

В каждом отсеке есть парочка таких фонарей – надо их найти.

Нашел – вот и счастье.

Теперь стучать.

Лодку ищут, обязательно ищут. Если она не вышла на связь в течениис четырех часов, объявляется тревога по флоту и в море на поиск выгоняется туча кораблей, и тут важно верить, что найдут, и стучать. Сутками.

Надо стучать по отливному кингстону помпы – он сразу идет за борт.

Или по любому другому кингстону, только чтоб он сразу же шел за борт.

Стучат ключами или все равно чем металлическим. Металлом по металлу.

Важно разбиться на вахты и стучать днем и ночью.

Азбукой Морзе. Она есть на всех переборках. Специальные стуки, ни на что не похожие, понятные любому профану, то есть, я хотел сказать, водолазу.

Главное верить, что тебя ищут, что найдут.

Надо стащить в отсек побольше теплого водолазного белья – лодка скоро остынет, и будет холодно.

Надо поискать воду и аварийный запас пищи, регенерации – она выделяет кислород, если подсуетиться.

А перед этим важно выбрать старшего. Старший всегда должен быть. Это как Бог. Бог должен быть.

И ему все подчиняются. Он сказал – закон. Никто не возражает. Это важно. Иначе безверие, тоска, смерть.

А со старшим – хорошо. Всегда же хочется думать, что кто-то сейчас все придумает, и все у вас получится. Это здорово, когда есть старший, поверьте.

Он распределит еду и воду, свитера, регенерацию, дыхательные аппараты, установит очередность смен, потому что надо следить за просачиванием воды в отсек, за температурой и чтоб все время стучали.

А что за вами пришли, вы сразу почувствуете, там так обостряется слух, что все постороннее сразу же слышно.

Сразу начнется возня у эпроновских выгородок – это, как пить дать.

Это такие специальные места. С них можно подсоединить шланги и провентилировать отсеки – в первую очередь, нужен же воздух, а потом через них можно подать электричество и осветить отсеки через лампы аварийного освещения, и еще можно позвонить по телефону с поверхности.

Представляете, вам звонят с поверхности, там же стоит спасательное судно, а вы им: «Але, как дела? Как там снаружи? Не моросит? Сколько нас тут? Нас тут немного. Сейчас скажем все по фамилиям. А мы вас ждали! Ну, да! Ха-ха-ха!» – и в отсеке сразу же все смеются, вы не представляете себе, как у нас могут смеяться. Над любой ерундой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Чучело

Когда-нибудь увижу прекрасное чучело подводника где-нибудь на севере нашей необъятной страны, в краеведческом музее, с растопыренными руками, с растарашенными глазами на подставке из скал и хрустящего ягеля.

На бирке под чучелом будет написано:

«Подводник-сапиенс, он же – вульгарис, он же – большой морской яйцекладущий подводник. Постоянного гнездования не имеет. Иногда пара грубых сучьев бережет кладку от скатывания.

Это временное пристанище тут же бросается в минуту опасности.

Но свои яйца защищает до последней капли. Взмывая, всегда их подхватывает.

Выживает и хорошо размножается в неволе. Редко имеет одного, чаще – двух птенцов. Когда желторотые дорастают до папы, они бьют его по голове и так получают желаемое.

Требует бережного отношения к себе и хочет попасть в Красную Книгу.

Отличается высоким уровнем развития чувства стадности и локтя.

Внутренняя организация сложна и недостаточно изучена.

Иерархическая лестница крута и неожиданна.

Отмечены случаи поедания себе подобных.

После десяти лет – вреден и склонен, не дорожит честью коллектива.

В больших скоплениях склонен к созданию нездоровой атмосферы.

Поставленный в зависимость от обстоятельств, ищет оригинальное решение.

Обвехованный – очень хорош. Тыл себе любит прикрывать. Перед носом любит морковку, под себя обожает бумажку.

Долго верит.

Легко заверяет и клянется мамой.

Часто хохочет и беспричинно плачет.

Спокоен, если пути заказаны и отступить дальше некуда. В этом случае наблюдаются случаи большого семейного счастья.

Беспокоен, если наблюдает отдельные перемещения.

Желательно околпачивание – хорошо его переносит.

Интересуется чужими болячками. Чувствует себя замечательно, если видит их много.

Покладист, куда ни положи.

Любит посторонний запах, называет его «новым веянием».

Ни одна зараза на нем долго не выживает».

ОТ АВТОРА

Сперва я вам хочу рассказать о нашем Уставе. Не о том, конечно, уставе, по которому теперь на флоте развивается жизнь, потому что я не знаю, что там сейчас происходит, а о том Уставе, по которому когда-то служил я.

Вот открыл я его недавно и понял, что и тогда наш устав никто по-настоящему не читал и над ним не думал, а уж теперь – и подавно, и после этих мыслей тотчас же пахнуло на меня чем-то забытым, смешным и трогатель-

ным, будто нашел я на старом чердаке, среди паутины и плесени, картину, изображающую моего родного деда при шашке, портупее, с закрученными усами.

На первой странице гимн: «Со-ю-з не-ру-ши-мы-й та-рата-па-ра... и ... Ле-ни-н ве-ли-ки-й та-та-та-па-па...» – потом присяга: «Я – гражданин... клянусь... на-на... а если я нарушу, то пусть...» – потом «Общие положения», в которых одну фразу обойти уж точно никак нельзя, потому как хороша необыкновенно: «Ни одно иностранное правительство не имеет права вмешиваться в жизнь военного корабля СССР»...

Все! Остальные 442 страницы можно не листать вовсе. Чушь потому что...

ИКРЫ ХОЧЕТСЯ

Жаль, что подводник не мечет икры. А как было бы хорошо! Представьте себе: сначала самка своим длинным яйцекладом делает для страны большое и нужное дело, а потом появляется самец, поливающий все это своими молоками. И – тысячи икринок, тысячи...

А сколько было бы новых подводников!

А подводных династий сколько бы было!

И никаких забот. Нужны подводники – да вон же они, чудный корень, – конвейер, икринка к икринке.

Конечно, пришлось бы где-нибудь на юге построить садки – неглубокие, полные солнечной зелени, легко прогреваемые ванны (конечно, пришлось бы), но все это невыразительные мелочи перед лицом такой значительной государственной проблемы, как икрометание подводников.

А как было бы хорошо: для каждого подводничка, даже для самого мелкого и неприветливого, обязательный летний отпуск.

И всей семьей под наблюдение врачей. Представляете? Жарко, и ты не в лодке, а в ванне, на юге, на нерестилище;

ласковый легкий ветерок; доносится зов недалекого моря (плеск), и вокруг все врачи и врачи – порхают; еда на выбор, умоляющие крики: «Съешьте это, не шевелясь!» – или: «Съешьте то!»

И куча процедур.

Куча «до» и куча «после».

А сами процедуры ненавязчивы, ненапряжны и выполняются играючи.

Правда, все время «хорошо» у нас быть не может, и скоро за дело бы взялись селекционеры – эти друзья природы – и сдвинули бы нам период икрометания на декабрь, и стали бы подводнички метать это все в декабре; но те времена наступили бы не скоро, и на наш век был бы обязательный летний отпуск, и чтоб всей семьей, к морю, на юг, в ванну, и яйцекладом – икринка к икринке...

АМДЕРМА

Север Крайний – Амдерма.

Это место такое сахарное.

Название этого места все тянет произнести, отделяя первый слог, но это будет неправильно.

Зимой минус сорок, и кожу на роже ветер легонько снимает с помощью очень твердой ледяной крошки.

А собаки там величиной с годовалого тигра – мелких ураганом относит.

И блохи на них не водятся по той же причине.

Военный аэродром. Техники готовят истребители к вылету. Молодой лейтенант группы СД – самолетных двигателей – увлеченно работает, что-то там вдохновенно крутит. К нему неторопливо подходит майор Сан Саныч Штырь, инженер эскадрильи, и устало говорит:

– В штанах, случаем, не ебешься?

Когда начальство обращается к тебе с подобным вопросом, лучше осмотреть всего себя и свои дела бдительным оком, может, ты что-то упустил.

Лейтенант смутился, потом осмотрел, ничего не нашел и на всякий случай говорит:

– Так точно, товарищ майор!

Тогда майор ему уже несколько громче, с горячей настойчивостью:

– В штанах, говорю, случайно... НЕ ЕБЕШЬСЯ?

Еще один торопливый огляд себя – ну что я делаю не так, Господи?! – и бляенье:

– Так точно... товарищ майор!..

И тут майор сходит с ума – брови выше ушей:

– ГОВОРЮ, В ШТА-НА-XXX!!! НЕ Е-БЕ-ШЬ-СЯ?

Истошный крик доведенного до крайности лейтенанта:

– НEEEEEEEEEEEEEEEEЕТ!!!

И тогда полное смысла замечание старшего товарища:

– А ЧТО Ж ТОГДА В РУКАВИЦАХ РАБОТАЕШЬ?!!

М-да.

Надо вам сказать, что и в этот раз было минус сорок.

С ветерком.

ЖИВ, ЗАРАЗА!

На флоте невозможно долго жить и чтоб не вспомнить про говно.

Сейчас мы про него вспомним.

Вахтенный пятого в автономке пропал. Ночью пропал, перед самым получасовым докладом насчет того, что «в пятом замечаний нет».

Напрасно центральный звал его в железных джунглях, загораясь желтым глазом лампочки переговорного устройства «каштан»:

– Пятый!.. Пятый!.. Где он ходит, зараза?.. Пятый!.. – все без толку, все напрасно.

Его искали. Сначала осторожненько, не докладывая командиру, а потом доложили.

Командир немедленно прибыл в центральный и обозвал всех «тихушниками»:

– Вы все тихушники! Вы втихаря все делаете! Гадите тишком! А того не понимаете... – командир говорил еще целую минуту, потом объявили тревогу и поискали еще минут двадцать – никого.

Командир вызвал в центральный командира подразделения, который к тому же был еще и командиром того самого пятого отсека.

– Где ваш личный состав?! – спросил командир.

– А я откуда знаю! – был ему немедленный ответ.

И тут командир взорвался:

– Да вы вообще никогда ничего не знаете! Гляньте на себе, гляньте! Потому что спите на ходу! Вас и сейчас подняли с койки последним! Небось, и не знали даже, почему объявили тревогу? А? Не знали? Да? Не знали? Вот! Где может быть вахтенный пятого?

– Не знаю!

– А вы узнайте! Вы разберитесь! Для начала! Надо же когда-то начинать! – сказал по-нехорошему успокоившийся вдруг командир.

И командир подразделения, резко хрюкнув, отправился в отсек. По дороге он все-таки окончательно проснулся и разбушевался:

– «Где ваш личный состав?!» (Где, где? В треугольной бороде! Под складками! Сразу влево и на ощупь! Там он и висит! И всегда висел! Где? В говно упал! Утонул там!) – он перелез, в конце концов, в свой любимый пятый отсек. – Где эта зараза?! Звезда с ушами! Гиперболоид инженера Харина!..

Из галюна пятого отсека никто не выходил. А мно-

гим, по тревоге, хотелось. У гальюна даже выстроилась очередь.

– Эй! – кричала очередь и стучала в дверь. – Умер там, что ли? Или веревку проглотил?!!

Дверь гальюна открылась наконец, и из нее вышел...

...Вахтенный пятого зашел в гальюн и взобрался на дучку поудобней.

«До доклада еще далеко, сейчас наделаем чего-нибудь и на докладку», – думалось ему. И он наделал. Осталось только встать и нажать на педаль. А что, если вставая, нажать?

Так он и сделал: вставая, нажал. И нога соскочила. Он рванул вверх, чтоб увернуться от подлетевшего, как в цирке, говна, но не удержался, оступился, и нога опять попала на педаль и опять соскочила.

Со стороны могло показаться, что вахтенного просто подбрасывает на унитазе (просто подбрасывает). Одновременно его всякий раз обдавало говном.

Он решил тут же помыться и все застирать, не выходя из помещения.

И вот когда дверь гальюна пятого отсека в результате открылась, и из нее вышел застиранный вахтенный пятого... Он вышел и обалдел. Он не слышал тревоги, он не слышал команд, он даже стуков в дверь не слышал, работая. Он думал, что все спят.

А все не спали. Все сгрудились и смотрели на него молча, как на счастье.

Вахтенный был в повязке и в рубашке. Больше на нем ничего не было. Все остальное, постиранное, он держал в руках. Только нательная рубашка и повязка, и внизу, из-под рубашки, что-то украдкой курчавилось и при походке поглядывало.

– Чего это, мужики? – спросил вахтенный.

– А мы думали, что ты где-то сдох!!! – выдали ему сейчас же.

НОВЫЙ ГОД

Летный гарнизон.

Предновогодняя ночь.

Что может быть лучше этой ночи?

Лучше нее может быть только ожидание, предвкушение праздника, когда ты не тут, а там, в прекрасном далеко, в будущем, за новогодним столом, и когда все-все кажется прошлым, глупым, смешным, когда заботы, обиды, тревоги забыты, и осталось только наполнить бокалы, да посмотреть в глаза любимой, да на часы – на них всего 22.00.

И вдруг по громкой связи раздается: «Всем офицерам срочно прибыть в штаб полка!» – и всех словно подняло и вставило в середину палец ростом с молодой микрофон.

Все вскочили, заметались, подхватились, и помчались, и с грохотом понеслись, сапогами об порог – в штаб.

Там их ожидал командир Вадик Фаритович. Он обратился к ним с речью:

– Вот! Товарищи офицеры! Полтора сутка (именно так: «сутка полтора») отсутствует солдат на

службе, а я узнаю об этом только сейчас! Отправляйтесь немедленно все на поиски солдата!

Быстрее вихря офицеры взметнулись-взлетели и бросились вон.

Искать. ИСКАТЬ!!!

А где искать?

О, это легко. Рядом только деревня Бобровка – взять ее с разных сторон – и по хатам, по хатам, по хатам, сеновалам, погребам.

Ровно через полчаса солдат, стоящий на четвереньках (по-другому у него не получалось), был безжалостно оторван от груди возлюбленной (после чего ему дали ногой по сраке) и доставлен в расположение части и мордой в подушку ткнут.

А потом все побежали по домам и ровно в полночь за

праздничными столами они уже мечтали, вздыхали и заглядывали в глаза любимым.

ЗАБУБЕНЬТРАВА

Адмирала Забубеньтрава у нас всякий знает. Про него легенды ходят. Внешне он даже на человека похож, но как только начинает говорить, так это ощущение и пропадает.

Вот стоит он на пирсе и распекает какого-то капитана третьего ранга:

– На одну тысячу человечества попадают и кретины!

Адмирал у нас с русским языком не всегда в ладу.

– Поймите, наконец, корабль присутствует на дивизии, а на Луне он отсутствует! Вы когда это усвоите? Что вы на меня так пялитесь? Ходите тут с повадками пьяного воробья? У вас там даже тараканы прыгают, бегают и непонятно чем занимаются!

На испытуемого страшно смотреть. Он красный и глядит перед собой особенно преданно.

– Чем вы все время заняты? Лежите и разлагаетесь? У вас уже мухи на губах ебуться!

М-да, и это далеко слышно. У нас база находится как в чаще – по сторонам скалы, а адмирал с жертвой находятся в центре этой чаши – получается замечательная акустика.

– Что это за стиль работы? Сначала вы набираете воздух в рот целую неделю, потом два часа пыжитесь мне чего-то сказать, а как я вам дам за пять минут по ушам, так вы и замолкаете потом на целую вечность!

Капитан третьего ранга действительно как-то подозрительно пыжится.

– Ярче! Ярче надо осознавать! Чтобы не тужиться здесь потом!

Может, и тужится этот каптри, я даже не знаю.

– И не надо сваливать свою дремучую неисполнительность на мой природный долбоебизм! – Наверное, не надо. – Вы должны были у трапа схватить меня под белые ручки и, бодро цокая копытцами, повести меня вдохновенно по своему заведованию на предмет устранения моих же замечаний! А теперь что? Что теперь, я вас спрашиваю? Что теперь? Что? ЧТО?!!

Я не знаю «ЧТО», но только горемыку капитана еще больше распирает – он надувается, смурнеет и еще раз надувается.

И тут этот несчастный капитан третьего ранга в совершенном отчаянии оглушительно пукает на всю округу – по-прежнему поразительная слышимость.

Не берусь описать, что было после.

ДЕРЬМО ЗАМЕРЗЛО

Север Крайний с Амдермой.

Дома на ножках, потому что вечная мерзлота.

Все коммуникации тоже на ножках и в коробах, чтоб не сомлели, не приведи Господь.

Но иногда Господь делает «приведи», и тогда однажды вечером, когда все уже дома, по громкой связи звучит: «Коммунисты и комсомольцы! Командование обращается к вам с убедительной просьбой не пользоваться туалетом в связи с размораживанием системы», – после чего, для контроля происходящего, по всем домам пускаются оповестители, вооруженные, как и любые оповестители, противогазами. Они звонят в каждую дверь, и когда она открывается, говорят: «Велели не срать!»

Я вам так скажу из своего личного опыта: трудная это задача, если нет под руками ведра.

А с ведром – это задача легкая и пустяшная, после чего

боевая подготовка свернута сама собой, и все ходят друг к другу в гости, интересуясь, не срут ли соседи.

Первые этажи внимательно следят за ванной и туалетом и чуть чего производят ревизию в верхних этажах. Верхние этажи ведут наблюдение за нижними, и если и испражняются, то втихую.

Надо вам заметить, что от волнения гадится лучше и на двор с ведром бегается швыдче.

Примерно через неделю оказывается, что нет труб нужного диаметра.

Еще денька через два диаметр находят и ставят его в то самое место.

Потом по домам пускаются оповестители с тем, что «велено срать», а по громкой связи объявляется благодарность коммунистам и комсомольцам, а также беспартийным, воодушевленным их личным примером, то есть женщинам и детям.

Ах!.. Как я все это понимаю...

ТАРАКАН

Наш корабельный врач Кузьма относится к той категории народных целителей, у которой существует только два настоящих диагноза: «хуйня» и «пиздец» («хуйня» проходит сама, «пиздец» не лечится). То есть он ленив и философичен.

Лежит Кузьма на койке в обеденный перерыв – волосы дыбом в подушку – и смотрит он на меня во все свои запылавающие жиром глазки – у него, собаки тайской, лирическое настроение, ему рассказ услышать хочется.

– Саня! – говорит он мне. – Ты мне рассказ обещал.

– Раз обещал, расскажу, конечно, – говорю я ему неторопливо (моряк калеку не обидит). – Только ты мне напомни, о чем надо рассказывать.

– О командире Тараканове, у которого было любимое выражение: «Сел в углу и плодит себе подобных».

– А я тебе разве о нем не рассказывал?

– Нет.

– Ладно, тогда слушай. Был у нас командир с настоящей, но редкой русской фамилией Тараканов. Я не знаю, кому бы еще собственная фамилия так подходила – маленький, злопамятный, быстрый, вредный, с усищами на вылет, которыми от возбуждения шевелит.

Одно только обстоятельство до какого-то времени отличало его от вышеназванного насекомого – не умел он летать. Ты же лучше всех знаешь, что любой таракан в безвыходном положении летает – приподнимает надкрылья, и – поехали, а наш вот не умел. Но недолго это длилось – научился.

Вышли мы в море, погрузились, походили, продули среднюю (группу ЦГБ), всплыли – рубка над водой торчит. Таракан – тут как тут – винтом наверх, и сигнальщика с собой прихватил.

Не успел выскочить – уже докладывает вниз: «Облачность – пять баллов, видимость – двадцать миль, море – пять баллов!»

Только он про море доложил, как оно и приключилось – волна с чудовищным грохотом ударила в рубку. Откуда она взялась – хрен ее знает – не волна, а просто девятый вал. После такого удара немедленно возникла Ниагара, подхватившая самого Таракана и визжащего сигнальщика, а потом – как вихрь в раковине – она сбросила их в люк центрального.

Они пролетели метров семнадцать до палубы, куда первым жопой, с удивительной жизненной силой, впечатался командир с выражением на лице «коробочная спичка – это мозг динозавра», а ему на плечи тут же сел счастливый идиот-сигнальщик. Весь центральный обомлел – в «каштане» еще слышится командирское: «Море – пять баллов»

– а он уже, зараза, прилетел.

И главное, на обоих – ни одной царапины.

– Врешь!

– Ну разве что смещение всех подряд позвонков одновременно и новое любимое выражение.

– Какое?

– «Все, как люди, а мы – как хуй на блюде!»

КОМЕНДАНТ

Комендант Валабуев – подполковник, с вашего разрешения – расстегнул верхний крючок кителя, чтоб облегчить себе вгрызание в котлету.

Комендант был по-мужски красив (он знал это наверняка): внешний вид, виски с проседью, строевая подтянутость и прочее.

В городе о нем ведала каждая собака. И это было приятно. Он всегда обедал в этом ресторане. Офицеры обходили его за версту. Кому охота нарываться? Никому.

Комендант любил остановить офицера на улице и при народе проверить у него в фуражке наличие двух пружин.

Комендантом надо родиться, и не просто родиться, а родиться на гауптвахте, чтоб вошло в кровь и плоть.

Котлета поедалась мерными движениями, и пока это происходит, заметим, что город имел отношение к морю. Море повлияло и на коменданта: глаза его были подернуты военно-морской пленкой, а лысина своим обрамлением напоминала атолл – плюс-минус дельта плешь.

Оригинальные, пронзительные мысли редко вспучивали ему лоб, а если и вспучивали, то оставляли на нем зарубки – их было ровно пять – выражение лица строго уставное: правая бровь на полпальца выше левой, улыбка – редкая гостья – только на ширину приклада.

Уставы, инструкции, наставления и директивы добавляли твердость взгляду и колючесть носу.

Комендант приступил к компоту.

И вот, когда он совсем уже собирался, прополоскав им рот, сго же и проглотить, появились полковники морской авиации и с ними какой-то седоватый хрен в гражданке.

Бог с ней, с авиацией, но полковники, расположившись напротив, не только не обратили на коменданта никакого внимания, они еще, рассевшись, немедленно поставили на стол две бутылки коньяка.

Полуденная пленка спала с кошачьих глаз коменданта, он чуть не подавился компотом, и ноздри у него задышали, как у сивки-бурки.

– Товарищи полковники! Прекратите! – сказал комендант, а соседний столик на это никак не отреагировал.

– Товарищи полковники!.. – опять ничего, если не считать того, что седовласый обернулся и сказал буднично:

– Не мешайте обедать.

– А я не с вами разговариваю. Товарищи полковники!.. – коменданта мог теперь остановить только танк. И танк появился.

– А вы мешаете обедать! – седовласый чуть повысил тон.

Ресторан замер. Существует некоторое математическое ожидание ужаса, которого начисто лишены коменданты.

– ПА-ДАЙ-ДИ-ТЕ СЮ-ДА! – сказал седовласый тоном, понятным всем Вооруженным Силам.

Комендант что-то почувствовал, но не до конца. Он подошел. Седовласый достал документ и сунул его коменданту.

– «Маршал авиации... заместитель Министра обороны...» – вот теперь он почувствовал все до конца, и конец тот у него в глазах завиднелся. Лицо отупело по стойке «смирно», глаза навывлет.

– Есть! – взвизгнул он и совершил головой роющее движение. Брось его теперь наземь – выроет канаву. – Есть!

– У вас есть с собой записки об арестовании? – спросил его седовласый.

– Есть! – взвизгнул комендант. – Есть! Есть! – его заклинило.

Седовласый написал в записке: «Командующему! Комендант арестован за нетактичное поведение в ресторане!»

– Идите! – сказал седовласый.

– Есть!

Комендант вышел из ресторана приставными шагами. На лбу у него немедленно появилась еще одна зарубка. Последняя. На всю жизнь.

ГИГИЕНА

Ах, как хорош север летом, когда тугие лучи солнца бьют и бьют сквозь внезапно набежавшую тучку и освещают тундру – мох, ягель, кустики березы и озера, озера до горизонта – маленькие, мелкие, и такие, и большие, и глубокие, как расщелины.

И скалы, сверкающие вкраплениями кварца, а на них, словно вшитые, лапки брусники, а под скалами голубика, черника, морошка. Вышел на полчаса в тундру – и готово ведро.

И осень хороша – тундра красная, желтая от листьев и голубая и алая – от ягод.

А сколько грибов – пропасть грибов, просто пропасть.

А сколько рыбы – в озерцах, озерах, речушках, речках и в море.

А зимой – лисы-песцы-росомахи-куропатки, и всполохи северного сияния – задрал голову и стоишь-стоишь – невероятная, невозможная, побеждающая все красота.

Много чего на севере есть, ой как много. Баб только нету.

И вот в отсутствие баб одинокий прапорщик догово-

рился с одним ненцем, что тот за литр спирта ему свою жену на сутки уступит.

Ненец привел жену, а прапорщик ее помыл, нацедив воду с батареи – все равно другой воды нет – в детскую ванночку, потому что мала та девчушка необычайно.

Помыл и незамедлительно выебал самым неординарным образом.

На другой день ненец забрал жену и в тундру отбыл.

Но потом он явился к начальству: «Ваша офицера моя жена помыл, и теперь она заболел. Как оленя пасти?»

Оказалось, что ненки не очень часто моются.

Прапорщика вызвали и сказали ему: «Ну, блядь? Гигиена, на хуй! Как теперь оленя пасти?» А вокруг была тундра – красоты невероятной.

КОГДА Ж ВЖАРЯТ?

Знаете ли вы, как мы стреляем ракетами? Вы не знаете, как мы стреляем ракетами. Мы ими замечательно стреляем. То есть я хотел сказать, что мы ими неплохо стреляем. Правда, иногда мы может так стрелнуть, что они в Норвегию улетают. Кэ-эк ахнем из всех стволов, а потом – ладонь ко лбу: вглядываемся, высматривая ее на нашем замечательном полигоне, а из Норвегии нам и говорят: «Не ваша ли ракета к нам случайно прилетела и все тут нам всюду каркнула?»

– Нет! – говорим мы. – Это не наша ракета. Наша должна вот-вот у нас на полигоне приземлиться!

– А чего это на ней написано «Сделано в СССР»?

– Х-де? – говорим мы и смотрим, куда показали.

А однажды попали в коровник – не все же в Норвегию попадать. Построил колхоз коровник, поднатужился, а мы – вжик! – и буренки опять на ветру.

Наши, чтоб скомпенсировать урон, нанесенный горячо любимой родине, решили за счет флота отгрохать колхозу новый коровник.

И отгрохали.

И приехал генерал проверять, как отгрохали.

Почему генерал? Потому что на такие дела, с коровником, у нас только генералы ездят.

И идет генерал по тому селу, в котором только что отгрохали, мимо серых, покосившихся избенок, и подходит генерал к коровнику и смотрит на него.

А тут его за рукав – цоп! Обернулся генерал – стоит сзади столетний дед.

– Слышь, касатик! – говорит дед. – Вы вот что... вы эта... когда в другой раз пулять будете, то прицел чуток пониже возьмите, чтоб аккурат по моей избенке вжарить.

– Это еще зачем? – спрашивает генерал.

– Плоха у меня избенка, того и гляди сама рухнется, а у колхозу не допросиши, а вы вот, хоть и вжарили нашим, теперь вона какой коровник отгрохали, чистый санаторий!

Посмотрел генерал на деда, прямо в серые дедовы водянистые глаза, и увидел генерал столько униженной тоски, столько наивности и печали, что не посмел генерал тому деду отказать.

– Обязательно, дед! – сказал генерал. – Как в другой раз вжарим, так аккурат по твоей избенке, а тебе телеграмму отобьем, мол, ховайся, дед, пришел твоей избенке конец.

Расчувствовался дед, и генерал тоже расчувствовался.

Обнялись они с генералом по русскому обычаю и поцеловались троекратно.

С тех пор ждет дед, когда по нему вжарят. Очень он на того генерала надеется.

КУРЛЫК-КУРЛЫК

Север, север, север, мгла.

Полярная ночь, и сияние тоже полярное.

Поземка – о, Господи – и уж такая поземка, такая, что кружит и вьется так, что к маме не ходи.

Дома. В них свет. Пока он горит.

Почему пока? Потому что подают его с перебоями.

Окно на первом этаже.

Если проникнуть за то окно, то сейчас же попадешь в комнату, почти теплую, где за столом жена – учительница, почти женщина – проверяет тетради.

Она торопится: могут окончательно вырубить свет.

К ней подходит муж и начинает вести нежные разговоры. Он курлычет, курлычет, что твой журавль – курлык-курлык!

Жена, все еще в тетрадях, говорит ему тоном портового грузчика: «Отстань!» – а он не отстает и все еще – курлык!

И тут свет начинает усиленно мигать, мигать, жизнь ускорится, жена проверяет тетради все быстрее и быстрее, а свет мигает чаще и чаще, а муж все не отстает и не отстает, и тогда у нее под рукой оказывается детский автомат (тяжеленный), сделанный мужем когда-то из неподъемного дерева – помойного топляка – для маленького сына.

Она хватается тот автомат и бьет им шутейно его по голове.

Все.

Потом все поместились в госпиталь.

Он – в качестве потерявшего разум. Она – в качестве терпеливой сиделки.

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ

Когда набирали в отряд космонавтов первых кандидатов, Министр обороны решил, что, поскольку космонавтам особая летная подготовка вроде бы ни к чему, можно набрать народ отовсюду, чтоб потом никому обидно не было. То есть понемножку из всех видов и родов.

Семьдесят процентов офицеров Северного флота захотело стать звездными братьями.

Так как этого добра (братьев) набралось очень много, для их прореживания в каждой базе были созданы специальные медицинские комиссии, которые и проверяли кандидатов на предмет наличия космического здоровья, а также на соответствие их внешности некому космическому стандарту – а то их потом всему миру показывать.

Мелких, кривоногих и со злобными физиономиями отсеивали прямо с порога.

Высоких, как заведомо тупых, тоже не брали.

Потом тех, кто прошел базовые комиссии, просеивали на медкомиссии Северного флота.

Делалось это так: ставился длинный стол, за которым усаживалась комиссия во главе с медицинским генералом. Входил частично голый кандидат, и вся эта орава на него смотрела. Потом кандидат называл свою фамилию, а генерал, заглянув в специальную бумажку, выговаривал следующее:

– Вы нам не подходите, у вас по английскому в дипломе тройка.

Так и отсеивали.

И осталось только двадцать пять человек. Эти подходили. Они сдали в своих гарнизонах квартиры и должности и даже продали все вещи и мебель, чтоб, значит, легче было в космос лететь.

Но пришла команда: «Отставить!» – у нас иногда приходит команда «Отставить!».

А потому что выяснилось, наконец, что нужен только один кандидат, а не двадцать один, и из всей этой шайки звездных мальчиков выбрали его – одного, и он улетел в космос, кудахта от счастья по-английски.

Остальных не знали куда деть – их должности, квартиры и мебель в гарнизонах уже разобрали.

Когда с этим вопросом подошли к Главкому, он криво усмехнулся и сказал:

– В космос захотели сбежать? Ну дайте им космос.

И им дали. Их переделали в зеленое и назначили в стратегические войска, где просто полно космоса.

И разлетелись они кто куда – в тундру, в пустыни, в степи, в тайгу.

И главное, все они отлично говорили на иностранных языках.

КОБРА

Север, причем очень крайний. Гарнизон, можно так сказать, так назвать это место, чтоб никого не обидеть. Среди всего прочего затерялось офицерское общежитие.

Местные жители его называют дурдомом или чудильником.

Небольшие комнатки на двух человек, койки, окно, потолок, пол и туалет с говорливым унитазом.

В одной из таких комнат жили двое: Шурик – горький пьяница и двухгодичник, и его друг Юрик.

Их комната была примечательна еще и тем, что на одной стене висел написанный Юриком лозунг: «Цени любовь, но береги свободу», а на другой его же творение: «Направо пойдешь – на аэродром попадешь, налево – в морпорт, а прямо пойдешь – в «Нижний» попадешь.

«Нижний» – единственный на всю тундру здешний магазин.

И вот Шурик уехал в отпуск.

Через некоторое время другу Юрику приходит от него телеграмма: «Готовь камеру. Везу кобру».

Весь день служивые находятся на аэродроме, так что почту приносят коменданту общежития. Прочитав насчет кобры, она сразу бросилась в штаб. Во время полетов в штабе околачиваются только замполиты. Взволнованная комендантша заорала прямо с порога:

– Да! Согласна! У нас не общежитие, а дурдом! Чудильник! Ну и что из этого? Это все-таки не уголок Дурова! Нет! Не уголок! – помахала она пальцем перед носом начальства. – И куда я, по-вашему, ее дену?

– Кого? – спросило начальство, отступая от обезумевшей женщины.

– Как кого? Кобру! Змеюку он везет! Я не знаю, куда селить ядовитую кобру! Не знаю! Может, вы знаете?

Замполиты по очереди изучили документ. После этого они обратились к начальству.

Когда начальству показали телеграмму, оно сказало только два слова и один предлог:

– Гнать в шею!

– Есть гнать в шею! – сказали замполиты и вышли.

– Ты не знаешь, кого надо гнать в шею? – спрашивали они потом друг у друга. – Этого типа или же его кобру?

Решили, что обоих.

К вечеру того же дня всем обитателям общежития стала известна новость: к нам везут змею.

Мужчины посоветались и сурово сказали:

– А чего? Приютим пресмыкающееся!

Женщины были категорически против:

– Это что ж, она тут ползать везде будет?

– Да не будет она ползать! Она в террариуме будет жить!

– Знаем мы ваши террариумы! Нажретесь, и она уползет!

– Да причем здесь «нажрется»? Не она же нажрется! Ну?

– А вам только дай животное! Вы его вмиг алкоголиком сделаете!

Дети тоже стояли в это время рядом, тоже переживали, некоторые даже плакали и говорили, что змей надо беречь.

Несколько дней, пока была нелетная погода, продолжалось обсуждение. В конце концов, все решили, что как интересно и счастливо все заживут, когда в общежитии появится кобра.

Долгими, понимаете ли, зимними вечерами, особенно когда нет света, можно будет приходиться к

ней, кормить из рук, потому что она к людям тут же привыкнет, и даже гладить по головке, потому что она тоже привыкнет, особенно если ей челюсть перебинтовать.

В общем, ждали все, и даже встречать пошли всем общежитием на летное поле.

Как только Шура показался из самолета, к нему тут же все бросились:

– Где кобра?

– Кобра?

– Ну!

– Ах... кобра...

Шура был смущен. Рядом с ним стояла девушка. Шура привез жену.

ВИТЬКИНЫ РАССКАЗЫ

Первый

Начало службы на флоте представлялось несколько иначе, чем оказалось на самом деле. Картинка не совсем совпадала, но спасибо родному училищу, оно все же подготовило жертвенное тело к «тяготам и лишениям».

Я же на Дальний Восток попал, так что изумление испытал. Получив в Техасе (поселок Тихоокеанский, как известно) командировочное предписание во Владивосток на объект Поломошнова, я прибыл в этот славный город, снял квартиру и на следующий день убыл искать свой «объект».

После представления комбригу ракетных катеров меня отфутболили дальше – направили к комдиву торпедных катеров, который меня тут же поставил в стойку «смирно»: «Как вы стоите? Пятки вместе, носки врозь! Грудь вперед! Взгляд высоко и прямо!» – и немедленно вздрючил за точные звездочки и прическу: «А это что у вас за звездочки на погонах?! Вырезаны любимым лобзиком старого папуаса? Не флот, а какие-то венерические забавы! Да вы еще и не стрижены!.. Совсем!..» – после чего мне было сказано, что «объект Поломошнова» – это торпедный катер «Т-88» проекта 206М, и сейчас он стоит в Патрокле (интересно, где это?) на брандвахте (интересно, что это?), и поэтому мне надо завтра прибыть, как положено, за полчаса до подъема флага и после его подъема убыть на «Т-88» с лейтенантом Бычковым (а это кто?) на «ЛАС-5» (а это что?).

На вопрос, все ли понятно, ответил: «Так точно!» – и, развернувшись через левое плечо, вышел чуть ли не строевым шагом.

М-да! Брандвахта – это слово смутно припоминалось, а что такое Патрокл и «ЛАС-5» – ни хрена не понимаю. Ну и Бычкова я в жизни никогда не видел. Но тут главное фамилию запомнить – Бычков – и потом все станет ясно по ходу дела.

На следующий день за полчаса до подъема флага начал спрашивать про Бычкова.

Флаг подняли – Бычкова нет.

Начало августа, жара и влажность, я в форме номер три – тужурка, брюки, не снимая фуражки – мозг через полчаса сам протекает.

И вот наконец-то в начале причальной стенки появи-

лась фигура: голова рыжая, морда красная, форма одежды – брюки, голый торс.

– Да вот он, твой Бычков, – подсказали офицеры.

Я подошел, представился и объяснил ситуацию.

– В пять секунд, – сказал мне Бычков. Он вообще был немногословен.

Пара партий в нарды, променад по пирсу, и вот уже мы с Юрой (Бычковым) готовы следовать на мой объект.

Юрка оказался добрым малым. Он закончил Тихоокеанское училище (ТОВВМУ) на год раньше меня, но уже успел, как мне тогда показалось, обрасти ракушками. Минер по специальности, Юрик исполнял еще и обязанности помощника командира «Т-102», и еще он же был командиром БЧ-1, 2, 3 и начальник химической службы (кажется, никого не забыл).

А Патрокл – это бухта в Уссурийском заливе Японского моря.

А «ЛАС-5» – весельная резиновая лодка, рассчитанная на пятерых.

А брандвахта – это служба такая.

Патрокл находился через сопку от нашей бригады, и, когда мы спустились с нее к берегу бухты, Юрка сразу начал размахивать фуражкой, снятой с моей головы.

С катера, стоявшего в трех-четыре кабельтовых от берега на этой самой брандвахте, сбросили водолазный трап, два бойца спустились по нему в стоящую у борта лодку, после чего они погребли в нашу сторону – это было удивительно, и я замер.

– Что стоишь? Снимай брюки и ботинки. «ЛАС-5» к берегу не подойдет – камни, – заявил Бычков.

Раздевшись снизу до уставных трусов, я полез в лодку, и, когда все устроились в этом гиблом корыте, нас повезли, посекудно обещая опрокинуть, на катер, мой долгожданный корабль, первый шаг на который и доклад командиру я не раз прокручивал в мыслях. Получалось так: бравый, красивый командир и я в новенькой форме. Я подхо-

жу к нему, четко подношу руку к головному убору и докладываю: «Товарищ капитан такого-то ранга, лейтенант Чичин, представляюсь по случаю назначения на должность такую-то!» – а он мне, как отец родной, улыбается, мол, все отлично, и жмет руку.

Подойдя к борту катера, вскарабкавшись на него и встав босыми мокрыми ногами на палубу, мы с Бычковым пошлепали потом в офицерский отсек. Брюки в одной руке, фуражка и ботинки с носками («карасями») – в другой.

Спустились по трапу, Юра постучал в дверь с табличкой «Каюта командира».

Она немедленно распаивается – будто только нас и ждали, и в проеме – фигура в черном спортивном костюме, с пузырями на коленях, трехдневной щетиной и взглядом в никуда.

– Кто такой?

– Лейтенант Чичин.

– Чего надо?

– Мне?

– Не мне же! Начальник, что ли?

Юра помогает:

– Это вновь назначенный командир БЧ-4, начальник РТС!

– Понял, – и в открытый люк с поворота крик: «Механик! Механик! Мех!»

По трапу спускается дядька в костюме танкиста и усами Мулявина – мсх.

– Так! Размести, покажи и расскажи лейтенанту все! – дверь тут же захлопывается. До того быстро, что я все еще смотрю на табличку.

– Кто это был? – спрашиваю я теплым голосом.

– Командир катера.

– Ё-моё!

– Да не, мужик он нормальный. Бывает, правда, западает на три-четыре дня.

Так и состоялось мое знакомство с командиром.

Мой первый командир – старший лейтенант Поломошнов Александр Михайлович – тридцать шесть лет, сабля наголо, офицер-легенда, гроза побережья, король швартовки. Позывной – «Чапаев».

Я нисколько не жалею, что начал службу под его командованием.

В обиду он нас, юных лейтенантов, никому не давал. Чуть чего – мог за нас и в драку полезть.

А еще он обучал нас хитростям торпедных атак и управления катером в сложных условиях.

За все время ни разу не наказал, не оскорбил и не наорал. Хотя и было за что.

Матросы его любили, боялись и уважали. В бой, говорили они, мы пойдем только с Поломошновым. Дембельнулся «Чапаев» в сорок лет капитан-лейтенантом с должности помощник начальника штаба бригады.

Второй

На выходе в море ракетный катер проекта 205. Зима. Командир, рулевой и механик на ходовом мостике, так как в ходовой рубке обзор ограничен. Иллюминаторы небольшие, стекла толстенные. В рубку спускаются только при ракетной стрельбе. Все, кто на мостике, одеты во все теплое. В частности командир в теплой накидке – альпаке, ватных штанах, сапогах, шапка с опущенными ушами, поверх нее – капюшон. В общем, визг и трепет, далеко не крейсерский офицер.

Возвращается катер с моря (с выхода, как мы говорим).

Ошвартовался, и командир, в чем был (рожа от езды по волнам перекошена), в том и пошел, да еще весь в дерьме и соли – брызги же оседают – и еще он малость подкопчен дизелями.

А пошел он доложить комбригу о результатах этого выхода.

А тот уже на пирсе, да не один, а с командующим фло-

тилей, а вернее, в то время с командиром военно-морской базы (ВМБ) «Стрелок».

И вот командир, увидев комбрига, да еще с адмиралом, переходит на полустроевой шаг и тянет

лапу к уху. Но комбриг, увидев, что к нему приближается полное страшилище, вовремя сориентировался и говорит:

– Слышь, мужик, катера сегодня были в море, помоев не будет, приходи завтра. Понял?!

– Ну, дык, эта... – сказал командир катера и прошел мимо.

– Кто это? – интересуется у комбрига адмирал.

– Это? Да так, мужик, на Артуре живет, свиней держит да у нас иногда пищевые отходы собирает.

– А-а, ну ясно, – сказал командир ВМБ. Он и не сомневается, что перед ним чучело.

Третий

А сейчас я вам расскажу, как я очутился на гарнизонной гауптвахте города Владивостока.

Но не в роли караула, а по прямому назначению.

Лето 1987 года. Наша КУГ (корабельная ударная группа) в составе трех ракетных катеров типа «Молния» вышла в море пострелять. А после выполнения артиллерийских стрельб нам дали добро подскочить к американскому фрегату УРО (управляемое ракетное оружие) «Нокс», который шарахался вдоль наших территориальных вод, да попугать его хлопаньем крышек контейнеров крылатых ракет.

И вот идем узлов двадцать пять по «большой дороге», то есть по рекомендованному на карте пути, и слышим доклад рулевого: «Товарищ командир, прямо по курсу какое-то бревно торчит».

Мы к иллюминаторам. Ебдтать! Я так близко торчащий

из воды перископ подводной лодки никогда не видел!

– Стоп машины! Лево на борт! – командует комбриг (он старший на борту).

А за нами в кильватер бодренько шлепают еще два катера, и после резкого нашего торможения они расходятся за нашей спиной, как учили, без проблем. А мы наблюдаем за перископом, а он тут же скрывается под водой. Ф-фу, не померещилось ли, не массовый ли психоз? Не-е, вот он опять появился. Потом опять скрылся. Тут как-то ненавязчиво, в связи с находящимся рядом вражеским фрегатом УРО «Нокс», сама собой возникает мысль о вражеской субмарине в наших исконных водах! Идет доклад на флотилию, оттуда на флот об обнаружении ракетным катером подводной лодки в подводном положении.

А к этому времени мы уже легли всей толпой (в смысле КУГом) на параллельный с перископом курс, гуляем рядом и ведем слежение. И тут следом за перископом появляется из воды еще одно выдвигное устройство – «лопата» радиолокационной станции, и начинает она вращаться.

А потом через несколько нырков и рубка появилась, и тут даже катерники определили, что лодка-то наша, дизельная, незабываемого проекта 641, такие точно напротив нас в Малом Улиссе стоят. Естественно, доложили оперативному дежурному флотилии, что, мол, все в порядке, свою лодку нашли, после чего последовал приказ Командующего флотом вице-адмирала Ясакова Н. Я. (зверь, а не адмирал) вернуться в базу и всему командному составу катеров и лодки прибыть к нему в штаб флота с документами.

И мы прибыли.

Подводники привезли с собой здоровенную «схему маневрирования Б-28 в районе боевой подготовки», выполненную на ватмане. На схеме был изображен наш пятиугольный район Б-28 в этом районе и мы, прущие со скоростью двадцать пять узлов прямо посередке.

Мы привезли с собой навигационные карты и журна-

лы, в соответствии с которыми мы-то как раз шли, как и положено – по рекомендованному пути, в двадцати пяти кабельтовых от кромки района, а вот подводнички – не поймешь как.

Дискретность определения места корабля в море нами соблюдалась, прокладка велась, как и положено, благо на «Молниях» нормальные штурмана, не из бидона, не из минеров, чай, или там из ракетчиков. Даже командиры катеров до того у нас всегда закон блюли, что определяли место фактически, не на глазок выставленной перед правой рукой с карандашом, а с записью в навигационный журнал.

Ясаков, потрясающий грубиян, раздолбал подводников за «картину с петухами» и отправил за документами. Часа через два привезли и карты, и новенький, чистенький навигационный журнал, заполненный каллиграфическим почерком – только что все нарисовали, собаки. На их картах мы опять перли посреди района – вот сволочи.

Главному штурману флота контр-адмиралу Владимирову В.В. было поручено разобраться и доложить.

Разобрались. Б-28 перед автономкой замеряла шумность или что-то там такое и ходила мимо СФП (судно физических полей). Так вот, это судно стояло на якоре с ошибкой по широте в пять миль от заданной точки. Лодка определяла свое место не по навигационным ориентирам, а (охранить можно) по пеленгу и дистанции до этого долбанного судна. В итоге и получилось, что лодка под перископом шлялась непонятно где. Это хорошо, что так все завершилось, и никто никого не утопил.

И вот после доклада главного штурмана вице-адмиралу Ясакову, отчаянному грубияну, начали раздавать «пироги»:

– Командира лодки от боевой службы отстранить! Флагманскому штурману бригады подводных лодок – неполное служебное соответствие! Командиру дивизии ПЛ – строгий выговор...

И так далее, и так далее. В общем, досталось всем. Но

все – старшие офицеры, от капитана третьего ранга до адмирала. Один я стою неоприходованный – капитан-лейтенант у стеночки с тубусом, а в нем наши карты, из-за которых все во всем и разобрались. Все свое получили, теперь смотрят на меня. Нехорошая пауза.

– Сынок, – говорит мне вице-адмирал Ясаков, несусветный грубиян, – а ты кто такой?!

– Флагманский штурман 165 бригады ракетных катеров капитан-лейтенант Чичин, – сказал я голосом как-то по-особенному тонким.

– Сынок, – говорит он мне опять тоном старой марки-тантки, – доставь старику тихую радость: посиди-ка ты трое суток на гарнизонной гауптвахте, а то как-то нехорошо – все свое получили, а ты – нет.

– Есть посидеть на гауптвахте! – говорю я. А что еще на это сказать?

Ясаков выдвинул ящичек письменного стола. Стол красивый, дубовый, резной. В таком столе только чековые книжки на миллион долларов держать.

И вот из ящичка появилась записка об аресте, печать и подушечка с красными чернилами.

С такой красной печатью на губу без очереди пускают.

А «уазик» для доставки на посадку любезно предоставили подводнички, эти иху мать!

И старшина гауптвахты мичман Колибеда (кличка «Полпидара» за гнусность, маленький рост и голос портовой шлюхи) принял меня в свое заведение в тот же день, как родного, с распростертыми объятьями.

Четвертый

Было это летом 1980 года.

Лейтенант Дубровский – трехгодичник, выпускник ЛЭТИ имени Владимира Ильича Ульянова (Ленина) – мой

друг Сережа. Симпатия, душа компаний и кают-компаний. Сообразительный и, как сейчас бы сказали, предприимчивый малый. Мог выполнить любое задание, не прилагая особых усилий.

Так вот, Серега, командир БЧ-4 и начальник РТС «Т-116», остался старшим на катере, который был выведен из состава постоянной готовности и находился в навигационном ремонте.

От чтения произведений Чейза его отвлекла команда: «Боевая тревога! Угроза ПДСС! Фактически!»

ПДСС – это «преодоление диверсионных сил и средств», а произнесение слова «фактически» всегда приводит все вокруг в тот ритм, какой и должен быть при объявлении настоящей боевой тревоги.

Все разбежались по боевым постам и доложили о готовности к бою, хотя два дизеля из трех ремонтируются, то есть привязаны к пирсу накрепко.

При угрозе ПДСС выставляется вахта на верхней палубе с оружием. Оружие хранится в пирамидах в рубке дежурного по дивизиону. Прибегают бойцы и докладывают Дубровскому, что карабинов на всех не хватило. Тем не менее вахта выставляется для наблюдения за надводной, и если сильно присматриваться, то и за подводной обстановкой.

Дубровский вооружает лишь одного матроса с редкой фамилией Ыппын. Вооружает он его выброской.

Ыппын – чудно эта фамилия не только слышится, но и выглядит написанной – на катере комендор, а вообще-то он из оленеводов малых народов Дальнего Востока, поэтому выброска в его руках еще и аркан. Получив инструктаж любого водоплавающего у борта арканить и звать на помощь, Ыппын заступил на вахту.

Выполнив все, что мог, Дубровский завалился в каюте спать, не раздеваясь, но спать ему не дали: через некоторое время офицерский отсек наполняется офицерами шта-

ба бригады с их начальником – капитаном третьего ранга Ефременковым Ю. Я.

– Так, студент, где вахта?

– Вахта ПДСС выставлена. Вооружен один. Карабинов не хватило, так что вооружил лассо.

– Че-е-ем?

– Лассо, тащ начальник штаба, арканом со скользящей петлей.

– Иди ты? Ну пошли, поглядим.

На шкафуте (правый борт) нес вахту матрос Ыппын с выброской через плечо.

Проверив знания вахтенного действий по сигналу «ПДСС», ЮЯ (именно так мы звали своего НШ) решил проверить и практические навыки.

– Ну-ка, Ыппын, покажи, как ты владеешь этим лассо. Зааркань-ка мне вон тот грибок, – показал НШ на вентиляционный грибок метрах в семи.

Ыппын с нескрываемым удовольствием на плоском лице снял с плеча выброску и, картинно вращая ее над головой, запустил в цель. Все получилось в лучшем виде, а иначе и быть не могло.

– А ну давай теперь во-он тот грибок, – оживились офицеры штаба.

Ыппын с радостью выполнил еще пару результативных попыток.

– Хорошо, а по движущейся цели?! Цыганков, – обращается ЮЯ к флагманскому радисту, – побегай-ка по юту, а Ыппын тебя будет отлавливать, как джейрана. – ЮЯ потирал руки от предстоящего удовольствия. Хоть какое-то разнообразие в серых флотских буднях.

Но связист быть джейраном не захотел, да и за акваторией Ыппыну надо было наблюдать.

Утром прилетели вертолеты, полетали над бухтой Улисс и вернулись к себе. С кораблей бросали в воду гранаты – никто не вынырнул и не всплыл. Прибыли водолазы, по-

прыгали за борт, осмотрели все катера и пирсы – ничего.

Но это только середина истории, а начиналась она так: незадолго до полуночи вахтенный у трапа малого ракетного корабля «Вихрь» решил пойти и отлить. Подошел он к левому борту и увидел в момент отливания, что под бортом кто-то плывет. Присмотрелся, а тот «кто-то» в этот момент нырнул и пропал из поля зрения.

Боец вызвал звонком дежурного по кораблю и доложил, что видел, как кто-то сначала плыл у борта, а потом занырнул. Дежурный по кораблю доложил дежурному по дивизиону, тот – оперативному бригады (ОД).

– А пузыри видели? – спрашивает ОД.

– Да вроде видели.

ОД бригады докладывает ОД флотилии.

– А пузыри были?

– Были.

ОД флотилии – ОД флота.

– А пузыри видели?

– Видели.

– Боевая тревога! Угроза ПДСС! Фактически!

Так и началось то ПДСС.

А до всего этого было вот что. Около 17 часов того же летнего дня. Новостройка – малый ракетный корабль «Тайфун» (заказ 1002), обмотанный кабелем, стоит в бухте Улисс на стенде размагничивания. Флоту он еще не передан. Находится на стадии ходовых испытаний. Командир корабля капитан-лейтенант Соболевский приглашает своего друга, командира ракетного катера «Р-2» капитан-лейтенанта Валова отужинать в кают-компани.

Шила на новостройке немеренно, поэтому ужин затянулся.

Соболем захотелось доставить своему другу массу впечатлений и погулять по полной схеме. После «ужина», то есть после 23 часов спустили катер «Чирок» для прогулки с вестерком по ночной бухте. Постепенно набирая оборо-

ты, катерок дал полный ход. В общем, носились по ночной бухте до тех пор, пока со всей дури не въехали в бочку стенда размагничивания. Соболь в одну сторону вылетел, Валов – в другую, пластиковый «Чирок» – вдребезги.

Соболевский вынырнув, погреб к своему «Тайфуну», а Коля Валов, решив, что мероприятие закончено, можно и по домам, поплыл к своему катеру. Вот в это время его и засек ссущий с борта вахтенный. Коля, сделав нырок, вынырнул у своего катера, потом он поднялся на борт и, наказав вахте не беспокоить его ни при каких обстоятельствах, завалился спать в каюте.

В это время Соболевский, стоя у борта «Тайфуна», напряженно вглядывался в темноту в надежде увидеть своего друга и думал о самом худшем. Соболь потом не спал всю ночь, а утром он увидел вертолеты, а затем и водолазов и окончательно понял, что ищут утопленника.

И он знал имя этого несчастного. Он вызвал буксир и направился на нем в бригаду. Но сначала он зашел-таки на катер «Р-2» и спросил для очистки совести, не приходил ли ночью на борт Валов. Вахта, прикрывая своего пьяного командира, сообщила, что не видела его со вчерашнего вечера. Соболевский, весь обмякший, пошел «сдаваться» комбригу.

Рассказав комбригу, что произошло прошедшей ночью, выслушав все мыслимые и немыслимые, знакомые и впервые услышанные выражения, Соболь уныло побрел назад на пирс.

Тем временем Коля Валов, проснувшись, решил выяснить обстановку. Он побрился с чувством и, придав себе более или менее приличный вид, направился в штаб бригады.

Вот на переходе он с Соболевским и встретился.

– Колька! Живой! – завопил Соболевский. – Айда к комбригу быстрее, пока он на флот не доложил, – поволок он за собой ничего не понимающего приятеля.

Успели. Комбриг навстречу еще не докладывал, потому что сидел и считал до ста. Он решил доложить при цифре сто.

– Бляди! – сказал он друзьям, когда все разрешилось. – Так глухонемым с вами станешь!

А «Чирок» завод поставил новый, со следующего 1003 заказа.

В МАРСЕЛЕ

А хорошо летом в Марселе. Правда, в Париже летом, наверное, еще лучше, но в Париже я не был, а в Марселе был. В Марселе хорошо.

Мы туда с дизелюхой пришли. Был такой дружеский визит в середине восьмидесятых, в который не постыдились включить и нашу дизелюху.

Ну, то, что на ней все сияло, об этом говорить не приходится: ради заграницы и дружеских чувств к иностранному народу мы так лижем матчасть, что даже внутри этой матчасти пахнет только ответственным моментом. А уж как перед убытием в город Марсель нас старались одеть, обути и накачать всем необходимым наши любимые противолодочные тылы, уж как старались! Это было одно сплошное загляденье и больше ничего. Даже матросов одели во все новое и скрипучее.

В Марселе время текло и быстро, и густо. Насыщенным оно было в Марселе: визиты, экскурсии, встречи, улыбки, попытки встать поближе к француженкам, поддержать их за что-нибудь или рукой рядом провести, чтоб понять, наконец, чем же они отличаются от родных и уютных дам.

Все это так. Все это было, но вместе с тем нужно отметить нарастание того, что называется головокружением и пресыщением, когда хочется побыть одному и отдохнуть от грохота цивилизации, пошляться по пирсу,

покурить, посмотреть на море со стороны побережья, процедив во время смотренья несколько русских, до боли знакомых фраз.

В эти мгновенья взор твой рассеян, и сам ты туманный, замечаешь лишь то, что дышит с тобой в унисон.

Но страдать можно и вдвоем. Офицеры, к примеру, могут страдать вдвоем, а могут и большим количеством. Вдвоем они ходят во время страданья, а большим количеством они стоят и курят в отведенных для этого местах, и болтают, болтают...

Этого невысокого сухонького старичка в светлом летнем костюме заметили давно. Бывал он на пирсе почти ежедневно. При этом он всегда старался держаться поближе к офицерским сборищам. Видно было, что он настороженно ловил обрывки фраз. Во всем его облике ощущалось что-то болезненно-старчески-птичье. Наверное, так волнуются древние гусаки перед общим отлетом, когда они уже не в силах подняться в воздух.

Вместе с тем он держался с той долей старомодного достоинства, которое исключает легкость в оценках.

И все-таки несколько слов о нем было сказано: что-то о том, что нехорошо подслушивать. Со смешком.

До старика долетело, и тогда все услышали его голос:

– Не извольте беспокоиться, молодые люди, – сказал он мягко на чистом русском языке, – я не филер, ручаюсь честью.

Наступила неудобная заминка. Наши засмутились, заторопились, в конце концов, он был приглашен.

Когда он подошел, возникла еще одна пауза, во время которой кто-то должен решиться, спросить. Кто-то решился, он назвался эмигрантом не первой волны, вспомнил двадцатые годы, сказал, что просто хотел послушать свежую русскую речь, что приехал издалека только за этим, что там у него дом, семья и все, все, все...

– Русских моих времен становится все меньше, – гово-

рил он с возросшим волнением, – годы, видите ли... а ваш заход сюда... Господи... сколько надежд... и многие хотели бы прийти, поверьте, но силы уже не те... а я вот не усидел... Россия, Россия... господи... иногда, поверите ли, живу, как во сне... вижу ее... перед глазами стоит... вот вы пришли сюда... и я счастлив... безмерно...

Старик расчувствовался, вынул платок. Вокруг зашевелились, кто-то кашлянул, тут же случился и зам (когда он только появился – неведомо), подоспело и остальное начальство, и старика пригласили на корабль.

Он спустился вниз. Его провели по отсекам, показали, рассказали. Он смотрел жадно, задавал вопросы, во всем чувствовался ум.

Зам, чужая жаброй патриотическое мероприятие, быстро собрал всех свободных от вахт матросиков и попросил старичка выступить.

Тот выступил с вдохновением, разошелся и закатил матросам такую лекцию о любви к Отчизне, что те только рты пораскрывали. Зам при этом присутствовал, с лица сиял и пускал внутрь приятные потоки.

Потом сидели в кают-компании, говорили о флоте, и в этом вопросе старичок явил окружающим поразительную осведомленность.

Проводить его вышли все тот же зам и еще несколько человек.

Прощаясь, зам сказал старику:

– Так что же вы не поедете в СССР? Перестройка же. Теперь уже можно, наверное. Поехали бы, приняли советское гражданство...

Старик посмотрел на него изучающе.

– Молодой человек! – молвил он через некоторое время. – Стар я, да и грехи не пускают. Я ведь в Гражданскую в контрразведке служил. И у Деникина, и у Врангеля. А время было жестокое. Слышали, надеюсь?

Потом он простился и ушел.

Сам я лицо зама в тот момент не видел. Но другие видели. Говорят, там было на что посмотреть.

ЕЩЕ ПИСЬМА

Это Женя Воробьев.

Эту историю мне рассказал один приятель. Он мичманом в Таллине служил одно время. Теперь он строительством занимается.

Как-то строил он дом в четыре этажа. На каждом этаже по одной большой квартире. Так вот, сроки поджимали, и прораб всех подгонял. А приятель мой делал штукатурные работы и втихаря наблюдал за тем, что творила группа сантехников, состоящая целиком из представителей гордой в последнее время эстонской нации.

Устанавливая унитаз, горячие эстонские парни настолько увлеклись, что, увидев вблизи отверстие камина, они, не долго думая, приняли его за канализацию и завели туда с унитаза трубу.

И вот люди стали потихоньку заселяться.

Как же были удивлены жители нижнего этажа, когда в ответ на то, что они разложили в домашнем очаге костер и сели у него уютно греться, им сверху вместе с водой приехало свежайшее дерьмо!

Лето. Утро. Тепло, даже жарко. Я – на вышке, охраняю покой и сон рядового и офицерского состава заставы. Чис-то случайно посмотрел от нечего делать в ТЗК (труба зенитная командирская) и увидел, что недалеко от самой границы начинает гореть тайга. «Слава Богу, хоть какое-то развлечение», – подумалось мне, после чего я даю звонок дежурному по заставе. Через три минуты весь наличный состав, за исключением тех, кто на службе, стройными ря-

дами семенящим маршем, прихватив шанцевый инструмент, удалился в сторону разгорающегося пожара. Приходит время сменяться (четыре часа прошло), а «Ленского все нет». На матерный звонок дежурному с законным вопросом: «А почему я еще здесь?» – получаю вполне резонный ответ: «А все убежали, так что бди и охраняй, пока не потушат».

Прошло еще четыре часа. Смотрю в ТЗК, тайга дымится, значит, еще не потушили – пришла мне логичная мысль. Я начинаю дуреть от безделья, и тут мой взгляд остановился на ржавой табличке, привернутой к парапету вышки: «Пограничник! В случае обнаружения вражеского летательного объекта срочно сообщи дежурному по заставе по системе «Воздух». Я тут же мысленно обнаружил, что вражеский летательный объект злобно нарушил священную границу СССР, и по системе «Воздух» начал торпедировать дежурного по заставе.

Тот, не будь дурак, со словами «Щас, подожди» соединяет меня с ПВО, с нашими соседями пэвзошниками. Делать нечего, и я им снова повторяю по системе «Воздух», что якобы вижу вражеский летательный объект. Они просят меня уточнить его местонахождение. Я смотрю на наш пограничный компас (кругляшок с зелеными буквами «С», «Ю», «З» и «В», прибитый в центре гвоздем к парапету и от времени жизни вращающийся «куда захочешь», и говорю:

– Северо-восток.

– А может, юго-восток?

– Может, и юго...

– Знаете, мы видим на экране три цели, давайте определим вашу.

Мне поплохело. Но пока не сдаюсь.

– В сторону «ЗАЛЕЖА» (14-я погранзастава).

– Дайте направление.

– Северо-северо-восток!

– Может быть, восток?

– Может!

– Пиздец им.

И отключились. У меня бурно заработала фантазия на тему «Пиздец им», которая для меня при любом раскладе закончиться хорошо не могла.

Меня сменили еще через пять часов, и что удивительно: в тот день пэвэошники действительно кого-то сбили.

Вот.

Ваш Петр.

Командир военно-морской базы «Стрелок» контр-адмирал Тихонов проводит в нашей 165 бригаде ракетных катеров строевой смотр. Форма одежды парадная. Процентом семьдесят пять младшие офицеры, у которых парадная фуражка с «дубами» носится в редких случаях при парадной форме, а повседневная фуражка – естественно, с голым козырьком. Ну а чтобы козырек лишний раз не портить дырками для крепления «дубов» парадной фуражки, их (дубы) лепили на сырую резину или на пластилин (жвачек тогда не было, а если у кого и появлялась, то ее жевали по очереди и на клейку «дубов» ни при каких обстоятельствах не пустили бы), а после окончания торжеств «дубы» отлепляли, и фуражка становилась повседневной. И вот контр-адмирал Тихонов (он ведь тоже начинал службу с лейтенанта) идет вдоль строя и ведет рукой по ряду козырьков, и с них, как с осенних деревьев, падает металлическая листва, и ложится та листва ровным рядком вдоль строя. Затем он подходит к капитан-лейтенанту Оладушкину (инженеру судоремонтной мастерской, горькому пьянице и невезунчику), двумя пальцами берет его вроде бы белое праздничное кашне, вытягивает его из-под шинели и показывает его комбригу, и все при этом видят, что это не кашне вовсе, а майка, обыкновенная шелковая.

На этом строевой смотр заканчивается, и за него мы получаем два шара.

Письмо написал Витя.

Это Елисейкин.

Вот тебе история от знаменитого адмирала флота И. С. Исакова. В шестидесятые годы прошлого столетия он вспоминал.

1924 год. Набережная Севастополя. Первый парад военных кораблей Черноморского флота.

Рейд. Флажки. Экипажи. Толпы народа. Событие.

Молодой, только что назначенный командующий ЧФ (его имя по понятным причинам не упоминается) на белом катере начинает объезжать строй кораблей.

– Здравствуйте, товарищи краснофлотцы!!

– Здра-а-аа!..

Ну и так у каждого корабля. Все строго по уставу.

И тут в бухту входит корабль. Наш крейсер. Только что из Турции, первый визит советских военных кораблей в соседнюю страну окончен.

Здесь необходимо сделать пару отступлений, то бишь пояснений. В то время президентом Турции был Ататюрк. Он понимал опасность османских амбиций и круто с ними боролся. Так, по его указанию туркам было запрещено носить фески, ну, ты знаешь, такие круглые красные шапочки с кисточками, в результате чего такой ходовой раньше товар в огромных количествах скопился у торговцев на складах.

Ну а предприимчивые турки – не выбрасывать же добро – завалили наших этими сувенирами. Моряками на кораблях служили бывалые стреляные волки. Все прошли интервенцию, Гражданку, а кое-кто и у «зеленьх» послужить успел. В общем, соленая морская хохма у них была уже запасена.

Едва командующий поднес ладонь к козырьку, как вся команда крейсера, сорвав уставные бескозырки, в один миг натянула себе на головы те самые фески!

Положение командующего было весьма двусмысленное. Все всё видят. Подчиненные, народ. Ругаться, наказывать? Неуместно, да и «лицо свое можно потерять», как

говорят китайцы. С другой стороны, налицо грубейшее нарушение воинской дисциплины, вызов. Как реагировать?

Командующему хватило пяти секунд, чтобы разрулить ситуацию.

Поднеся руку к козырьку, он насмешливо рявкнул в трубу: «Салам аллейкум!»

Явно не готовая к такому повороту событий команда чего-то там промычала вразнобой...

А потом командующий всех их наказал месяцем без берега и каждодневными репетициями «Здра-а-аа!»...

Больше его никто не прикалывал.

Как-то авиация должна была стрелять по морским целям. Выделили им старый дырявый тральщик «ТР-225». Катерок отбарабанил его в район стрельб и оставил в квадрате, а сам пристроился для обеспечения не очень далеко, в пределах видимости, и лег в дрейф. Пока он лежал, его течением отнесло незаметненько на две мили и подтащило к границам того самого квадрата, где и должны были происходить боевые действия с авиацией. И имел тот катерок, как на грех, тот же боевой номер, что и у тральщика – 225.

Авиаторы заходили на цель боевыми тройками.

Первая же тройка продырявила старый тральщик с ходу, и до подлета следующей тройки он тихонечно утонул. Так что следующие заходили уже на катер. Как потом нам всем объяснили, по нему стреляли асы.

Из тридцати выпущенных снарядов десять угодили в цель.

Нашим асам сверху все равно же – тральщик или катер – лишь бы номер был виден. А номера у них совпадали, как уже говорилось.

С первого же захода они снесли ему стойку мачты, прихлопнув командира и двух сигнальщиков.

Командир – вся голова в осколках – и один сигнальщик умерли на месте, второй двое суток еще жил. В госпитале скончался, весь перебинтованный.

И главное, телеграммой вызвали матерей этих парней, да перепутали, и той матери, у которой сын еще был жив, дали телеграмму, что он умер, а той, что умер, дали, что жив, а поскольку ни того ни другого узнать было невозможно, то матери сидели рядом, оплакивали, а потом и хоронили не своих сыновей.

Потом только разобрались.

У нас такое бывает. Я сам отвозил одного узбека. Ехать было почти три тысячи километров. Кто придумал везти его туда на машине, я не знаю. Деньги, наверное, сэкономили. Груз двести. Они его в цинковый гроб запаляли, а гроб (чтоб они все попередохли) сделали такой маленький, что он в него не поместился. Так они ему ноги сломали и подвернули под себя. Это я потом все узнал. От тряски гроб распаялся, и такая из него вонища поперла, что я в кабину удрал, а двум бойцам, которые со мной тот гроб сопровождали, я на каждой остановке бутылку водки покупал. Так и ехали незнамо сколько. Приехали в село. Стали сгружать – гроб упал, шов пайки еще более разошелся, и из-под крышки опарыши посыпались. Я стою рядом, неудобно же, давлю их ногой, а тут еще мать заставила гроб открыть, а он там с подломленными ногами. Такой вой поднялся! На нас вся деревня пошла, чуть не убили, трясли, как грушу. Спасибо военному – спас. Он им закричал что-то по-местному, они нас и оставили в покое.

Мне кажется, Саня, смерть, она до того простая штука, что просто удивительно. Придет и по плечу тебя похлопает. Главное, заранее чтоб ничего не чувствовать. А то командир того катера, что авиаторы разбубухали, за неделю ее почуял. По бригаде белый ходил. Лица на нем не было. Не в себе был. Ерунду какую-то нес. Все о ней, о смерти. Никто не понимал, что он такое бормочет. Очень не хотел в море идти. Жена у него осталась беременная. На шестом месяце.

Твой Вадим.

Мы тоже называли «системой» наше Калининградское ВВМУ. Имени какого-нибудь героя революции у него не было, и потому мы называли его «имени Папы Карло». Потому что все «своими руками», как говорил наш незабвенный начальник Герой Советского Союза вице-адмирал Пилипенко В. С., прославившийся тем, что во время Великой Отечественной на Черноморском флоте на свой торпедный катер он установил реактивную установку с «Катюши», после чего и дал немцам просраться.

Еще достопримечательность училища – электронные часы (большая редкость в те годы) на башне учебного корпуса у центрального входа. Они каждый час орали на весь Советский проспект и прилегающие аллеи мелодию песни «Ты – моряк красивый сам собою, тебе «отродье» двадцать лет...»

А какие у нас были картины по периметру плаца! Эти картины рисовали курсанты-художники во время сессии, и за это оценки им выставляли автоматом.

Картина рисовалась сначала на листе ватмана, затем по квадратам ее увеличивали раз в сто, а

Может, и в двести. Естественно, на военно-морскую тематику.

Краску наносили методом полива из ведра и размазывали валиками и кистями по щитам из гладкого шифера. Таких картин при нас было три (по одной с каждого факкультета).

Еще у нас были фонтаны и дикие животные. Был медведь в клетке возле столовой. Каждый норовил проверить его (а может, свою) реакцию. Мишка вроде и увалень, но кому-то просунутый сквозь прутья ботинок прокусил вместе с пальцами, после чего его увезли в местный зоопарк.

А оттуда привезли ламу. С бельмом на глазу и всю обтрепанную.

Для нее, а также для косуль, которые бродили по училищу, как козы, построили здоровенный загон с домиками. А загон потому, что как-то ночью, часа в три, дежурный взвод

возвращался с чистки картошки в роту и видит – две собаки не местные: большая и поменьше. Пригляделись – волки. И ну за ними – толпой-то не страшно. Волки оказались проворнее. А наутро нашли двух косуль с перерезанными глотками. Решили, что это волчица приводила волчонка на стажировку. Это в центре-то города! А еще у нас лебеди жили на водоеме с маяком «Малый Меккер».

Меккер – преподаватель кафедры кораблевождения. Под его руководством строился этот маяк, за что он получил звание капитана третьего ранга. Второго ранга ему дали после сдачи маяка «Большой Меккер» возле курсантского кафе «Океан», которое строил «своими руками» весь наш факультет.

Лебеди не улетали. Только разгонялись над водой пруда. Когда у лебедей появлялись птенцы,

то на пруду выставлялась вахта в виде мичмана с мелкашкой, так как ондатры (или норки) с удовольствием жрали этих птенцов. Ну, мичман и должен был их защищать. И защищал. А

куда денешься, если вздрючат за каждого пропавшего детеныша, потому что их передавали при смене по описи.

Виктор.

СКАЗКА ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как корова на флот попала

Жила-была корова.

Хорошо жила: стойло теплое, корма, хоть и грубые, но сочные и дойка всего два раза в день.

Но, поскольку все мы желаем жить лучше, полнее и интереснее, захотела и корова попасть на военно-морской флот.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Много пришлось корове на этом пути претерпеть от жизни и от людей всяких, но корова попалась настырная: «Хочу, и все!» – а настырным, как известно, всегда везет.

Мечта ее, в конце концов, осуществилась, и стала корова флотской – попала в ВМФ.

Но не успела она в ВМФ попасть, как принялись ее доить. Ее даже в стойло не поставили – ремонтировалось в те времена стойло, заделывались в нем отдельные дыры – а доить принялись.

– Так я же не готова! – промычала корова.

– Быть того не может! – объяснили ей. – У нас на флоте все и ко всему готовы!

И еще ей объяснили, что доить ее будут не два, а три раза в день, так что ей нужно будет стараться, поспевать.

Стоит корова под проливным дождем, поспевает и ждет: во-первых, когда корма подвезут, во вторых, когда дыры заделают, в-третьих, когда в стойло поставят.

Но корма так и не подвезли – что-то там не сложилось. Кроме того, корма заменили: грубые и сочные на просто грубые, а грубые – поскольку их тоже под руками не оказалось – на веники березовые. И тут все честь по чести заменено – по таблице замен. Корове даже эту таблицу показали, но веников тоже не дали, потому что их не связали.

– Как же так? – вздохнула корова.

– Трудности это у нас такие, военно-морские, – объяснили ей.

– А долго ли терпеть? – не унималась корова.

– Трудности у нас не терпят. Их у нас преодолевают! – объяснили корове.

А вот дыры в стойле заделали, и так заделали, что просто загляденье. Но корову туда не поставили.

– Что ж так? – поинтересовалась корова.

– Это стойло у нас получилось такое хорошее, что принято решение сделать его образцово-показательным! – отвечали корове. – На его примере теперь другие будут

учиться, как стойло ремонтировать! – добавили ей. – А вас поставят в другое, временное стойло. Его как раз сейчас готовят.

– А какая там температура? – поинтересовалась грамотная корова.

– А температура там различная, – сообщили ей, – где плюс, а где и минус. От того зависит, как стоишь. Там есть такая одна дырочка, так вот рядом с ней минус, а чуть левее – там уже почти что плюс. Но вы не волнуйтесь. Эти трудности у нас временные. И ведь что положительно в этом моменте: трудности мы не скрываем, мы их обозначаем и стойко преодолеваем тяготы и лишения.

Ждет корова корма день, ждет другой, ждет неделю, а доят ее, надо сказать, регулярно, исправно, как обещано – три раза в день. Просто ребята на дойке попались ответственные и исполнительные. Им сказали: «Доить!» – они и доят, а скажи им: «Не доить!» – они и перестанут.

Сначала корова давала ведро, потом – полведра, потом – четверть, потом – кружку, потом и вовсе отказалась:

– Нету! – говорит.

– Это возмутительно! – сказала начальство, когда ему про это «нету» доложили. – Как это «нету»? Быть не может! А вы ей сказали, что ее включили в план?

– Сказали.

– Ну и что?

– Ничего.

– Как это «ничего»?!!

– А так.

Ну, случай действительно исключительный. Чтоб на военно-морском флоте и такая возмутительная забастовка.

Собралось начальство и пошло взглянуть на безобразницу. Случай-то исключительный, другого такого может и не представиться. Идет начальство и рассуждает дорогой:

– Тут что-то не так! Видно, плохо поставлена индивидуально-воспитательная работа (с коровой). Не доводят до нее

последние (коровы) решения. А кто у нее командир подразделения? Надо бы его привлечь! Повоздействовать! Надо где-нибудь заслушать его о его работе (с коровой). Видимо, не понимает он, что надо быть ближе (к корове)... Пристальной надо изучать (корову)... И вовремя реагировать (на нее же)... Не забывая при этом (о корове)... Потому что (корова)... Хотя, конечно, (корова)... В общем-то, опять же (она же)... М-да...

Все начальство уже почти полностью высказалось в том же самом духе, когда слово взял главный морской начальник. Все на флоте знают: если что и сказал главный морской начальник, то так оно и есть!

– Ерунда собачья! – сказал начальник. – Как это «нету»? Как это «нету» молока? А зачем она на военно-морской флот шла? А? Значит так: кровь из носу, а чтоб молоко было! Где хочет пускай молоко ищет!

– А может она того? – спросил заместить командира, в заведовании которого всегда было душевное здоровье окружающих, и повертел пальцем у виска. – Случай-то исключительный. Может, врача прихватим?

И прихватили врача.

Идет начальство дальше, строит про себя разные догадки и подходит оно, наконец, к корове.

– Почему молока не даем? – строго спросил у нее самый главный начальник.

– Так ведь корма... – начала было корова.

– С кормами вопрос решен! – перебил ее главный начальник. – Корма подвезут! Не сегодня, так завтра! Так почему же не даем молока?

Молчит корова, силы сберегает.

– Может, вы не понимаете? – сказал проникновенно заместитель. – Может, вы не знаете, как нам это молоко именно сейчас нужно, просто даже необходимо?

– А ну! – вмешался главный начальник. – Народ молока ждет, а у нее «нету»! Дойте при мне! Сейчас посмотрим, как его «нету»!

Бросились корову доить. Один доит, четверо держат. Оттянули ей сиськи до земли, а оттуда – ни капли, ни полкапли.

– М-да! – сказало начальство. – А может, она того?

И принялся за корову врач. Приложил он ухо к коровьему боку и говорит:

– Дышите!

Дышит корова.

– А теперь, – говорит врач, – не дышите.

Стоит корова, не дышит.

– Абсолютно здоровая корова! – сказал врач. – Просто поразительно здоровая, – добавил он.

– Просто низкая требовательность! – строго сказало начальство и посмотрело на корову.

И тут корова то ли от этих слов, то от взглядов упала и дух испустила, да так быстро она его испустила, что и на мясо ее прирезать, тоже очень нужное, не смогли – под руками ничего не оказалось, а куда послали, там тоже ничегошеньки не нашли.

Так что пришлось корову закопать, для чего долго долбили землю.

– Да! – сказал главный начальник. – Нехорошо! В следующий раз по-другому надо!

– Молока мало надоили! – совсем закручинился зам.

– В следующий раз, – строго глянул на зама старший морской начальник, – чтоб молока было побольше, я считаю, надо не три, а четыре раза доить!

На том и порешили.

Ведь у нас как самый главный морской начальник считает, так почти все считают.

Вот такое у нас единодушие. И от такого единодушия силы возникают огромнейшие, а возможности при этом открываются – невиданнейшие, а резервы – неисчислимы...

И стоит себе флот, стоит...

И ничего-то ему не делается...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Солнце ударяется о воду, рождая в душе веру в завтрашний день. Эх! Наверное, так можно сказать, потому что стоим-то мы все еще на рейде, на входе в залив. Перед нами Северодвинск и впереди только шалуни.

А тишь несказанная, вода как стекло, и на сердце надежда и прочее.

– Офицерам собраться в кают-компанию на занятия!

Это старпом. Какие могут быть занятия в такой час? Все собрались, надели на себя рубашки.

Старпом вошел с папкой под мышкой. Все уставились на нее. Старпом сел и открыл папку.

– Так! – сказал старпом. – Прочитаю вам правила хорошего тона!

И дальше он начинает читать, а все вспоминают, как на столе лежат вилка и нож. Старпом уверен, что мы тут же помчимся в ресторан, как причалим, потому-то он смотрит то в папку, то в потолок и сам вспоминает:

– Нож справа... ну да, чего это я, конечно...

И далее – как и чего резать, нарезать, не отправляя в рот слишком большие куски, не давиться, не запивать принесенным в кармане шилом, то есть спиртом во фляжке.

– Не наливать его из титьки! А то знаю я вас!

Конечно, не наливать, не подмигивать женщинам, не строить рожи официантам, не просить у них “только бутылочку минеральной воды, остальное у нас с собой”, не

задирать патруль, не драться в туалете с гражданскими людьми, не брать со стола салфетки со словами “Я сейчас, только в гальюне завтрак выдавлю”, сидеть прямо, не нависать над тарелкой, не ложиться на столы.

– Да! Чуть не забыл! Не делать на тарелке заготовки!

Какие заготовки? Что он имеет в виду?

– Заготовки – это когда вы мясо нарежете все сразу, а потом его вилкой по очереди в рот.

Поди ж ты! Ну ладно, не будем нарезать.

Старпом оказался прав.

Чуть только причалили, и мы в сей секунд, побросав все вещи, побежали в город, к деревьям, к улицам, автобусам, к шуму и гаму, и ходили по нему, ходили, ходили, улыбались, а потом, очумевшие, забрели в ресторан, где сели за столы, подмигивая женщинам, налили себе из титышки, а потом заказали мясо и отрезали его аккуратненько, не делая заготовок, а нарезанное сейчас же отправляли в рот, торжественно, не наваливаясь грудью на столы.

УТРЕННИЙ ВАСЯ

Дерьмо и армия неразделимы.

Этот древний тезис мы сейчас напитаем свежей кровью.

Одиноким утренний Вася с удовольствием посмотрел на свою толстую лоснящуюся гусеницу, свернувшуюся на дне, и, нажимая ногой на педаль нашего удивительного флотского унитаза, другой ногой собирался ловко перебраться через комингс выгородки гальюна.

Как только первая нога исчезла с педали, та, немного подумав, сделала “ды-ыиннн!” – и вернулась на свое место.

Катапультированная гусеница нежно легла на плечо вслед уходящему утреннему Васе. Так он и ходил с ней везде, привыкая к ароматам.

Когда он явился на завтрак, все подозрительно заводили носами: чем это у нас тут? Потом нашли “чем”, успокоились и с удовольствием устали на Васю.

Он не понимал, чего это они на него так вперились, подозревал неладное, недовольно сопел и возился.

– Ой, Вася! – воскликнули все. – А ты теперь не один ходишь?..

– Их теперь двое...

– Два Васи! Один такой большой-большой, а другой такой маленький, маленький, черненький...

Вася все еще не понимал и обижался. Тогда ему сказали в лоб:

– Слышь, Вася, а чего ты пришел на завтрак с прошлым ужином на плече?

– Где?!! – и тут Вася увидел свою нежную гусеницу. Кажется, она ему подмигнула.

Глаза его округлились, он шарахнулся от нее, подпрыгнул вверх, насколько позволил стол, опрокинул бачок с первым, рванул, наступил в него, обварил ногу, застрял там тапочком – никак не вырвать – и от боли заскакал с бачком на ноге, шипя и отплевываясь, опрокидывая другие бачки. Через минуту столовую было не узнать.

Потом обваренный Вася со всякими выражениями добывал из бачка свой с дикой силой впечатанный тапочек.

АЛЬТЕРНАТИВА

Раньше на флоте часто говорили: “Альтернативы нет!”

И то, что этой альтернативы у нас не было, с утра до вечера до нас всеми средствами доносили. Просто в ушах звенело.

Даже мой старпом, когда ставил на стол литровую бутылку спирта, всегда говорил:

– Альтернативы нет!

С помощью этой альтернативы, а точнее, при полном ее отсутствии я даже с женой общался.

Тогда мы – подводники – жен своих очень редко видели. Раза два в месяц. Как тут не поинтересоваться насчет альтернативы? Интересовались. А как же!

Встречаешься, бывало, с женой в постели, и после того как период пузырей и восторгов заканчивался, и наступал период, когда надо было что-то делать, спрашиваешь ее, бывало, негромко так, с некоторым внутренним беспокойством:

– Как у нас насчет альтернативы?

А жена смеется и говорит:

– Не волнуйся, дорогой, альтернативы нет!

И после этого мы с ба-альшой результативностью использовали момент отсутствия этой самой альтернативы.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Увольнение для курсанта – это командировка в параллельные миры. В те удивительные, восхитительные, потрясающие миры, где все шумы – приятная мандолина, что доносится из-за занавески в глубине мавританского дворика, и где водятся женщины, от которых уже отвык глаз.

К увольнению готовятся – чистят, гладят, стригутся, парят и опять чистят.

Об увольнении мечтают, имеют на него виды, строят относительно него планы.

Целую неделю.

Перед тем как встать в строй увольняемых, еще раз все чистят, дряют и придиричиво смотрят на себя в зеркало – все ли там хорошо?

А потом становятся в строй, и старшина может все испоганить, может выгнать из строя из-за ерунды, а может и не выг-

нать, а сказать: “Устраните вот это!” – потому и волнение.

А еще в строю проверяют документы: “Покажите ваши документы!” – нате вам мои документы, вот!

Собираясь в увольнение, курсант Сэм решил опорожниться.

На всякий случай.

Сэм – это не имя, это прозвище, потому что он большой и решительный.

Зашел Сэм в галюн, достал сзади из-за ремня портмоне с военным билетом и положил его, чтоб не мешало, в ящичек с “Галюн Таймс” (где лежат всякие там “Стражи Балтики” и прочие, порванные на аккуратные листочки, размером точно под жопу).

Сделав главное перед увольнением дело, Сэм вышел облегченно и в этом облегчении он совершенно забыл про свое портмоне.

Когда он ворвался в галюн с безумными глазами: “Где мои документы?!” – на дучке (чаша Генуя) уже разместился Коля с третьего взвода, в два раза меньший по размерам.

Только Коля отложил там свою первую порцию, как дверь с тогчас же вывороченным замком отлетела в сторону, и в дучку влетел Сэм с безумными глазами. Колю он схватил за воротник и, ни слова не говоря, выдернул вместе со штанами на щиколотках. Потом он закатил правый рукав суконки и картинно нырнул в дучку по самое плечо.

Коля, натягивая штаны:

– Сэм, ты чё?

– Военный билет, – хрипит Сэм, поворотив красную от натуги рожу, шаря почти что на дне. – Где-то он здесь... должен быть...

– Так вот же он! – и Коля из ящика с “Галюн Таймс” достает портмоне.

До построения увольняемых оставалось десять минут. Сэм вылил на себя весь одеколон роты.

В ЯЛТЕ

Васька Халькин привез в Ялту свою центральную нервную систему. На отдых.

Мичман Васька был подводником, а потому он был брюхат, лыс, коротковат и хронически счастлив.

Когда подводника выпускают на отдых, бархатный сезон сдвигают на декабрь.

Но даже в это время года в Ялте его встречает море зелени, очень ценный Никитский! сад с изумрудным травяным ковром, птички-фонтаны, сказочный воздух, капли дождя, лестницы мрамора и дворцы – земной рай, полный запахов, звуков, поэзии. Дикие слезы.

Редко кому удастся сохранить вертикальное положение в царстве зелени после белого безмолвия, и Васька Халькин, конечно же, тут же опустился бы на четвереньки, если б у входа в Никитский садик он не наткнулся... на кого бы вы думали? На заместителя командира по политической части.

Это обвал. Когда встречаются на отдыхе два таких изумительных украшения из одного экипажа – это обвал. Первого ждет бесцельное прозябание, второго – аритмия с безвитаминозом и бессонными ночами.

Не то чтобы Ваську Халькина нельзя было выпустить на международную дружескую делегацию. Можно было. Он уже однажды фотографировался с двумя космонавтами, из которых один был не наш, после того как обозвал их обоих “сынками” и заявил, что когда “он летал, они еще пешком ходили” и София Ротару, после ведра королевских роз, пела ему, запершись в отдельной комнате.

Ее чудесный голос два часа подряд прерывался Васькиным шлепковым рыданием.

С международной делегацией Васька бы справился. Просто он мог увести их не туда и показать им не те достопримечательности или мог выкинуть нечто такое, что на языке телевизионщиков называется “игры и танцы на-

родов мира”. Было уже. Его физиономия в таких случаях блаженно жмурилась и кивала.

– Ходить только со мной! – бросил ему через плечо смирившийся с ношей зам и, тут же представив себе, что будет с этой дивной природой, если Ваську так просто выпустить, с ужасом на него оглянулся.

Васькино лицо надело на себя надутое безразличие и покорность, буркнув что-то насчет прав всей страны на отдых.

Несколько дней они ходили по Ялте друг за другом: впереди всегда зам, обдумывающий возможные Васькины выходы, за ним – Васька, притихший, вздыхающий.

Они ходили размеренным шагом сомалийской пехоты. Как только они останавливались, Васька, как по команде, простужено восхищался предложенным видом.

Так долго продолжаться не могло. Это должно было чем-то закончиться. Кто-то из них должен был оступиться – напряжение росло – сорваться, чтоб дело докатилось до своего апогея.

– А кровь сдать можно? – Васька Халькин спросил и весь при этом подобрался, как барс в кульминации, когда они миновали веселый плакат, призывающий граждан сдавать кровь государству литрами.

– Кровь?.. – зам удивился, но не насторожился. – Зачем это?.. Ах кровь донорскую... – готовность отдать свою кровь на флоте всегда воспринималась с пониманием. – Кровь, наверное, можно...

Васька с места помчался так, будто от сдачи его крови зависла чья-то жизнь.

Для восстановления кровяного запаса потребовался кагор. Много потребовалось.

И потянуло на природу. В леса потянуло. В джунгли. Выть потянуло. Но не дотянуло.

До Никитских клумб Васька не дошел.

Он попал в зоопарк.

У клетки со свирепой медведицей Зоей собралась при-

тихшая толпа. Зам локтями пробился в первые ряды. Сердце его не обмануло: довело и упало. То, что он увидел, нехорошо подкосило его ниже пояса, в обессилевшем разом желудке мерзко заныло, оральным путем пробежал холодок, во рту повис вкус дешевой дверной ручки, рука культиписто замотала, голос исчез.

В клетке, прямо за решеткой, рядом со свирепой медведицей Зоей, лицом на народ стоял Васька и говорил. Зрители, смотрители, дирекция – все, затаив дыхание, слушали Васькину последнюю речь. Временами, прерывая речь, он, обмолоченно повисая на плече у медведицы Зои, кормил ее чебуреками и объяснял ей накопившееся международное положение:

– С Польшей у нас проблемы. Ой проблемы с Польшей, ой!.. А Гвинея-Бисау нас бросит. Как ты думаешь? Оставит нас Гвинея, жаброй чувствую. Как считаешь?

Умная Зоя чутко следила за его мыслью и чебуреками.

– Вась-ка! – это зам присел и зашелся в надсадном крике. – Выхо-ди! Сгно-ю-уу!!! – и затряс головой, схватив уши руками, и забегал глазами.

Зоя оттерла Ваську плечом и заворчала.

Если кому дальше интересно, так Ваську доставали долго. Крюками для мяса.

Во время доставания он непрерывно кивал.

ИХТИАНДР

Лично я укачиваюсь до полного бесчувствия, когда плоскость истинного горизонта наклоняется хотя бы на один градус. У нас это называется “Он звал Ихтиандра!”.

Нельсон – единственное для нас утешение (для тех, кто укачивается) – что бы мы без него делали? Про него я знаю все: как он нес вахту и где стояло его ведро, но каждое но-

вое начальство рассказывает мне про Нельсона что-то свое.

– Как это он укачивается? Так не качает же! Непонятно. Ну-ка, давайте его сюда.

– Вас в центральный.

Пойду. Обниму в последний раз раковину и пойду. Пища для укачивающихся должна быть мягкой и быстро-выходящей. И не ешьте борщ – это лишнее.

– Ты что, укачиваешься?

Смотрит с интересом. Обычно я говорю “да”, но для разнообразия можно сказать и “нет”.

– Нет, ну что тут стесняться! Укачиваешься, да?

– Ну да, да, – киваю я. Сейчас он скажет про Нельсона.

– Даже Нельсона укачивался. Нес вахту и укачивался.

И нормально все было.

Конечно, нормально. Сейчас он скажет о ведре.

– Ведро, слышь ты, ведро перед собой ставил, и вперед! И отлично все было! Флотом командовал! Фло-том! Вдумайся!

Уже вдумался. Теперь – “Нужно занять себя”.

– Нужно занять себя! Не раскисать!

Про силу воли.

– Силу воли в кулак – и вперед!

“Главное – не думать”.

– Главное – не думать! Работать и не думать. Самое главное – работать!

Вот орел! Где ж ты был, когда меня мучались, делали? Подсказал бы, что ли...

– Сухарей возьми и грызи!

Ага.

– Или вот кисленького чего-нибудь.

Ну конечно.

– Или вот огурец! Тоже помогает. Солененький. Берешь и сосешь его. Сосешь, понял?

Понял, сосешь огурец.

– Слушай, а у тебя всегда так? А? Всегда? Странно!

Опять накатывает. Сейчас пойдет. Не выплснуть бы на “орла”. И чего он тянет? Другой сказал бы: “Идите! Несите вахту, и чтоб без фокусов!” – и пошел бы я нести вахту.

– Ладно, давай!

Слава Богу!

– Неси вахту, и чтоб без фокусов! Занять себя работой! Вот тебе задача! Занять и не раскисать!

Бегом по трапу.

– Куда это он рванул? – услышал я за спиной.

– Побежал звать Ихтиандра.

– Какого Ихтиандра?

– А... из раковины...

– Поди ж ты!..

УШИ

Вова Протасов возвращался из увольнения.

Когда Вова Протасов возвращается из увольнения, всегда кажется, что ступеньки существуют только для того, чтоб на них спотыкаться, перила – чтоб хвататься, а голова – чтоб бодаться.

Если б перед Дарвином в самый урожайный период его дарвинской биографии маячила не нафабренная и чопорная физиономия англичанина, а суровая рожа Вовы Протасова, он не сделал бы гениальный вывод о том, что человек произошел от обезьяны, он сделал бы другой гениальный вывод о том, что он произошел от коровы, и значительно позже произошел.

Но, в отличие от дельфина, тоже произошедшего от коровы, Вова не был наделен чудесным даром эхолокации и после увольнения в город попадал в открытую дверь казармы только с третьего раза.

Когда курсант приходит из увольнения, его сейчас же

тянет в галльон – там, кроме прочих дел, можно и воды выпить.

Вова Протасов всегда жадно пьет воду в умывальнике галльона, присосавшись губами к крану, но до похода в галльон он, как правило, успеваает еще немного покуражить-ся и покурлесить.

Опробовав ситуацию, Вова к ней больше не возвращался.

Однажды в час ночи он зажег свет в спальном помещении роты, спросил гадом ползучим: “Спите, сволочи?” – за что немедленно получил прилетевшим ботинком в лоб, упал, где стоял, и успокоился там до утра.

В другой раз он уже не зажигал свет, а пытался его потушить.

Спаренный еще в городе в нечто четвероногое со своим лучшим другом Петей, возвратившись слишком рано в родные пенаты, Вовик решил, что лампочка над его коечкой светит удивительно ярко и ее срочно надо гасить.

Вова лег в койку, а его друг Петя, столь же пухленький, взобрался на ту тумбочку, что стоит вплотную к Вовиной коечке.

Там он, Петя, раскачиваясь ливанским кедром, поискал в штанах и вынул свой гульфик.

Вова был уверен и убедил в том кивающего Петю: если струя из гульфика попадет в лампочку, то она сейчас же взорвется и погаснет.

Прищурившись и непрерывно измеряя расстояние выставленным вперед пальцем, он корректировал засыпающего на тумбочке Петю:

– Так, так, влево, влево, я тебе говорю влево... а теперь вверх, вверх, я тебе говорю!..

Петя, поместив голову себе на грудь, стоял, осклабясь, на тумбочке, а жил он в тот момент, по всей видимости, только нижней своей частью, полностью положившейся на Вову.

– Ну давай! – скомандовал ему Вова, убедившись, что Петя отлично скорректирован.

Струя вылетела из заждавшегося гульфика и – ни капли мимо – окропила лежащего под ней Вову.

В свое время мать-природа, шлепая руками по первоначальной глине, чтоб вылепить из нее нашего героя и придать его лицу хоть какое-нибудь выраженис, так увлсклась, что совершенно забыла об овале.

Овалом лицо Вовы в окончательном варианте полностью повторило овал писсуара.

И вот теперь, вернувшись из увольнения, когда в перекрестие двух своих взглядов, брошенных каждым глазом в отдельности, Вова увидел писсуар и услышал музыку струй, с ним что-то произошло. Может, он почувствовал нечто родное в предложенном овале, а может, он просто испытал нестерпимую жажду, но только он неожиданно присел на корточки и сунул в писсуар свою голову.

Щеки прошли овал безо всяких усилий, Вова потянулся еще, уши тоже прошли и сработали, как защелки. Пил Вова из писсуара воду или не пил, сейчас это уже не важно, важно то, что он потом из писсуара не вылез.

На звуки Вовы прибежал дневальный. Через десять секунд дневальный уже его тянул изо всех сил, а Вова уже орал:

– Стой! – орал он и шумно плескался. – Давай еще раз! Ой, больно, стой!

Они возились целый час: Вова не проходил, дневальный зверел, а уши росли.

Наконец дневальный так дернул, а Вова так заорал, и голова его с чмоканьем откупорила писсуар. Оборвать Вове голову оказалось совершенно невозможным делом.

Утром рота построилась, как всегда. Командир, как всегда, вышел перед строем сказать несколько слов.

– ЧЛЕНИСТОНОГОЕ!!! – сказал командир – ТОЛЬКО ЧЛЕН И НОГИ!!!

У Вовы отлегло. “Членистоногое” – это Громов, это не он. Пока командир вещал и взывал, Вова мечтал, чтоб о

нем на сегодня забыли, чтоб вообще потеряли б фамилию “Протасов”.

– Протасов! – услышал он и тут же выкрикнул:

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть! – Вова вышел и повернулся лицом к строю.

Огромные уши стояли перпендикулярно к голове, кончики махрились и алели, как флаги.

– И последнее, товарищи курсанты, и последнее! – командир сделал паузу, чтоб полюбоваться ушами, потом он улыбнулся и продолжил:

– Не суйте голову в писсуар, товарищи курсанты, не суйте! Это очень больно! Товарищ Протасов, я прав? – спросил командир вкрадчиво.

– Совершенно, товарищ командир! – выкрикнул Вова.

ОФИЦЕР НЕ ДОЛЖЕН

Офицер не должен болеть венерическими заболеваниями.

Ну как это: “Товарищ капитан первого ранга!” – и вдруг триппер.

И потом там все равны – офицер, не офицер – все, что старший, что младший – одна на всех жизнь, одни мысли, страдания, одни проблемы, желания.

И все в халатах, а это дело, стремное, смешное, перебинтовано, и трубочка куда надо вставлена.

И ежедневно несколько экскурсий девочек из мединститута с первого курса и из медучилища.

При подходе экскурсии ты, живой экспонат, в прошлом – боевой офицер, должен встать, спустить штаны, показать им свое наглядное пособие и хорошим командным голосом кратко изложить историю своей болезни.

Чувство стыда уходит вместе с третьей экскурсией. Его

сменяет чувство юмора – это самое живучее из чувств.

– Де-воч-ки! – кричит экспонат, в прошлом защитник своего Отечества. – Все ко мне! У меня интересный случай!

Ну и как после этого вернуться к боевой учебе? Как вернуться к повседневным будням ратного труда? Тем более что у нас так здорово сохраняется врачебная тайна, что прямо с порога все узнают, где ты почки только что лечил.

Так что к будням ратным никак не вернуться.

Это просто немислимо...

ГДЕ ТЫ РОДИЛСЯ

Для флота очень важно, где ты родился. Лейтенант Коля Волынский родился правильно. С флота его было не достать. Папа Коли сидел так высоко и прямо, что с флота его было не достать.

Поэтому и жил себе Коленька в лейтенантах и жил.

Он уже битый час смотрел в окно. За окном мело: снежинки крутили в слепом беспорядочном танце; лодка, любимая, стояла, как приваренная, что-то в нее там грузилось, и в душу ронялись лепестки вечности. Окружающая действительность, положив мягкие материнские руки на нсисхоженный Колин затылок, старалась его не будить. И вообще, во всем существовании Коли было что-то правильное, вершинное, что-то навсегда.

Из состояния “навсегда” Колю вывели две замаячившие фигуры, обернутые в наши непослушные флотские шинели.

Флагманские. Дивизии и флотилии. Они идут к нему на корабль. Они к нему прибывают. А Коли там нет почему-то. Это нехорошо.

Коля быстренько оделся. Флагманских он догнал уже у

трапа. Они в наклоне, наперегонки краснея от натуги, наперебой кричали в “каштан”:

– Начхим! Начхим!

– Я здесь, – сказал им Коля печально, когда соскучился, ожидая.

Флагманские обернулись и обрадовались:

– А вот... держи два журнала, они уже заполнены, – сустились, роняли какие-то листки и тут же подбирали их флагманские, – на, держи!

– Ну! – удивился Коля. – Эти два – да, а остальные пятнадцать как?

– Где они?! – закричали наперебой флагманские и загалдели, замстались нечленораздельно.

Жжение от желания заполнить Коле и остальные пятнадцать журналов было у них необычайно велико, и Коля им их вынес.

Лодка Колюни готовилась к переходу на Камчатку Северным морским путем, и флагманские готовили Колю к высокой московской комиссии: им не спалось, не елось, не сиделось, не лежалось, не икалось, до того им хотелось. Даже в отхожее место им ходилось, как-то очень часто перебирая, боком и с трудом. Мозг и клоака немели. Флагманские готовили Колю к комиссии замысловато, как заморский фрукт. Они перекрестились и напились, когда им удалось все же оттолкнуть Колю от пирса.

То был “поход за Героями”, поэтому в него пошел и командующий. (Есть такая маленькая звездочка, из-за которой командующие способны даже на Камчатку пойти.)

После похода ожидалась награды.

У Коли на переходе процентное содержание углекислоты в отсеках было такое, какое только могут выдержать человек и железо – три процента.

Командующий бенгальским львом бродил по центральному, изрыгая проклятья. Лава готовилась протечь, крови ожидалась лужи.

Когда Колю вызвали в центральный, он вздохнул и вошел в него с простым лицом.

Там между ним и командующим произошел диалог, кусок из которого можно здесь привести, избавив его от идиоматических выражений.

– Почему у вас столько углекислого газа?

– Потому что аппараты не работают!

– А почему они не работают?

– Потому что сломались!

– Так ремонтируйте!

– А я не умею!

– А почему вы не умеете?

– А потому что меня не учили!

– А чему вас учили?

– Заборы строить, камни красить, снег убирать, траву сажать!

Командующий завыл: “Вы-ы-ы-ы!!!” – он просто не знал, кто у Коли папа, и далее он сказал монолог, в котором самым приличным выражением было “сучье вымя!”.

Не успел Коля попасть на Камчатку, как туда примчался для него орден “За службу Родине”. Командующий за грубость, невоспитанность и хамство был наказан – ему не дали “Героя”. А флагманские получили по “неполному служебному соответствию”. По одному на каждого.

Их еще потом долго заслушивали на всяких комиссиях об их отношении и о личном вкладе.

Коля правильно родился.

ПОТОЧНАЯ СИСТЕМА

Шел 1995 год. В этом году страна много чего смогла. Например, она смогла почти что достроить свою основную гордость – крейсер “Петр Великий”, в простонародье

“Петрушу”. И вот приезжает Главком ВМФ с целой свитой шакалов смотреть на нашу основную гордость, и руководство завода рядом мелко семенит, показывая ее.

На лице у Главкома появляется выражение значительности всего происходящего, которое вполне сошло бы за выражение счастья. Мягкие мышцы его лица подобрались и построились в одну шеренгу с твердыми, глаза его вспомнили взгляд “великое море”, а нос так ничего и не вспомнил, хотя очень старался.

Руки Главкома не то чтобы шарили и искали стакан. Нет! Они не шарили. Они держались сообразно спине и фигуре – то есть несли достоинство.

Известно, что адмиралы уровня “Главком” лучше всего разбираются в состоянии камбуза. И пошли они на камбуз, а потом и в столовую личного состава.

Там Главкома не могло не озарить. Там его озарило. Он сказал:

– Необходимо на этом современном корабле внедрить вместо бачковой поточную систему в организации питания!

Вы поняли, что он сказал? Нет? И я не понял. Его никто не понял. Он хуй знает что сказал. Особенно всех раздражало слово “поточную”.

Потом Главком уехал, а конструкторы остались. Корабль почти построен. Через месяц выход на ходовые испытания. Чтоб внедрить то, что только что сказал Главком (если в конце концов понять, что он имел в виду), понадобятся колоссальные деньги и работать надо будет в три смены.

Все нервно курили. Один только старый конструктор был спокоен. Когда обратились к нему, мол, что же вы на весь этот счет думаете, он сказал:

– Пошел он на хуй!

– То есть?

– На хуй, говорю, пусть он идет.

– То есть как?

– Гуськом!

– Антон Савелич...

– Да он сам завтра не сможет повторить то, что он только что сказал. Потому что сам не понимает, что он хочет. Это ж Главком! У него по русскому языку в школе двойка была. Что значит “поточную систему организации питания”? Из шланга, что ли, их кормить? Если из шланга, то это действительно будет “поточная система”. Все остальное имеет иное название. Если сунется еще раз, так ему и скажите: налаживаем шланги, дайте миллион долларов. Вы-то сами чего обмишурились? Успокойтесь. Это он на радостях ляпнул. Вот увидите – никто ни о чем завтра не вспомнит.

Так и решили – хуй с ним, и ничего не переделывали.

Через месяц “Петруша” вышел на ходовые. С бачками.

МЫТОЕ НАЧАЛЬСТВО

Мытое начальство – это совсем не то, что не мытое. Разное оно по степени добра.

Баня на флоте – это традиция, ритуал, правда, без танцев, но кто знает, что ждет нас впереди.

Адмирал захотел в сауну.

Через несколько минут в предбаннике стояло все, что должно было снять груз с непростой адмиральской души.

Ритуал и традицию на этот раз обеспечивал не какой-то там матрос, а целый мичман.

Адмирал разделся и прошел в помещение, мичман, до этого стоящий по стойке “смирно”, услышал за дверью шум воды, и его отпустило. Он присел на что попало и замер в сладкой истоме.

Возня адмирала за дверью действует, как чавканье медведя в зоопарке за решеткой, то есть успокаивает, располагает ко сну. Мичман задремал. Неизвестно, сколько времени он дремал, потому что раздался страшный крик по-

сторонних голосовых связей. Закончился он тяжким стоном, и принадлежал этот крик и этот стон адмиралу – больше-то некому.

Мичман несмеленно был на ногах, и еще он мигом нарисовал себе картину “жареный адмирал”.

– Хоть бы не до конца! – истоиво зашептал мичман и, очнувшись наконец, бросился туда, откуда были слышны еще трубные звуки.

И он увидел адмирала. Тот стоял к нему боком. Нежное адмиральское подживотье, покрытое седыми кудряшками, мелко подрагивало.

– Что это? – простонал адмирал голосом Матери Терезы и показал пальцем на то, что росло у него вниз от спины.

Мичман со всего маху согнулся пополам и внимательно изучил район адмиральского анального отверстия. Ничего нового он там не обнаружил.

– По-моему... – тянул мичман, боясь ошибиться.

– По-моему... – ошибки быть не могло, – это... жопа, товарищ адмирал! Вот!

– Я тоже так думаю! – обиженно колыхнулось адмиральское тело. – Теплотрассы надо теплоизолировать! Жопа! Вот! А то с вами совсем без всего останешься!

На этом мы закончим эту историю.

А мичману ничего не было из-за доброты – адмирал все-таки помылся.

ДИВЕРСАНТЫ

О диверсантах нас предупредили заранее.

Ожидались учения по их нападению, так что изготовились и ждали. Передвижения по базе только строим и со старшим, на остальных, как на возможных диверсантах, специально выделенные патрули должны были нападать

среди бела дня голыми руками и валтузить их до подхода подмоги.

Я сам стоял в таком патруле, ходил по опустевшей зоне, вперивал повсюду свой зоркий взгляд и надувал грудь.

К полудню на бешеной скорости к зданию штаба подлетел “уазик”, и из него вывалился майор. Тот майор неторопливо подошел к выставленному у штаба часовому, не крупному киргизу с автоматом, и заговорил с ним. Потом случилось непредвиденное: майор вдруг ударил бедного киргиза ногой по голове, тот упал, как подрубленный, а майор бросился в дверь штаба. Дверь за майором сейчас же захлопнулась, и восстановилась тишина – киргиз лежит.

И тут дверь штаба распахивается, и из нее сначала появляется полмайора, облепленного со всех сторон матросиками. Половина майора тужится, медленно выдавливаясь наружу, и пытается влезть обратно в штаб, но матросики упрямо выталкивают его наружу.

Вытолкнули, облепили его еще одним слоем матросов, как муравьи жука-геркулеса, распялили – руки-ноги в разные стороны – и понесли до машины. Перевалили в кузов и увезли (в гестапо, наверное).

Опять тишина.

Минут через десять из штаба вышли трое. Они подошли ко все еще лежащему на земле часовому киргизу, постояли над ним, потом взяли его за ноги и поволокли в штаб.

Так была отражена первая попытка захвата нас с суши.

На море всем объявили, что диверсанты плывут.

И они действительно приплыли.

Одного беднягу послали нас минировать, но он должен был на специальной торпедо приплыть к нам за пятьдесят километров, для чего он ее оседлал и поплыл, но торпеда сломалась через два километра, и остальные сорок восемь он тащил ее на себе, держа одной рукой и гребя другой.

Когда он подобрался к нашей базе, он уже не хотел никого минировать. Он хотел только, чтоб его из воды доста-

ли и чтоб отняли у него эту проклятую торпеду, в которую он так хорошо вцепился, что судорогой руку свело, отчего она никак от руки не отделялась.

Он высунул другую руку из воды и начал ею подавать сигналы на ту самую лодку, что он минировать приплыл.

Обрадованные вахтенные – им обещали за поимку его десять суток отпуска – тут же забросали его сверху камнями, которые в этой ситуации изображали гранаты.

Так была отражена попытка взять нас с моря.

ПРАЗДНИКИ

Настроение у лейтенанта Петьки Заморзина по случаю праздника было блестящее, красного дня, можно сказать, было настроение.

– Сейчас выпью! – думал со слюной Петька. – И в ДОФ, на танцы! Женщина по сути своей должна отдаваться! – вытянул он один из своих силлогизмов. – Женщина любит ушами. Мужчина должен эпизодически издавать чарующие звуки, чтобы приручить кобру! – силлогизмы цеплялись друг за друга, как влюбленные мухи, и лезли из Петьки на свет Божий.

Пока они лезли, рука Петьки Заморзина шарила в стенном шкафу в общежитии по улице Карла Маркса, дом 8. Рука Петеньки искала бутылку с веселящей жидкостью (он ее тут припас). С ее помощью Петенька должен был исторгнуть чарующие звуки.

Бутылка нашлась, но только она была совершенно пуста. Фонтан силлогизмов немедленно заткнулся.

Только теперь Петька заметил, что его сосед по панцирной койке, Мишка Туракин, неприлично лежит, мечтательно закинув взгляд в потолок, трогательно улыбается перекормленным идиотом и с минимальными экономическими

затратами совершает редкие сосательные движения.

Мишка Туракин с давних пор находился под присмотром у самой Эволюции. В качестве юной почки на ее древнем стволе.

Всю эту сложную оранжерейность Мишки на флоте не сумели оценить и определили его существование одним словом – обормот.

– Скотина! – первое, что пришло на ум Петьке. – Высосал! Все высосал, сука-тарантул!

Теперь самое время заметить, что без слова “сука” флот был бы не флот.

Флотское слово “сука” отличает огромная универсальность. Пользуясь этой универсальностью, можно существенно расширить, раздвинуть границы окружающего животного мира. Например, в нем, в этом мире, может появиться “сука-тарантул”.

В следующие двадцать пять секунд на блаженную физиономию Мишки обрушилась вся великая оздоровительная сила русского мата.

Последний кусочек фразы был самый безобидный и гласил: “Хрен что получишь!”

– Ладно! – успокоился наконец Петька и вынул из портфеля еще одну бутылку. – Я не такой гад, как некоторые. Выпьем, и на танцы!

Мишка, не снимавший улыбку с лица на протяжении всей проповеди, срочно отмотобилизовал свое стокилограммовое сиськастое тело и украсил собой стол, и как только это случилось, несколько замусоленных сосуллек, исполняющих обязанности волос на его голове, угрожающе зависло над стаканом.

– Ну что! – воскликнул сильно подобревший к Мишке Петька, когда бутылка свое откапала. – Ринулись? На половые подвиги!

Мишка резко склонил буйну голову на грудь и звякнул под столом воображаемыми шпорами.

Окрашенные в самцовские цвета, они надели шинели и, насколько позволяло выпитое, ринулись.

– Грустное, флотское, лейтенантское сиротство, – вздохнут одни.

– Бездуховность! – определяют другие.

– Просто низкая личная индивидуальная ответственность! – изрекут третьи.

Выслушаем всех и продолжим. Итак, сироты из подъезда вышли.

– А чё мы пустыми и...дем? – спросила одна казанская сирота у другой голосом Петьки.

– А чё?

– Праздни-ик... же! – выговорила первая после короткой разминки с шипящими.

– Ну-у? – спросила вторая, у которой до текущего момента было все в порядке с логикой.

– Давай с флагом пойдем! – скомплектовал все ж таки мысль Петька и указал на флаг, развевающийся над входом.

– С фла-гом? – в растяжку удивился Мишка.

Организация доставания флага была следующей: Мишка упал на четыре кости (на четвереньки), Петька сел на него сверху, Мишка встал, опираясь на торец здания, и с пятой попытки, разгоняясь и нападая на стенку с двухступенчатым слезеночным еканьем, они добыли флаг, слезли друг с друга и отправились в ДОФ.

Через двести метров под влиянием выпитого у обоих от многочисленных пут и наслоений освободилась извилина, заведующая пением в организме.

– Споем? – предложил Мишка, у которого освобождение произошло пораньше.

– Только революционные песни! – сразу отрубил Петька. – Мы же с флагом!

– Хрен с ним! – согласился Мишка. – Пусть будут революционные, но по теме!

Они шли и радовали гражданское население.

– Замучен тяжелой неволей! – плакали две луженые глотки, плавно переходя к сообщению о том, что “темные силы” их “злобно гнетут”.

И, как это бывает в таких случаях, им не встретился патруль, хотя улицы города были засеяны патрулями чаще, чем минное поле минами.

Живые и невредимые друзья добрались до ДОФа.

И тут во весь рост встал вопрос с флагом.

– Я вот с такого карманного приучен к флагу! – заявил Петька – Я приучен уважать... флаги!

– Ну? – не понимал его Мишка, растерявший к тому времени способность к возражению.

– Воткнем назад! – решил Петька. – Падай на четыре кости!

И Мишка “упал на четыре кости”, а когда, поелозив в снегу, он встал, на нем, как заправский кавалерист, сидел Петька с флагом.

Прогарцевав иноходью до ближайших знамен, они построили там свое полотнище.

В ДОФе навзничь рыдала музыка; в зале густел и клубился запах неухоженных лошадей и женщины подпрыгивали с обещающими блаженство лицами.

Но ни одна из них не выбрала себе на ночь ни Мишки, ни Петьки. Вечер грозил половой неустроенностью.

– Зажрались! – ответил сразу всем женщинам Петька, и друзья отправились домой, используя при движении противолодочный зигзаг.

– Ай биг ю паден! – орал по дороге Петька. Он уже находился в том состоянии, когда обычный человек говорит по-английски.

Дома они выпили совсем немного. Петька прислонил ускользящего Мишку к кровати, проверил его на устойчивость и сказал:

– Веди себя хорошо! А я ненадолго... тут... в один “Кошкин дом”.

Целый час Мишка вел себя хорошо, пока ему до родовых схваток не захотелось излиться. Праздник зашевелился, запросился и начал из него выходить.

Поскольку идти по коридору было далеко, а графина под рукой не оказалось, то Мишка просто открыл окно и сейчас же заторопился, затоптался, застонал и наконец, переломившись наружу, облегченно чуть слышно завыл.

Проходящие мимо в тот миг смогли бы лишний раз убедиться в том, что ходить под окнами вредно.

Когда Мишка слез с подоконника, у него тут же прорезался половой инстинкт. Лейтенант русского флота в период гона! Он почувствовал себя могучим пещерным медведем.

Дверь оказалась запертой снаружи (Петька, зараза, постарался), а ключей не было.

Как Мишка ни бился, сломать дверь ему не удалось. Тогда он связал вместе четыре простыни, привязал их к батарее и, перекинув свое ставшее необычайно ловким тело через подоконник, принялся спускаться с четвертого этажа.

На третьем этаже первая от батареи простыня стала развязываться. Мишка скользнул вниз, но успел, пролетая, страстно обнять водосточную трубу.

Военно-морской флот почему-то любит водосточные трубы. Уж очень часто, пролетая мимо, он заключает их в объятия.

Но труба к объятиям подготовлена не была. Это был почетный правофланговый, пенсионер среди труб, и место ему было на свалке. Она мгновенно переломилась, и Мишка, скользнув ниже, попал одной ногой в прочный, как ошейник римского раба, держатель трубы. Его развернуло и брякнуло, но он не упал, а завис вниз головой, сжимая руками остаток водостока.

Руки у Мишки очень скоро разжались, и остаток трубы огромной сигарой медленно улетел в бездну – Мишка при этом висел, как летучая мышь.

– А-а-а!!! – заорала та мышь. Ее долгий и тягостный крик возвестил в ночи, что праздники кончились.

Мишка орал потом часто, с многочисленными тональными вариациями.

Так орать может только самаркандский ишак или стадо саванных павианов при выборе вождя.

Дежурная общежития, посаженная внизу сразу при входе за стекло для предотвращения вертепизации государственного учреждения, услышала его где-то через полчасика. Она выбежала, озираясь и паникуя, как мышь в половодье. Она никак не могла понять, откуда так орут.

– Да здесь же я, здесь! – кричал ей Мишка, и она, задрав свою глупую голову, увидела его, наконец, летящего среди звезд.

Пожарные установили лестницу и спасли его, летящего среди звезд, а для дальнейшего спасения Мишка был передан в цепкие руки нашей родной комендатуры.

ШАЛАШ

Какими словами можно описать желание срать?

Только словами “жить” и “дышать”.

Видите ли, мне не посчастливилось служить в бригаде ракетных катеров одиннадцать лет начиная с 1979 года.

А некоторым посчастливилось.

На катере проекта 205 гальюнов нет.

И вот встает такой катер под номером “Р-57” погожим летним днем на стенд размагничивания в бухте Улисс, что на Дальнем нашем Востоке.

Старшина команды ракетчиков мичман Корсунь – полный, благовидный мужчина цветущих лет – находился в самом шикарном расположении духа. Он мурлыкал про себя песни советских авторов, он улыбался, он жмурился от солнца.

Но все это до тех пор, пока не почувствовалось, что надо бы сходить в гальюн.

Выбравшись на верхнюю палубу, мичман Корсунь понял, что все не так просто: справа по

борту стоит на якоре корабль размагничивания СБР со своей полугражданской командой и поварихой, с левого – пляж на Змеинке с женщинами и детьми.

И вот тут он и стал подбирать слова для описания возникшего желания. Но недолго.

Желание срать подобно ростку тополя, пробивающего асфальт, – оно способно только усилиться, заменив чело- веку речь.

Напрасно мичман ходил кругами в надежде унять – в глазах непрерывно темнело – ыыы!..

Напрасно постанывал – только подстегнуло и раззадо- рило – ыын!..

Можно, конечно, было опуститься за борт – он даже посмотрел туда с надеждой, но вода еще ледяная – ы-ым!..

Мичман Корсунь теперь уже не хотел ничего: он не хотел ни денег, ни пляжа, ни женщин. Он не хотел быть первым в очереди на квартиру, он не хотел на сход с ко- рабля. Он хотел только срать.

СРАТЬ!!!

А давление все растет и растет, и мичман, покрытый испариной размером с утреннюю индонезийскую росу, уже начинает поглядывать в низ собственного все увеличива- ющегося в продольных параметрах живота, ожидая непре- менный цветок на выходе.

И тут взгляд его натывается на носовую пушку АК-230, вернее, на тот чехол, которым она всегда накрыта.

Катерники соображают очень быстро. Чехол сдернут с пушки в одно мгновенье.

Не знаю, что напоминал собой мичман Корсунь, обер- нувшийся в это страшилище, обливаясь потом от жары, – оживший шалаш Ильича, наверное, – когда маленькими, но быстрыми шажками переместился к борту, где, уцепив- шись сквозь чехол за леера, сдернул с себя одним махом

штаны с трусами и испытал – я! я! я! – неопишемое облегчение, можно сказать, даже счастье – фух, хе-хе!

После чего ему немедленно вновь захотелось и денег, и женщин, и очереди на квартиру, и сход на берег...

РАССКАЗ

Знаете, что такое кают-компания? Это ужасное дело. Там ты всегда на виду. Там у каждого свое место за столом и под солнцем. И каждый в кают-компании чего-то должен. Кто-то должен гримасничать, кто-то представлять кого-то, в основном начальство, а я, к примеру, должен всех веселить, рассказывая рассказы.

Вот я и веселю.

Рассказываю.

Но только задачу мне все время усложняют.

Это чтоб я не расслаблялся и совершенствовал свой дар.

– Так, Саня, а теперь говорим слово (любое), и ты на него рассказываешь рассказ. Сможешь?

– Смогу.

– А слово такое: “грабли”.

– И все?

– И все. Только рассказ должен быть о замполитах.

– Это уже два слова.

– Чего придираешься? Слово одно, а тема – про замполитов.

– Хорошо. Только рассказик будет короткий.

– Да какая разница? Готов?

– Готов.

– Давай!

– Рассказ: “Он долго шел потом с граблями во лбу!”

– А где тут замполиты?

– А рассказ называется “Замполиты в саду”.

УБОЖИЩЕ

– Да вы ж убожище невозможныя-а-а! Да вы ж катарсис-сука-падлы! Да вас, на хуй, взять и облепить об стену-у-у! Да вам бы все над нами член вострить! – вот такой плач приходит мне на ум вместо того, что мне только что сказали.

И еще мне вспоминается выражение: “Каждый волос дыбом становится по сравнению с прошлым годом!” и “Весь штаб теперь будет раком бегать, пока все не выбегает!”

Ну! А все из-за того, что меня опять поставили, чуть не сказал “раком”, дежурным по дивизии – му-а-у-а (это я зевнул) – и теперь меня снимают со службы, потому что командующий (бля) проехал на машине по зоне режима радиационной безопасности и нашел в ней лежащий ящик.

В прошлый раз он нашел коробку, и меня послали искать эту коробку, чтоб в приказе о наказании указать ее название. И я пошел, как дурак, ничего не нашел, и тогда, с моей же подачи, ту коробку назвали “коробкой из-под кофе”, а она, оказывается, была “из-под сгущенного молока” (или я их сейчас местами перепутал), а теперь меня потащили в штаб флотилии вместе с врио начальника штаба на ведерную клизму.

И вот мне ее вставляют. Особенно старается почему-то флагманский штурман флотилии. Он уже старый и седой, с трясущимися дряблыми щеками. Это он старается потому, что чувствует свой час увольнения в запас, и потому суетится перед начальством, во все вникает и лезет со своими рекомендациями:

– Надо послать людей, чтоб непременно этот ящик обнаружить, а то получится, как в прошлый раз! Надо, чтоб люди разбились на тройки и чтоб они искали этими тройками!

И тройками будут искать, и двойками. И тебя, дурака, не забудут. Все равно ведь уволят в минуту особого раздражения, потому что ты старый, больной и дурно от тебя пахнет.

А я вот хоть сейчас в запас. Меня оставили с экипажем в

пятнадцатый раз. И поставили в наряд по дивизии через день на целый месяц. А трубы в гальюне у меня даже не целованы, как сказал начальник тыла, и батареи я еще в казарме не поменял, потому что их где-то еще надо спиздить.

Да! А тут, как на грех, комиссия едет по проверке какой-то нашей организации.

Не понимаю, что они хотят проверять.

ПИСЬМА

...Мы тогда были приписаны к небезызвестной К-140. Командиром БЧ-5 там был некто Сорокин. Не знаю, почему запомнилось. Мы туда таскали турбинное масло, пешком, бочками со склада ГСМ, который там чуть повыше от залива расположен. Самое веселое было затаскивать их (двухсоткилограммовые бочки) на корпус лодки, по специальному лотку для кабелей питания с берега. Шириной тот лоток был со ступню. Охватывали эту бочку бросательным концом (кто забыл, так это такая тоненькая веревочка), и поехали: один из нас тянет с корпуса, двое его за ремень держат, чтоб он не улетел за борт, а самый из нас идиот шел сзади бочки по этому лотку и направлял ее движение согласно ейному центру тяжести. Как все остались живы и без травм – до сих пор загадка природы. А сей трудовой порыв был спровоцирован самим командиром БЧ-5, товарищем Сорокиным, который пообещал (и почти выполнил, недолив всего-то грамм сто) за подвиг литр шила (спирта наичистейшего, если кто позабыл). А тут еще у меня день рождения случился. То есть все это произошло (это я про транспортировку того масла) 14 июня 1984 года, и мы это шило употребили исключительно к месту, ради моего двадцатилетия, а не пьянства для...

Саня, слушай. Летом это было. Старпом сидел в трусах и красил батарею. И яйца у него от трудов из трусов вывалились. А рядом ходил маленький котик. Заметил те яйца котик, пригнулся, сжался, а потом потоптался на месте, да как на них прыгнет с когтями. Старпом от боли протаранил головой батарею и упал навзничь. Жена вызвала “скорую”. Они приехали, давай старпома на носилки грузить, а он без сознания и в крови. Уже на лестнице они вспомнили, что не узнали причину. И вот тогда жена им все и рассказала. Они так смеялись, что уронили старпома. Он упал и сломал себе ногу.

И не думай, что это анекдот.

Твой навеки Гена.

Два старших лейтенанта – я и Бучинчик, главный старшина Стародубцев и представитель славных народов севера по фамилии Ыппын, к этому времени уже старшина второй статьи, убыли из Владивостока в Лиепаю за молодым пополнением из учебки.

Приехав в Москву, решили показать бойцам Красную площадь.

Они ее видели только на открытках да в телевизоре. Выйдя из собора Василия Блаженного, остановились покурить. Подскочил капитан милиции:

– Здравия желаю. Вы за молодым пополнением? Оружие есть? Предъявите, пожалуйста, документы.

Мы ему:

– Да. Нет. Пожалуйста.

Он:

– Все в порядке, извините.

Вежливый какой-то капитан.

Мы двинулись к Мавзолею. Как раз происходила смена почетного караула, и наши бойцы ошарашено смотрели, как ходят строевым шагом эти кремлевские орлы.

Да, забыл сказать, что дело было осенью. Бойцы в буш-

латах, я в пальто, а Бучинчик (мудак) в тужурке.

И вот у Мавзолея – толпа иностранцев со здоровенными кино-видеокамерами и сумками под них, да и наших соотечественников хватает, но два парня в мягких шляпах и одинаковых плащах подходят почему-то к нам. То ли их внимание привлекла надпись на ленточке бескозырки

“Тихоокеанский флот”, а может, Ыппына приняли за японского шпиона.

Тем не менее документы у нас проверили, затем Бучинчика отвели в сторонку и начали шмонать советского офицера посреди Красной площади, как последнюю блядь.

Удостоверение вытащили из обложки, проверили обложку, командировочное зачем-то понюхали, заглянули в баул, который Буча еле таскал – понабрал там на вокзале всякой художественной литературы под самую завязку, и наконец они задали вопрос на засыпку, собственно из-за чего вся эта проверка, как мы поняли, и происходила:

– А что это у вас за отверстия на кителе? – именно так они называли тужурку (проклятые “сапоги”).

– Это, что ли? – Буча тыкнул пальцем в лацкан тужурки.

– Да, именно эти, – подтвердили гэбешники.

– Гы-ы, так это ж была парадная тужурка, а ее надеваешь четыре раза в год, и она как новая, а повседневная уже поистерлась, вот к поездке и подготовил практически новую форму одежды – снял с нее железные такие листики, а что от них остались дырки, так их же почти не заметно!

Гэбешники облегченно вздохнули и улыбнулись: “Наш, стопудово наш!” – подумали, наверное, они.

Не понимаю, за американцев они нас с нашими рожами приняли, что ли?

Витей меня зовут.

Утро. По коридору ПКЗ идет совершенно пьяный командир БЧ-5 атомохода – экипаж живет здесь же. Навстречу ему движется комдив. Они встречаются. “Вы пьяны!” –

говорит комдив. В ответ он слышит: “Никак нет!” – “Но вас шатает!” – “Только от удивления”.

С вами был Валера Воробьев.

Кстати о проверяющих. Комиссия к нам на тральщик прибыла. От главкома.

Среди этой комиссии был один капдва, который в кают-компании рассказывал, как он на крейсере плавал и как там качало, отчего все блевали, а он не блевал.

– Не понимаю, как люди могут от качки блевать! – говорил он с небывалым жаром, а наши все кивали и кивали, соглашались, мол, действительно непонятно, с чего это люди при качке блюют, потому что с комиссией надо во всем соглашаться.

Вышли в море, и этот проверяющий с нами тоже вышел.

Как качает в море тральщик – это нетрудно описать.

Его качает, как пустое ведро на чертовой карусели.

И на этот раз качало как-то особенно убедительно.

Проверяющий наш на глазах стал сереть и терять интерес к жизни.

Потом он вышел.

Через пятнадцать минут похода он уже блевал, как все нормальные люди.

А еще у нас был проверяющий из Генштаба. Он взошел на борт и сказал: “Я из Генштаба!” – а потом он натрескался шила, в смысле корабельного спирта, как последняя свинья, и застрял на вертикальном трапе – коленками уперся – и ни в какую. Висит и дипломат сжимает. Потом он дипломат все-таки выпустил. Вслед ему он блеванул. Еле отбежать успели.

Это Паша Колокольчиков вам историю рассказал.

...Хочу поделиться тем, что у нас командир, уходя в автономку, наголо постригся, да так за всю автономку воло-

сами и не оброс. Выросла только ерунда какая-то. Так что стричься под водой не стоит. Можно больше не обрасти...

Кочетов моя фамилия.

Александр, это Ефремов Игорь, 12 лет на железе, 705К проект. Рассказываю историю.

Автономка, центральный пост, два часа ночи. Командир по кличке “Бармалей”, как обычно, в кресле. Все время вянет, но вахту бдит. Первая боевая смена. Акустик (это я в те времена) монотонно бубнит через каждые пятнадцать минут: “Горизонт чист”, – да подвижный вахтенный периодически просит “добро” перейти из отсека в отсек.

В общем, тридцатые сутки плавания пошли.

Вдруг откуда-то снизу, со второй палубы раздается грохот, словно стадо пьяных слонов бежит по деревянному причалу в африканской саванне. В центральном изумление, сна как не бывало.

Стихло на секунду, потом дикий крик и еще один грохот падающего тела.

Вахтенный центрального Юрик Урбанович от одного взгляда на него капитана исчезает в люке, чтоб посмотреть, как там дела. Минут пять тишина. Напряжение растет. Потом в люке появляется голова Юрика, и он чуть ли не на карачках вползает в центральный пост. Глаза, как у средней собаки из сказки “Огниво”, в два блюдца, и спазмы булькают где-то в животе. Бармалей очень удивился, увидев Юрика на карачках посреди центрального поста. А Юрик, не обращая внимания на него, продолжает ползти и давиться.

– Урбанович, в чем дело?

– Там, там, там...

– Что там, мать вашу!!!

– Коц... Коцуба...

– Что Коцуба, где Коцуба?

– Он...

– Ну?!!

– Его из каюты выкинули.

– Что еще за херня, давай его сюда!

Появляется наш управленец капитан-лейтенант Коцуба. На нем почему-то подштанники, по-простому кальсоны, тельняшка, все это невразумительного цвета, волосы дыбом, глаза бешеные.

– КОЦУБА!!! – орет командир, нарушая акустическую культуру подводников. – Какого хуя не дасте ни спать, ни вахту нести?

– Я... меня...

– В рот... тебя! В рот! Мыла съели? Мыла? Или так охусли?

Тишина...

Утром на завтраке спокойно все выяснили.

Коцубе приснился сон.

А спал он в пятой каюте, на втором ярусе, справа от входа. Это такое место, больше похожее на нору суслика, чем на койку подводника, койка наполовину задвинута за рундук, а расстояние до подволока пятьдесят сантиметров. Ночник, естественно, выключен.

И снится Коцубе, что его положили в гроб и заколотили. Просыпается он в холодном поту. Ручонку тянет – слева дерево, сверху дерево, справа тоже дерево. И тут понял все наш Коцуба и начал биться не на жизнь, а на смерть. А потом орать. А вторая боевая смена все то время, что отведено для сна, резалась в “козла” и только пришла поспать. Только уснули, а здесь такое. Сережа Журашов, тоже управленец, только ростом под два метра, недолго думая, вскочил, сдернул Коцубу с койки и, как котенка, швырнул его в проход. После этого он спокойно улегся спать и, по-моему, он даже не успел проснуться во время такого упражнения.

А Коцуба после этого несколько дней спал с включенным аварийным фонарем. Боялся еще раз оказаться в гробу.

ДЕДУШКА

Мы назвали его Дедушкой. Он был из тех командиров, которые отплавали в командирах по десять и более лет и на все жизненные штормы и шквалы привыкли смотреть с легким прищуром, практически не расходуя свою нервную энергию.

В центральном он спал. Он спал всегда, особенно в автономках, прямо в кресле. Но стоило обстановке измениться, как тут же открывался желтый командирский глаз, отпускаясь пара шипящих и все приходило в норму, после чего он опять затихал.

Нас он никогда не дергал по мелочам, никогда ни во что не вмешивался, полагая, что командиры боевых частей у него лихие ребята и разберутся сами. Он был уверен: брось нас в пустыне голышом, и мы там найдем простыни и воду.

За всю свою жизнь он никого никогда не наказал.

Перед автономкой все бегали как ошпаренные, и только один капитан не суетился, сохраняя великолепное спокойствие. Подвести его считалось большим позором. Он просто не понимал, как могло так случиться, что кто-то что-то не сделал.

– Ну, батенька! – говорил он в таких случаях, и виновный был готов провалиться сквозь землю.

Лейтенантов он любил, как свою юность. Когда я, лейтенант, командир боевой части, ему что-то докладывал, виновато спотыкаясь, про что-то свое, очень мелкое, увязая в подробностях, он никогда не перебивал, но и, казалось, не слушал. Взгляд его бродил по моему лицу, присутствовал и отсутствовал. Он улыбался, приговаривая:

– Да, да, да, хорошо.

Когда я заканчивал свой доклад, он слушал еще некоторое время с таким видом, словно я должен сообщить еще что-то. Потом он находил глазами старпома и говорил:

– Надо поощрить лейтенанта. Не все у него получается, но он очень старается. Это хорошо.

Лишь однажды мы увидели его бегающим по центральному и изрыгающим фантастический набор удивительных выражений. Но все были примерно в таком же состоянии и его тут же простили.

А случилось вот что: у нас была ракетная стрельба, и во время предстартовой подготовки в ракетные отсеки стала поступать забортная вода. Тут же провал по глубине, обесточивание щитов, мелькающие, трясущиеся люди – ад кромешный. Хуже не придумаешь. И вдруг ракетчик докладывает:

– Стартует первая!

– Есть! – говорит командир.

– Стартует вторая!

– Как стартует? – до командира дошло, за аварийной тревогой он совсем забыл, что у него идет ракетная стрельба.

– Как стартует? Стой! Отставить! Назад!

– Как же назад, товарищ командир? Они уже улетели!

Это были первые ракетные стрельбы стратегических лодок, а наша, да еще и с аварийной тревогой...

Магнитную пленку решили послать в научно-исследовательский институт для изучения ситуации. Когда ее там включили, то двадцать минут с нее лился фантастический набор удивительных выражений, а в конце после “Стартует первая” прозвучало командирское: “Как стартует?”

Он давно уже на пенсии, и когда мы встречаемся, лицо его молодеет.

Он слушает нашу болтовню, любит нас, ну совсем как дед своими внуками, подробно обо всем расспрашивает, во все вникает, глаза его сияют, и нет для него лучше минуты.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**РАССКАЗЫ ИЗ БОРТОВОГО
ЖУРНАЛА**

Очень хорошо знаю Люлина. Виталий Александрович замечательный человек, наш замкомдив. В море он с нами выходил не раз. Казалось, что он вообще не спит. Когда бы ни запросили его в каюте по «Каштану», всегда сразу: «Да!»

Вот его письмо: «Да, Александр, в море я спал не раздеваясь. Одевал на себя чистую эрбэшку (рабочее платье) и ложился поверх одеяла. Мгновенно просыпался (с совершенно ясной головой) в тот момент, когда гасла лампочка подсветки «Каштана» в изголовье диванчика-кровати. В каюте темно, лампочка постоянно светится, но как только в ЦП (центральный пост) включают тумблер каюты командира, она гаснет. Отвечал центральному: «Слушаю!» – когда он еще не успевал что-то сказать. Возникшая тишина (она всегда на лодке аварийная или предаварийная), немедленно катапультировала меня в центральный. Маневр всплытия – самый сложный и самый ответственный момент для командира. Оценив обстановку, он убегает в боевую рубку и уже из боевой рубки подаст соответствующие команды. Поверь мне, грамотный командир никогда (!) не будет продувать концевые группы, не оценив надводную обстановку и не приняв решение на всплытие в надводное положение. И даже всплыв в надводное положение (поначалу это позиционное положение) обязан (!) продуть концевые группы ВСД (воздух среднего давления), не расходуя запас ВВД (воздух высокого давления). Он ему нужен для выполнения маневра «сроч-

ное погружение», к которому подводная лодка должна быть готова всегда (!). Сколько времени потребуется на пополнение ВВД концевых групп? С полным запасом ВВД концевых групп можно уходить «по срочному» на глубину, а там уже «подбить» ВВД средней группы за счет снятия давления в отсеках. Времени на это – сколько хочешь. Можно ли срочно погружаться без запаса ВВД? Кувалде – можно, подводной лодке – нет. Ты своими размышлениями напомнил мне один случай. Отшвартовавшись с одной стороны причала, я влез на мостик корабля, стоящего с другой стороны в готовности к выходу. Комдивов Матушкин предпочитал всегда держать «под рукой», у НШ (Саша Петелин) было больное сердце (его старались беречь и в море не пускать), поэтому у меня был режим «поршня». Предстоял контрольный выход. «Азуха» (лодка 667-А проекта) старая, с «продленным моторесурсом». С совершенно неисправным одним из компрессоров. Горел график циклического использования РПК СН (ракетные стратегические крейсера специального назначения), коэффициент напряженности, и так далее, и тому подобное. Снялись со швартовых и пошли. Погрузились в точку «Я». Сутки отработывали элементы подводного плавания, а потом по плану должны были всплыть, надводный переход до места (из створа Кольского залива прямо на норд), погрузиться и следовать в один из полигонов далеко на севере для отработки ЗПС (звукоподводная связь) с лодкой, возвращающейся с боевой службы. Перед погружением получили устрашающую метеосводку о возможности урагана. Сводка стала оправдываться в ближайшие же часы. Семидесятые полигоны мелководны (чуть более ста метров), глубина погружения не более 50 м. На контрольном выходе сеансы связи по 4-х часовой программе, так что достоверность метеосводки проверяли при подвсплытиях на перископ. К назначенному времени всплытия ощутимо покачивало даже на 50 м. Прослушали горизонт, оценили

обстановку (по горизонту до 50 целей), начали всплывать под перископ. Учитывая сверхсложность обстановки, вместе с командиром поднимаюсь в боевую рубку. На 30 метрах начинаю поднимать перископ, поручив командиру быть на связи. Только высунулся из воды перископ – мазанул им по горизонту: «Продуть среднюю». Командир репетует. Грохот продуваемого балласта (сразу почувствовал, что это не только средняя дуется), лодка буквально вылетает вверх выше ватерлинии, плюхается вниз с намерением тут же погрузиться. «Обе турбины – средний вперед! Командир! Бегом вниз, доложи мне, что случилось!» Остаюсь на перископе и держусь на глубине под крышу рубки, не давая лодке погружаться, манипулирую ходами и даже задействую рубочные рули. Наше счастье было в том, что не сработала АЗ (аварийная защита реактора). Целей по горизонту, несмотря на сильнейший шторм – видимо-невидимо (шла путина). Всплыть окончательно не можем (один компрессор на все, его не хватает и может «перегрузиться»), погрузиться – смерти подобно, ВВД – ноль. Донесли о всплытии и следовании по плану. Дошли до места в таком положении, донесли о погружении, а сами продолжили движение в ситуации «горлышко» дальше. Около суток я провел в боевой рубке, вися на перископе. Болтаемся на столбовой дороге всех судов, идущих в Мурманск и на выход в море, на запад. Вертелся с перископом, как белка в колесе, не отрываясь от окуляра ни на минуту. Штурманский электрик припер мне сухарей и банку из-под регенерации. Сухари грыз, а в банку отливал. Откуда только бралось. Командир мне доложил, что откали электромагнитные клапана всей системы ВВД – поэтому сразу самопроизвольно продулся весь балласт. Врели, сволочи. Почти сутки они якобы устраняли неисправность, командир сидел в центральном, вся эта шушера изображала кипучую деятельность, а фактически пополнила ВВД одним полудохлым компрессором...»

Да, помню я этот выход. Это наша была «Азуха». Я там от качки сутки блевал.

Помните нашу «К-3»? Ох, сколько она крови химикам выпила. У нее была ограниченная производительность – 3 куба в час. Делим это на 25 литров кислорода в покое (сидя) и получаем 120 человек. А у нас ходили по 130-140 человек. Все встали – кислород поехал вниз. А трубы раздачи кислорода по отсекам забиты уносимой щелочью, автоматика из-за сопротивления снижает производительность, и без того низкую. Эксплуатировать на 500 ампер нельзя – это максимальный режим. В общем, что только ни делали, чтоб повысить ее производительность и чтоб она работала устойчиво: снимали трубы, кислород пускали мимо дозатора. Чудеса, да и только. И многого в инструкториях не было, техника была еще та.

Сначала я думал, что все люди вокруг меня такие же как и я, но потом, лет в десять, после множества ошибок я понял, что это не так. Вот это было открытие! Все были разные: большие, мелкие, умные, глупые, подлые, честные.

На флоте, чтоб не сильно выделяться (там это опасно), я принял такую форму поведения, что меня считали чудачком, артистом, гулякой, бездельником и даже лентяем. Я остер на язык. Это помогло сохранить себя. Много было всякого рода провокаций – от любимых органов и от начальства – но Бог миловал.

Я чувствовал командира. Причем любого. Я видел, что человек мается, страдает, ему не спится, он вскакивает, вздрагивает, напрягается изо всех своих невеликих человеческих сил, старается это скрыть от окружающих. Я старался помочь. Напрямую нельзя было это сделать, но на своем месте, в своей специальности...

Я видел моего первого командира Бусырева. Я видел

его, чувствовал как он. Я знал, что все дело в емкости души, что она у него небольшая и в ней есть все: лень, мелкое воровство, хамство, подлость, наплевательское отношение к людям как к ступеням на пути к его адмиральству – и в то же время есть страдание, широта, щедрость.

У Берзина прежде всего – благородство, честность, самообладание, а потом уже слабость, сомнения, метания. У него эта «емкость души» была самая большая. Ко мне он относился хорошо. Он знал, что со мной он не одинок, что не морозно спине, я его прикрою, я никогда не подставлю. Он меня оставлял с экипажем. Все в отпуск – я остаюсь, все из отпуска – я остаюсь. Я не возражал, не жаловался – ему надо было на кого-то опереться. Он звал меня с собой помощником, но я отказался: я химик, проклятое племя. На лодках к химикам относятся как к бездельникам. Среди нашего брата есть всякие, как и среди любого подводного брата, но химикам почему-то ничего не прощалось. Я не возражал. Людям порой и не положено было знать то, что знал я. Будут знать – лишняя паника. Этого не надо. У нас в походе есть такая дебильная штука, как снятие картограммы на 50-70 % мощности обоими бортами. В каждой реакторной выгородке по 38 точек. По 4 замера в каждой. Дозиметр на себя – и пошел. Обычно снимает мичман. А тут он приходит весь белый: «Диапазона на промежуточные не хватает. Я туда не пойду!» «Промежуточные» – это нейтроны. Они бывают быстрые, тепловые, промежуточные. Последних больше всего. «Рукой не пробовал прикрывать?» – «Нет». – «Что ж так? Хватило бы. Рука замедляет в полтора раза». (Разговор этот о том, что если прикрыть датчик рукой, то часть излучения ею задержится, и его уровень можно будет измерить, а потом умножить на полтора).

И такого в специальности химика немало. Знасшь, но говорить нельзя. Можно сказать командиру, но зачем его нагружать. Зачем ему говорить, что органика в воздухе от-

ссков влияет на реакцию, на скорость принятия решений. Что магнитные, электрические и прочие поля вызывают глюки, временную шизофрению, что после 120 суток похода («Акулу» однажды загнали на 120) необратимо меняется состав крови. Зачем ему говорить, что кислорода в воздухе должно быть не более 21%. Что если больше, то он сушит горло, выжигает ткани. У нашего механика была ишемическая болезнь сердца. Он любил дышать чистым кислородом. Встанет под раздатчик и дышит. Я говорил ему: «Не надо дышать чистым кислородом!» – а он мне: «Им же лечат». Одно лечат, другое калечат. Как ему объяснить?

Хороша ли ты?» – хочется спросить у сидящей рядом женщины. Ах! Можно и не спрашивать. Естественно, хороша. В профиль это очень красивая женщина. Она так сидела, и ее фас я не часто видел. Поэтессы мешали. Я присутствовал при чтении. Поэзия, знаете ли, отвлекает сильно. Особенно когда девушка сказала в стишке: «в Сену с моста...» – что я немедленно поменял на: «в сено с моста». Здорово.

Кто-то рядом спросил: не читал ли я Овчинникова? Овчинникова я не читал. Интересно, не он ли случайно написал роман «Ствол мамонта»? Нет? Жаль. Мне сказали, что он классик. Классиков роняют в ночи. Ложишься, берешь классика, говоришь про себя: «Значи-ца так!» – и роняешь его после второй фразы о вечном или былом.

Когда нет классиков, некоторые роняют мобильники в унитаз. Уронил, и тут же пытаешься его достать, ныряешь туда, не размышляя.

Это от того, что они классиков давно не читали. Им ронять нечего. А уж потом его надобно сушить. Это я про мобильник.

Люблю Олейникова за строчки: «Трудно думать обезьянс, Мыслей нет – она пост».

Письмо Люлина:

Что делали американцы, чтобы «служба нам медом не казалась».

После «героических» усилий по устранению неисправностей в системе ВВД (лапша на уши зам комдиву), погрузились (фактически) и пошлепали в заданный район, все больше отдаляясь от «столбовой» дороги. После длительного и увлекательного висения на перископе сил не было на тщательный разбор и «оплодотворение». Плюхнулся в койку «задуматься» на пару часов. С приходом в район подвсплыли. Доложились. Осмотрелись. Надводный и подводный горизонт чист. Погрузились и стали ждать встречи с лодкой (отработка ЗПС), периодически «аукая». Дождались. Подвсплыли по своим углам, договорились о взаимодействии и мерах безопасности по ЗАС (засекреченная автоматическая связь) и ушли на глубину, разбегаюсь как можно дальше друг от друга. Чтоб все по науке. Элементов совместной отработки было много и разных (спланировано), для чего получили с берега указание об изменении ритма связи (на 24 часа). Прежде чем разбежаться, еще раз «обнюхались» по ЗПС и побежали в разные углы – мы на северо-запад, они на юго-восток.

Подводная цель (своя) очень скоро была потеряна, но выявлены сначала три, а потом и четвертая надводные цели, появившиеся с севера-запада. Очень скоро они оказались в нашем районе.

Они были классифицированы как транспорта и один военный корабль (типа БПК или фрегата). Хорошо, но непонятно. Откуда они взялись, зачем и что тут делают? Уклоняемся, маневрируем сверхзаумно. Они тоже маневрируют, как привязанные веревкой. Режим «тишина» и все такое прочее, как будто от этого можно сменить паспорт нашей «ревущей коровь». И в этом самом режиме «тишины» получаем сообщение по ЗПС: «Рыбка плавает по дну, хуй поймаешь хоть

одну!» На русском языке. И далее полилось все такое прочее и в таком же духе. Изумление! Ну, не может наш собрат, не обменявшись «сверхсекретными»: «Первый, я второй!» – молотить такую чушь открытым текстом. То бишь, по ЗПС с нами говорят «враги». Молчим. Затаились – сил нет. Эта публика вдруг начинает шустро перемещаться в направлении нашего «второго». «Отрабатывает» его. Полигонное время истекает, надо следовать в надводном положении в Мотку. Но надо же и разобраться в обстановке, донести. О всплытии надо доносить за час до назначенного времени всплытия. Группа целей слабо, но прослушивается в направлении на остров Кильдин. Видимо, продолжает «пасти» нашего соратника. В перископ целей не наблюдаем. Всплываем. Еще не успели получить квитанцию на донесение о невыполнении плана и всплытии, как увидели, что группа целей с направления на Кильдин ходко шпарит к нам. Времени на визуальную классификацию много не потребовалось.

Танкодесантный корабль тина «Харлан Каунти» в охранении фрегата. В их же ордере – военный танкер и достославная «Марьята».

Здрасьте вам! Американцы. Шпарим средним ходом. Готовим донесение о «гостях», передаем и ждем квитанции. Квитанции нет. Куда они все там подевались? За это время «Харлан» со своими подручными сблизился с нами на расстояние матюка, поднял по флажному своду сигнал «Провожу учения. Прошу не мешать моим действиям», – и начал создавать ситуацию, ведущую к столкновению. На палубе у него толпы видео- и прочих операторов, лозунги на русском. У нас, кроме «лютой ненависти к звериному оскалу империализма», нет ничего, не оказалось даже пленки в задрипанном фотоаппарате. Там – множественная фиксация ситуации, у нас – дырка от бублика и вот-вот будет дырища в борту и даже гибель корабля в результате «безграмотных действий советского командира».

«Помеха» справа по носу у меня, обязан уступить до-

рогу. Всех сгоняю вниз, предупредив командира, что в случае необходимости уйдем по «срочному» вниз. Непрерывно уступая (как кот, который гоняется за своим хвостом), на среднем ходу играю «срочное погружение».

Через 20 секунд мы были на глубине 140 метров. Только после этого я отдраил нижний рубочный люк и спустился в центральный. В боевой рубке, опуская перископ, ясно слышал грохот винтов. Мороз по шкуре. Пронесло. Дунули в подводном положении на юг, поближе к терводам. Там всплыли. Получили приказание следовать в базу. Пошли. Куда деваться. Начали подмываться, готовясь к интервью с командованием. Красная нить – мы сплошные дураки (по данным разведки – это группа кораблей еще на расстоянии пятисуточного перехода к Баренцеву морю), а мы, видите ли, где-то откопали их. Цирк какой-то...»

(Да, так все и было – «срочное погружение» и грохот винтов над головой. Чуть-чуть нас не вспороли. А. П.)

Я же предупреждал: я – гений. Просто не все об этом знают. А поскольку давно уже существую в этом качестве, то к людям отношусь хорошо. Я позволяю им размножаться. Помнишь заветное: «Плодитесь и размножайтесь»? Я его только немного осовременил. Добавил: «Ну, что с вами поделаешь?!»

Нет слов для описания радости при виде их радости.

Да, да, да, их очень много: пропавших без вести, утонувших, сгоревших заживо моряков. Еще больше неморяков. В России все не для людей. Здесь все для чего-то – для государства и еще для чего-то, куда более бездушного – для легенды, истории, престижа, для мифа.

Что нам-то от этого мифа? Если это не для людей, то зачем это все?

Иногда меня спрашивают – мой ли опыт в истории «72 метра», и я отвечаю, что нет. Просто, когда писал, я нырял вместе с ними и прокладывал путь в темноте, наощупь, измерял метры до воздушной подушки.

Я покрывался мурашками, мне было холодно.

Я задыхался, хватал ртом воздух...

Лодки гибли и прежде. Люди замерзали в воде десятками. Люди переоблучались, взрывались, тонули, горели.

Но об этом не знала страна. Это не было позором на весь мир. Это был такой небольшой внутриведомственный позорчик, который все «ответственные» благополучно переживали. Конечно! Конечно, были смотры, осмотры, решения, постановления, обращения.

И промышленность привлекалась к разбирательствам.

Но! Проходило время и все повторялось. Опять – взрывы, пожары, гибель людей.

Письмо Люлина:

«С появлением «Харлана Каунти» (26000 т водоизмещения, из которых добрая половина еще и боевые пловцы и т. д.) головной боли на флоте прибавилось. Принцип «отодрать своих, чтоб чужие боялись» использовался нашим начальством повсеместно. Конечно, можно было их поугатать. Но они не из пугливых. Используя спутниковую навигацию, эта банда имела возможность «топтать» беленький бордюры наших тервод, не опасаясь последствий. И не опасались. Топтали и были всегда в готовности рвануть по «газону» Кольского и через 30 минут досконально изучить кипучую деятельность подводничков, славных гаджиевцев, по воплощению в жизнь круглосуточной задачи: превратить помойки в сад. Выскакивали несколько раз наши на продленном моторесурсе, пытались погонять нахалов, но моторесурс (собака!) не понимал того, что его

продлили, вынуждал возвращаться. Потом разборка, мат, порка, латание дыр и новые попытки вытеснить за пределы этих гадов. Несколько раз поднимали авиацию. Устрашала. Нарушала международные соглашения о недопущении пролета над, и т.д. и т.п. Через МИД пришла «порка». Своим, естественно. Может быть, там были «цветные доказательства» бестолковости советских командиров субмарин. (Ну наверняка где-то у них есть и моя фотография на мостике «Азухи» – вот бы заполнить!) Что было у нас против них? Да ровным счетом ничего. Кроме извечного вахтенного журнала, карандаша, ручки и бессильной злобы. Мат. Кулак. Озлобившись, решили «вытеснять» американцев ясное дело кем – ОВ-Рой (охрана водного района) в составе одинокого тральщика типа «Моторист».

В первый же выход «Моторист» задал им дрозда. Подошел к борту «Харлана» на расстояние плевка и как начал ему угрожать – у него там есть что-то, напоминающее пушку.

Беднягу «Моториста» (сто лет в обед) мучила отдышка, он чихал и кашлял, но демонстрировал непримиримость, неподкупную суровость, решимость умереть. Подействовало. С мостика «Харлана» свесился перепуганный американец.

Начал, сволота, протокольные мероприятия, «консенсуса» искал: «Хелло, командир! Судя по твоему возрасту, ты в возрасте своего тральщика, а уже капитан-лейтенант. Карьерист, наверное?»

«Слушай, командир, а кто это рядом с тобой суетится!» – «Замполит!» – отвечает командир «Моториста» с достоинством.

«А чем он у вас занимается?» – допекает американец.

«А хуй его знает! – хотел отбрить командир, но вовремя сдержался и отвечал вполне дипломатично. – Тем же, чем и Ваш капеллан!» – «Что Вы говорите?» – удивился американец и предложил произвести «ченч» – замполита на капеллана.

Внутренне командир был готов к такому «ченчу» (думаю, что и замполит бы не возражал). «Протокольные» переговоры продолжались. «Харлан» и грозный «Моторист» шлепали бок о бок по «бордюру» тервод в сторону Кильдина и обратно до Кольского и Рыбачего. Через некоторое время «Харлан» навесил над мостиком «Моториста» небольшую стрелу с грузовой сеткой, в которой находилась какая-то внушительных размеров коробка.

«Командир, прими от нашего стола вашему!» Шок. Изумление. Мучительные колебания, а потом: «А-а и хрен с ним!» – принял решение командир, и дал распоряжение заму приготовить что-нибудь в ответ. Американцы «Мотористу» – мороженое, соки, виски и прочие американские «гадости», примерно на неделю, а «Моторист» американцу (замполит расстарался) книгу дорогого и любимого Леонида Ильича Брежнева «Возрождение» – одну вязанку. «Ченч» состоялся. Отдали самое дорогое. По приходу «Моториста» выпороли, конечно».

В «Коте» есть рисунки.

«Там такие рисунки! – сказал мне один местный пуританин, – Как же я их покажу жене и детям?»

Я ему сказал, что он дубина. Просто теряю читателей. От книги к книге.

«Хороший» – это вменяемый. А «невменяемый»? «Невменяемый» – это нехороший. Видишь, как легко?

А «хорош»? Есть такое выражение «временами он был необычайно хорош».

Так вот «хорош» – это частично вменяемый.

Весь мир делится именно так: на вменяемых – их мало, невменяемых – чуть больше и – «хорош».

Генерал может быть всяким: от полного идиота до вполне.

У меня есть только один генерал. Зовут его Генерал Кожемякин.

Так вот он как-то сказал: «Если мне однажды придется сказать правду, то, я думаю, этим все и кончится».

И еще: «Разреши им говорить все, что хочу, и получится то, чего никогда не было», и «Парад – это когда налицо только я и руководство страны!»

И еще он сказал: «Я иногда размышляю о том, что должно произойти, и в голову приходит всякая чушь!»

Или: «Никогда не думайте о другом слишком плохо, потому что на поверку может быть еще хуже!»

Другие его изречения: «Чем больше барабанов, тем шире грудь!» и «Один ум – хорошо, а ваш – еще лучше!»

Тут его попросили как-то выразить благодарность родине.

«Родина моя дорогая! – начал он. – Родина! – повторил он. – Уже ли я... не мыслим втуне... не на потребу... не красно словца для... послыку... Родина! – и тут его начали душить рыдания. – Родина! – рыдания – Ро...» – а потом всё. Умер.

Шиза есть.

Объясняю на пальцах.

Самое вредное – это различные поля: электрические, магнитные и т.д. Чем больше лодка, тем больше на ней электро-механизмов, и тем сильнее воздействие полей на человека. У человека есть свое собственное поле – электрическое и магнитное, но оно маленькое. Это все равно, что ты все время находишься в состоянии магнитной бури. Выдерживаешь все это только по молодости. Потом – изменение давления воздуха. Давление воздуха в лодке за сутки может повышаться до 890 мм р. ст. (норма 760), и потом за один час давление меняется до 690 мм (для сравнения – бабушкам становится

плохо при падении давления за сутки на 20 мм, а здесь за час – 200). Потом воздух искусственный, содержащий до 300 ароматических составляющих, которые далеко не витамины. Предел для подводника по возрасту – 40 лет.

Дальше здоровье катится, как с горы. Хуже всего командирам, они, как правило, едва переваливают за 40 (Лячину было 42). А друг мой медик, и диссертация у него секретная. По ней выходит, что шиза у подводников после похода вроде бы «наведенная», на берегу она постепенно пропадает. Кроме плохого самочувствия, плохого сна, ослабления внимания, памяти, могут быть депрессии, истерия и т.д.

Ну, подумаешь, они себя плохо чувствуют. Они себя неплохо чувствуют, они с ядерным оружием на борту. Вот будет у нас страховая медицина, все, как миленькие, будут плавать 60 суток.

Лячин и экипаж были измотаны автономкой и учениями. Они больше суток по тревоге сидели. Я как-то делал расчет: получалось, что некоторые из них не спали по двое суток. А подготовка к торпедной стрельбе? Да торпедисты вообще света белого не видели. В этой ситуации они могли сделать что-то неосознанно. И наверняка сделали. А теперь с легким сердцем можно всю вину переложить на экипаж.

Все-таки мы отличались от поколения подводников шестидесятых. На дворе было другое время. И мы уже были друзьями. Я пришел на северный флот в 1975 году. В 1976 был назначен на 31 дивизию, и к этому времени я почти начисто лишился всех иллюзий насчет партии и государства.

И романтика моментально испарилась. Ходили в море и считали это работой.

А сейчас я встречаюсь с тем, что чем меньше люди в море ходят, тем больше у них любви к нему и к «железу».

Меня даже спросили, нет ли у меня дома эбонитовой лодочки. Да у меня даже значка за «Дальний поход» нет.

Все раздал на дорогах в зону и из зоны, когда свои фильтры вез. Везу – хлоп! – зона закрыта, идут работы (погрузка ракет). Достая значок – и «зона» открывается, как гора после травки «Сим-сим».

Я спрашивал у тех, кто войну прошел в самом пекле (не только у отца и деда): на дух не переваривают всякие «сувениры войны» из гильз и прочее.

Если б все было, как у американцев (цикл: 60 суток в море – 75 отдыха), то тогда можно винить людей за любые нарушения уставов, инструкций. Создайте режим, потом спрашивайте. Космонавтам – можно создать, а подводникам нельзя? А что хуже: корабль с орбиты свалится или лодка ракетами долбанет?

Письмо Люлина:

«Ты совершенно прав относительно непредсказуемости деяний подводника, «пронизанного марксистско-ленинской идеологией» и находящегося в море большую часть года. Один пример. Было это на моей 193-й (К-193), в мою бытность командиром. Мы ушли под лед «за того парня» (бросили в автономку внезапно, за «кого-то»). Практически через несколько дней после возвращения. Ушли. Под самый 86-й градус. Тишина и благодать. Над башкой – от восьми до девяти метров ледяной крыши. Без трещин, разводий и польней.

Приледнился, послушал и опять поглубже. Донная характеристика на морских картах – чиста как простыня перед первой брачной ночью.

Нет промеров, нет данных. Значит, опасность равнозначна, что над головой, то и под килем.

При такой толщине льда возможны встречи с вкраплениями айсбергов (айсберг – 1/7-1/8 над водой, все остальное под водой).

Берегись и стереги Родину на глубине не менее сотни метров. Бережемся и охраняем уже суток двадцать-тридцать. По мере возможности обслуживаем матчасть. На какой грани риска все это делалось – ты знаешь. Запросил разрешения «погонять» ТПУ и минер. Что он там со своей шарагой делал, одному ему известно. Но. Акустики начали будоражить ГКП (главный командный пункт) докладами о шумах, не классифицируемых ну никак. Это и не биологические шумы, и не шумы винтов подводных целей (надводных там быть просто не должно). Все ухищрения (специальное маневрирование по глубине и курсу, осмотры и доклады отсеков, режимы «тишина») не помогли. Только объявишь БГ №2 (боевая готовность № 2 – на постах одна боевая смена), от мест отойти и т.д., как через какое-то время обнаруживаются эти шумы. Докопались. Командир решил «продуться» в гальюне первого. И «застукал» минеров, на чем бы ты думал? Ни в жизнь не догадаешься. Минеры пытались «укоротить» ТПУ ножовкой по металлу. После обслуживания оно у них не занимало исходное положение, и они решили, что ТПУ длиннее сантиметров на 7-10 (?!). Было принято «мудрое» решение отпилить лишнее ножовкой. Каково?! Могли ли нормальные люди до такого додуматься? В таких случаях я не устраивал немедленных «истерик», предложил вместе заглянуть в «святцы» – в инструкцию, и вернули ТПУ в исходное положение.

Потом «выпорол». Минера главного. В своей каюте. Это был великолепный образчик. Страниц на 200 минных «приколов». От потрясающей выносливости и исполнительности до детской непосредственности на грани тупости откровенной. Теперь не сомневаюсь в нашей беде – люди просто шизанулись. Нельзя насиловать людскую физиологию».

– Когда у нас заговорят о людях? Все о «железе» и о «железе». А о людях?

Они же живые – разговаривают, смеются, встречаются, рыдают.

Письмо Люлина:

«Ни журналистам, ни кому другому не понять того, что ты раскладываешь по полочкам – как ответственный за микроклимат. Совершенно с тобой согласен. Очень благодарен судьбе и жене, когда она впервые заявила мне: «Мне нужен муж, а нашим детям – отец. Откажешься от Киева и поедешь на Камчатку – будешь там служить без нас. Мы уедем в Азию».

Для принятия решения у меня было не более двух часов».

Теперь о штурманах в море

Бедный мой кореш спал по 4 часа в сутки, пришел с моря в три раза похудевший, лицо черного цвета, глаза в заднице... Ужас. И сказал мне, так задушевно:

– Я шелест кальки слышать не могу...

Оказалось, что с каждой карты он делал по три копии на кальке, а это – привязать кальку к сетке, поднять берега и весь путь лодки скопировать в точности – и это минимум, а ведь наши начальники, идиоты, любят еще и «петухов пустить», чтобы красиво все было.

А «люксами» нас назвали, наверное, потому что у нас на первый взгляд чистая работенка, бумажная... карандашик... колючка... секстан... красивая линейка... песня! Они, когда нас так называли, меня не видели, заваривающего щит якорного клюза...»

Ох уж эта материальная часть! К-3 – это установка кислородная. УРМ – углекислотный регенератор морской. Кстати, я не Кулибин. Я руками почти ничего не могу делать. Могу только писать, рисовать и лепить из пластилина. С железом

возиться не люблю. Я его просто чувствую как доктор. Могу сказать, где болит. Мои мичманы на меня смотрели, как на чудака, – ни черта руками сделать не может, а с койки слез и говорит: «Только без паники. Посмотри-ка вот этот узел». У меня потому до сих пор и машины нет. Не лежит душа. Я с цветами разговариваю, с собаками, с воронами. Тут на меня напали вороны: у них птенец полетел, так они совершенно обезумели, налетали на все, что движется. Чуть затылок не продырявили. Я им лекцию прочитал о том, что не надо быть идиотами. Отстали. А с компьютером такое было: кончилось время на карточке, а мне письма надо отправить. Я ему говорю: «Ну же, давай!» – и он послал. Но один раз.

И еще я не люблю шумных сборищ – футбола, например.

А про то, как человек чувствует себя в отсеке, я еще напишу. В отсеке я по запаху неисправность находил.

Даже команду подавали: «Начхиму в первом обнюхать-ся!» – все на полном серьезе, никаких улыбок.

Я на лодке делал воздух. Давал по отсекам кислород, собирал углекислоту.

Мне ребята до сих пор мой воздух помнят. Я уже забываю, а они нет. «Саня, – говорят, – мы тебя за это дело жутко уважали».

А я, между прочим, и не особенно свои действия афишировал. Потому как здорово нарушал инструкцию.

По башке тут же бы настучали, если б я свои «художества» обнародовал.

Я потом и в Питер по этому поводу в институт приехал.

«Возьмите, – говорю, – у меня мое изобретение. Углекислоты по отсекам вообще не будет. Мне оно не нужно. Я в Северодвинске на порезке стою». И мне сразу в институт предложили. Перевелся, а там и перестройка, и не надо никому ничего.

Я и реактор чувствовал. Есть в его гудении тревожные нотки или нет. Там все органы чувств шли в дело. Сперва запах. Входишь в отсек, обязательно понюхай воздух. Не должно быть

ничего раздражающего. Воздух на вкус попробовал – вроде норма. Потом звуки. Ничего постороннего. Теперь посиди рядом с прибором, глаза закрой – как тебе, ничего не давит? Здоровый прибор не давит. Больной – очень давит.

Я спал и знал, в каком отсеке какая группа УРМ в каком режиме работает.

С К-3 так же. Ее не зря «Катюшей» называли. Только с лаской работала. Иначе – хоть тресни. Открывай инструкцию и читай, а там – «замените предохранитель», «промойте», «смените фильтр» – да черта с два!

Пока не поздороваешься, не работает. И на разных лодках – разные машины. У каждой свой характер. Покладистый, безотказный или вздорный, заносчивый.

Такие дела...

Подводники – товар штучный. Из десяти командиров только один настоящий.

Иногда просыпаюсь и не могу понять, где я. А самый глубокий сон – это когда я спрашиваю себя при пробуждении: кто я?

Однажды на ПКЗ, я тогда лейтенантом был, заперся в каюте после обеда. Прилег в койку, лежу, не сплю, все слышу, и вдруг такая тяжесть навалилась – не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, а потом ощущаю себя висящим над собой же, лежащим. Причем тот, лежащий, воспринимается как вещь, пальто, – навязчивая неуклюжая тяжесть. Мысль – наконец-то, здорово-то как, все могу, легкий, могу лететь, радостно. Потом в дверь постучали, и я как-то вошел сам в себя. С тех пор смерти не страшусь.

Утренний рассказ моего сына: «Родился я не здесь. Далеко отсюда. В глубинах Вселенной. Иду по коридору, там еще свет впереди, а в конце его – matka. Она меня и родила. Как, впрочем, и всех остальных. Кто без слов не может – люди, кто может – животные. Я захожу в магазин:

родителей выбирать. Говорю: «Мне эту маму», – мне говорят: «Тысяча долларов», – я: «Чего так дешево?» – мне отвечают: «А у нас, если добрый человек, то дешево стоит, а если злой, то дорого. Все наоборот».

Я: «А папу – этого», – мне: «Этот – две с половиной», – «Что, злой?» – «Нет, просто дороже».

Письмо Жойдика:

«Ну и теперь о «Минске». Вообще-то 10-я ОПЭСК – это самое дебильное место службы в Приморье. Поселок Тихоокеанский (Шкотово-17), а ныне – город Фокино, ставший городом после того, как практически все корабли продали, 4-ю флотилию подводных лодок уничтожили, и все жители разъехались, – совершеннейшая клоака. Единственное кафе, где пьяные военнослужащие любых рангов снимают женщин и бьют друг другу и гражданскому населению морды, – вот и все развлечение. От Владивостока два часа на автобусе. И вот он – Техас. Еще полчаса – и залив Стрелок, бухта Разбойник, где все это хозяйство и базировалось.

Я проторчал на «Минске» месяц на корабельной практике в 1986-м году. Левый заряжающий носовой артиллерийской башни. Я там был-то раза три, а так – приборки и попытки выбраться на палубу, используя систему маркировки шпангоутов, чему я научился на исходе практики. 1 500 человек экипаж. Что-то порядка 11 палуб и двух платформы. От гиропоста до мостика идти 20 минут спокойным ходом.

Силовая установка – паровые котлы типа КВН. Как только даешь реверс – он дается, но вся установка просто выгорает. И ремонт. В «Дальзаводе» он стоял по два года, напичканный крысами, и перегораживал полбухты Золотой Рог. Высота борта – 15 метров.

Как-то был случай. Я на спасателе к нему подходил, моряка искали – упал за борт. А чего его искать? 15 мет-

ров – не шутка. Во Владивостоке пирса для него не было. Выгоняли в Амурский залив на «яшку» (якорная стоянка), там и стоял по 4 месяца подряд, глаза мозолил местным жителям.

А еще мы на нем в Северную Корею ходили... Максимальный ход – 12 узлов. Все трясется так, что предметы трудно различать.

И, тем не менее, ТАКР – тяжелый авианесущий крейсер проекта 1147.

Закончили мы переход в Приморье на утилизацию, с Камчатки в Большой Камень. Ну, в Камень очередь лет на сто, так что поставили нас в базу 4-й ФлПЛ, в бухту Павловского или, попросту, Павловск.

Приходит сначала к нам местный начальник гидрографической службы и дает указания: по прибытии ГТОшников им не препятствовать, пусть снимают что хотят, лишь акты на списание должны составляться... ну и так далее. Нам-то что? Все равно на помойку бедный пароход. Вот приходит ко мне один такой и начинает «Снегирь» курочить. А «Снегирь» у нас был в полном порядке во всех отношениях. Жалко... Но все равно же... «Давай, – говорю, – иди, курочь...» – а он мне: «Лейтенант, ты не расстраивайся! Это железо в дело пойдет! А вот что я в первой точке видел!..» – «А что такое? Это вообще о чем?» – спрашиваю. Он мне: «В первой точке (имел в виду точку якорной стоянки номер один) стоит «Минск». Знаешь? (Я кивнул – мол, еще бы!) Так вот я этот «Минск» весь на пузе прополз, наизусть знаю. А недавно нам сказали сходить на него, что-то снять из железа... Я поднялся на борт – мать честная!.. Просто корабль-призрак. Все разграблено. Все 6 столовых просто уничтожены. Кают-компания, где были и аквариумы, и ковры – нет ничего. Все разграблено, а на каком-то одиноком сломанном столе на-срана куча говна. И ведь на этом корабле еще служба несется!.. Там мы брали – кто сколько унесет. Никаких актов, никаких бумажек... «Берите все, что хотите, только

пароход не утащите, нам он еще пригодится...»

Я спрашиваю: «Ну, а «Новороссийск»? Это же совсем свежий пароход по сравнению с «Минском»? С ним-то что случилось?»

Он мне: «Ну, вроде бы, пожар был... Хотя говорят, что все... подстроено. Да что теперь говорить? Смысл один – продали в Корею. Так же разграбили и продали. Но гадить особо не давали – все надо было сделать аккуратно, желazo особо не давали снимать, только секретную аппаратуру». – «А что, он у нас не весь секретный был?» – спрашиваю. Мнется: «Да хрен его знает...» – «Ну, а «Минск» куда?» – «Говорят, на Камчатку, как учебно-тренировочное судно для военно-морской авиации».

Вот такой был разговор, из которого я понял, что даже и у такого проныры павловского, как этот ГТОшник, сердце болит за то, что сделали с этим кораблем.

Ну, а потом я слышал историю про РК «Фрунзе», сгоревший у пирса в Разбойнике, сам видел КИК «Маршал Неделин», стоящий с креном на правый борт в бухте Малый Улисс... – видок, доложу я вам! Сердце действительно сжимается от того, что такие исполины Минсудпрома просто брошены на произвол их корабельной судьбы. Больно и жутко смотреть. Но их судьбу я уже не знаю. После истории с «Минском» и «Новороссийском», двумя однотипными кораблями-монстрами, легкой хмельновской рукой списанными и проданными, я потерял к этому всякий интерес...»

Да, списано и продано. По цене дерьма...

Про «Робинзона» (бедный «Робинзон»).

Ни один мой рассказ не вызывал еще такого разнообразия откликов.

Кому-то кажется, что текст должен быть суше, другие говорят: «А где его переживания?» Третьих не устраивает, что мало текста. Но все сходятся на том, что страшно.

Хорошо, что моего «Пса» в «Коте» еще никто не читал.

Записка с «Курска» Робинзону не указ. Он действует так, как и должен действовать человек в подобной ситуации – по наитию.

Он все сделал правильно. Как в замедленном кино, и как будто не с ним все происходит. Защитная реакция организма. Все видишь как со стороны.

Подводники себя ведут не так, как все люди. Они могут сидеть, ждать смерти и анекдоты травить. Так на «К-8» было. Сидели, глотали угарный газ и анекдоты рассказывали. Их потом достали, но кое-кто из них задохнулся.

Женщина в садике перед домом, обращаясь в кусты: «Брось палочку!»

Я шел мимо. Сочетание этих двух слов, а так же варианты «Кинул палочку!» или «Палку кинул!» – у военных напрямую связаны с половыми отношениями. Так что, слушая тетку, уговаривающую кого-то в кустах «бросить палочку», я даже... зарделся...

Слова – всего лишь особый вид вибрации. Они так все усложняют...

О флоте я писал для себя, я так себя развлекал. Я никогда не страдал от того, что пишу в стол и что только через десять лет, благодаря перестройке, мои писания увидели свет. Вот и фильм сняли. Меня часто спрашивают, говорит ли флот таким языком, и я отвечаю с гордостью: теперь говорит. Наверное, это гипербола, он говорил и до меня. Просто хочется думать, что я дал флоту миф, и этот миф ему понравился.

Мои рассказы защищают человека на флоте. Начальство всегда относилось к людям, как к отработанному материалу. Это гнусно.

Смех, мне кажется, говоря высоким «штилем» – дело Божье, этакое вселенское всепонимание.

Человек смеется, потому что он счастлив тем, что он понял.

Это как прикосновение, посыл «свой – чужой».
Засмеялся – свой.

Еще раз: бездушие на флоте – это принцип. Слабые не выживают. Сильные зачастую не так чувствительны, может потому они и сильные. Чувствительные в начальство не попадают. Может, потому оно и бездушное.

Затеял такой сборник – «Покровский и братья». Веселые и не очень рассказы тех, кто служил.

Говорящего не превратить в скотину. Хочется, чтоб армия заговорила.

На глубине более ста метров в Баренцевом море почти круглый год температура воды близка к нулю. Когда из затонувших и поднятых через год лодок доставали подводников, то они были как живые. На воздухе лица их начинали быстро темнеть. Как в ускоренном кино – взрывное тление.

Выносили их и молодые матросы. Всем давали спирт.

Но особенно тяжело было доставать из отсеков тела после пожаров. Рассказывали, что он вроде целый, а как тронешь, так и пошел в руках – «как вареная рыба...»

На корпусе стоял бидон со спиртом. Ребята, перед тем как спуститься в люк, хватанут и пока стоят в очереди на спуск – пьяные, а как выходят из лодки, так уже все трезвые...

В День ВМФ старички приходят на пляж Петропавловки. Чувствуется, что они с флота. Они загоняют друг дру-

га в воду, купаются. У них повадки мальчишек. Официальный праздник на Неве еле теплится. Вода в Неве в середине лета холодная. Я смотрю, как дедушки подгоняют друг друга: «Давай! Лезь в воду! Зачем мы пришли?» – и думаю о том, что в России любовь к родине безответна.

Что касается того, что меня помнят как болтливового, но работающего каприта.

Наверное, что-то похожее было. Курсантов привозили много. Был ли это я, сажающий траву? Может, и был, я много чего сажал. Почему-то считалось, что куда меня ни пошли, я всегда там буду к месту. И классного специалиста, капитана третьего ранга и, тем более, химика, можно было вооружить лопатой. и при этом он копал за троих. Похоже на меня. Не отпираюсь.

Я сажал траву, убирал камень весом в 50 тонн силами 50-ти матросов-узбеков, принимал швартовые, подавал трапы весом в тонну шестью матросами (плюс я), ловил налету падающий за борт компрессор ЭК-10 (вес 350 кило), опускал в люк лодки по три мешка сахара за один раз (150 кило) с помощью своего подчиненного по имени Алмаз Мукамбетов, ловил диверсантов, хоронил, перевозил гробы, стрелял из пистолета и автомата, ломал колесо унитаза, расшибал ломом ледяные глыбы, свозил их, впрягшись с двумя мелкими киргизами, на лотке в залив, заводил машины в тридцатиградусный мороз с помощью кривой железки, грузил, возил, тащил, спускал, поднимал, разбрасывал, собирал и вталкивал в грузовик сочащееся.

Про «К-19» много в 1975 году говорили, и горела она не один раз. Та авария расписана в секретных журналах. Доводилась нам «в части касающейся». Про то, что слушать на ней отказывались, я сам слышал. Подводники су-

сверны. Не зря же ее «Хиросима» называли и песни про нее складывали.

Про первого командира ее Затеева говорили хорошо. Людей спас.

Тогда же про радиацию ничего не знали. Первые поколения лодок. Народ с них часто от рака крови умирал.

Записки третьего командира «Хиросимы» Ковалева не читал. Может, и рвались служить на нее, но Тарле в свое время говорил: «Никто не врет так, как очевидец».

Время уходит, и события выглядят уже по-другому.

То, что они шли на смерть – кто же отрицает? Шли. Только это у нас буднично. Без слов «И вот тогда, совершенно добровольно в этот ад пошли наши товарищи». Без пафоса. Просто пошли.

По поводу фразы «Началась беготня. Ажиотаж. Совещание. Свалка. Мандраж. Время на секунды». Кто же говорит, что это паника? Но знаний о реакторе тогда даже академикам не хватало. Да и реакторы, и все оборудование 1-го контура, были далеки от совершенства, и вина в том не только завода в Северодвинске, проектировщиков, в том числе и «Рубина». Просто не все сразу получалось. Нужна была практика. Часто кровавая. Не здесь ли кроется причина нежного отношения «рубиновцев» к «аварийщикам» с «К-19»? А про ажиотаж я сказал потому, что вообще-то и по другим приборам 1-го дивизиона можно установить, есть давление в 1-м контуре или нет. А не только по манометру. Они сами резали по трубе, а в первом контуре в этот момент был не ноль – было не меньше 150 атмосфер. Это как? Вдумчивое решение? Или, все же, время шло на секунды? В «Рубине» эту аварию должны хорошо знать. Нам, во всяком случае, ее доводили именно так. Я не виню людей. И не могу их ни в чем винить. Тогда (да и сейчас) считалось, что офицер до всего доходит своим умом. Иногда это стоило жизни. Иногда лодки гибли. Так, может, дешевле людей учить?

Затеев хороший мужик, судя по всему.

У нас принято обвинять командиров. Причем его обычно обвиняют люди, которые никогда командирами не стали бы.

История гибели «К-19» уже описана. И ни один раз. Писали очевидцы, участники, противники, сторонники.

Даже Николай Черкашин о ней написал. Он вообще об авариях пишет.

Называть водку «К-19», наверное, не стоило, но таков мир. Кому война, кому мать родная.

А командира на лодке «капитаном» не называют. В песнях – может быть, на железе – нет.

Вчера приехал в Питер один мой однокашник по училищу. Тот самый, что есть в «Каюте». Он на курсе молодого бойца, когда мы еще присягу не приняли, командовал нам: «Встать! Сеть!» По многу раз. Тогда я считал его мерзавцем.

А теперь, говорят, он глава администрации Шкотовского района Приморского края на Дальнем Востоке. И ушел в запас он с адмиральской должности, был начальником тыла. И еще говорят, что он очень заботится обо всех, взял несколько наших однокашников на работу.

Он устроил встречу для ребят в ресторане, говорили, что там все было хорошо.

Но я не пошел. Вдруг он действительно стал другим человеком?

Мне все-таки дорого то юношеское отношение к нему, как к мерзавцу.

Да, о национальности. Нам плевать было на национальную принадлежность. У подводников ценится только знание и самообладание. И будь ты хоть арийцем златокудырым, хоть негром губатым – итог один: не знаешь – вон.

Когда-то в детстве я ходил на карьер с взрослыми ребятами. У них была «воздушка» – ружье, стреляющее такими маленькими пульками. Эти ребята стреляли лягушек. Они стреляли лягушке в голову, а потом наблюдали, как она умирает. Я не мог этому воспротивиться. Я был очень маленький. Я стоял и плакал. А они смеялись: «Над лягушками!»

Если б я встретил их сейчас, то в лучшем случае не подал бы руки.

А то и морду бы набил. Я теперь сильный.

За тех лягушек.

Читаю: «Мне, как старшему помощнику командира подводной лодки «К-19» с сентября 1965 года по июнь 1967 года и командиру «К-19» с июня 1967 года по октябрь 1969 года, выпала честь воспитывать экипаж на славных традициях, заложенных первым экипажем под командованием Николая Владимировича Затеева. Подводная лодка «К-19» в 1968 году была признана лучшей подводной лодкой Военно-Морского Флота!» – это Бекетов Ю.Ф.

«Мы на ней с рождения до се тризны...» – на глаза наворачиваются слезы (как написала мне одна девушка).

«Жалко нашу ласточку, смотрите, какая она красавица!» – а это Иванов и Кузьмин.

Я отписал, что не будем забывать про год – 1965-й.

Они просто другие. Подводнички тех лет. Они ходили в автономки по 15 дней кряду и считались героями. У них «текли» парогенераторы. На большее их лодки не были способны. Это после истории с «К-19» многое в ЯЭУ доделали и переделали. Так что в море они ходили меньше нас. Давно замечено: меньше моря – больше пафоса. С 1978 по 1983 год я ходил по две в году по 90 суток каждая плюс 2 контрольных выхода по 10 суток – это уже 200 плюс по мелочи после похода суток 20 плюс на задачи еще 20.

Итого в году – 240 в среднем. А были и тяжелые года – по 260. А зам. комдивы ходили по 300. Прыгали с корабля на корабль. Там не до пафоса. Один мат.

«И этих, с «Комсомольца», отличает уровень выучки», – еще одна цитата.

На «Комсомолец» посадили неподготовленный экипаж и отправили его в море. Вина не экипажа, а командования, принимавшего решение по их отправке. «Комсомолец» считался неплохим кораблем. О его конструктивных достоинствах и недостатках можно спорить. Если всплывающую камеру в море на госиспытаниях отрывает и она тонет, то это, наверное, не вина экипажа и его выучки. Если ШДА при пожаре выдают в отсск СО, и резина маски приклеивается к лицу, и ее отдирают с мясом, то как это прикажите называть? Если клапан ВВД имеет прокладку, испаряющуюся при пожаре, отчего в закрытом состоянии он травит воздух – то причем тут выучка? Если люди, собравшись во всплывающей камере, вручную пытаются подтянуть и задраить нижнюю крышку, а она с перекосом, негерметична и ее при этом заклинивает, то какие претензии к людям в ней?

Письмо:

«Саша, это было опубликовано в газете «Труд-7» от 24 июня 2004 г. стр. 21.

«Заявление. Я, Бутейко Мария Даниловна, 1970 г. рождения, прошу назначить мне алименты на мою дочь 1998 г. рождения. Удивитесь, при чем тут ваше медицинское заведение – вы ж не роддом. А при том. В начале прошлого года мой муж, будучи находясь за рулем в состоянии нетрезвого опьянения, налетел на бетонный столб с тяжелыми последствиями, про какое ниже. Я пошла его навесить в травматическую больницу, то есть к вам. Дежурная глянула в список и сказала, что пациент Бутейко лежит в 26-й палате, причем сильно ушибленный в голову и вооб-

ше верхнюю половину своего человеческого туловища. Я пошла посмотреть. Висел на растяжках, в гипсе, да еще сплошь обмотанный бинтами, так что виднелись только глаза и ротовое отверстие.

Какой ни есть поврежденный, а супруг, и я стала отпавать больного сливками, медом, собачьим салом и прочими дефицитами. Выполняла это каждый день ему в лежачем виде в теченис месяца. Когда же платить сестрам за ночной уход стало нечем, я начала оставаться в палате до утра. И так продолжалось еще недели три.

И вот, наконец, его размотали, и что ж я обнаружила? Этот вовсе не мой муж! То есть, тоже по фамилии Бутейко, но Анатолий Николаевич, тогда как мой – Петр Карпович. Однако в женской консультации мне сказали, что уже поздно.

Конечно, вам любопытнo, где все это время находился мой законный? Не знаю. Скорей всего, у той курвы, какую катал в машине, а может, у какой другой. Во всяком случае, дома его присутствия не наблюдалось. Когда ж через полгода он, то есть Бутейко П.К., заявился, я была уже сильно в положении от травмированного гражданина Бутейко А.Н.

Однако тот жениться на мне категорически не в состоянии, потому как я официально в состоянии замужем за Бутейко, который П.К., сам же он женатый – на особе, каковая в настоящий период проживает за границей, а именно в городе Шебекино Белгородской обрасти. В результате полученного мною ошибочного зачатия у меня родилась дочка по фамилии Бутейко, а по отчеству то ли Петровна, как мои старшенькие, то ли Анатольевна – от своего поврежденного отца.

Вина во всем этом происшествии, ясно, лежит на вашем лечебном заведении.

Потому ввиду моего затруднительного материального положения прошу в моей алиментарной просьбе не отказать.

Бутейко М.Д., кормящая мать»

Белая ночь, часа три, светло. На улицах Питера редкий народ. Всем почему-то радостно. То ли от воды, то ли от света. В районе Дворцовой площади навстречу идут, обнявшись, два совершенно счастливых парня. На них белые брюки, белые рубашки. Всем встречным, улыбаясь до ушей, они сообщают: «Нет! Мы не пидоры!»

Август. Принято вспоминать про «Курск» и вообще вспоминать.

Подводники немного другие. Не такие как все. Этот мир для них не реален. Для них реален тот, подводный мир, где опасности со всех сторон, а этот – какой-то несерьезный, смешной. А еще они проверяют этот мир на прочность или опасность. Они словно говорят: «Смотри, он же гнется во все стороны, как обычный картон, он совсем не опасен».

Вот идут два лейтенанта по Троицкому мосту в Питере, в форме, при всем параде. Один другому говорит: «Спорим, что сейчас с моста прыгну?» – и прыгает. Там метров двадцать пять до воды.

Еще о «Курске». Государству я не верю. И в 6 часов жизни тех, в 9-м отсеке, не верю. Если подводник пишет записку – значит, он боролся до конца. Не меньше трех суток.

Да, они могли выйти. Но надо было выходить самим. Сразу. Не ждать помощи. Помощь от адмиралов всегда придет невовремя. Холодная, бесстыжая сволочь.

Те ребята мне в сыновья годились.

Конечно, им надо было сразу собраться в 9-м, снарядить всю регенерацию, подготовить люк к открытию, одеться в теплое белье и СИП, растянуть тубус на люке, обступить его со всех сторон и дать в отсек ВВД. Чуть больше 7,5 кило (над люком было 74 метра). Если повышаешь давление за минуту, то кессонки не будет. Давление чуть выше

7,5 – и крышку люка сорвет, вода войдет внутрь и будет стоять у края тубоса. Под него – и выныривай. Свободно всплытие без аппаратов. За минуту вышли бы все.

Но это так. Взгляд со стороны. Никто не рассчитан на такое напряжение. Никто не рассчитан на то, что ведешь себя умно, не теряешь самообладания, когда от удара тебя мешают с ящиками ЗИПа и сорванными с места электрощитами.

Рассказали одну историю. Мама и ее взрослая дочь возвращаются с дачи, идут полем к электричке. Маме захотелось пописать, она ищет кусты. Кустики есть, но только они редкие и жидкие какие-то. Она лезет в них задом, а дочь ее корректирует, обе при этом кричат.

– Видно?

– Да, да, видно, еще дальше.

Мама – женщина, кстати, необычайно дородная, с приятными, хоть и огромными формами – пятится дальше в кусты.

– Видно?

– Да, да, давай еще!

Она еще пятится, и еще, и еще.

Наконец, дочь ей делает отмашку – начинай! – она садится и натруженно ссыт.

Когда она уже встала, облегченно натягивая трусы, сзади раздался голос:

– Хорошо, что не в стакан.

Она обернулась в небывалом смущении, и перед ней предстала картина: три мужика, расположившись со стаканами в руках на травке, в ужасе наблюдали, как на их скатерть-самобранку из кустов неумолимо, как бульдозер, руководимый далеким бригадиром, надвигается необъятная женская задница.

Позвонили со шведского телевидения. Шведы нашли в

своем фьорде на глубине 115 метров затонувшую подводную лодку.

«Вы, как эксперт, могли бы нам сказать, русская это лодка или нет. Мы смотрели ваш фильм...»

Я сказал им, что я не эксперт, а писатель. Потом согласился – присылайте фото, посмотрим.

«Водолазов надо спускать!» – «Глубина там большая!» – «Какая же она большая, чуть больше ста метров!» – «Там сильное течение!» – «Для хороших водолазов это не проблема. Возьмите русских!» – смеются.

Русские водолазы – это хорошо, конечно.

Подозревают, что лодка 50-х или 60-х годов. По натовской классификации «Фокстрот». По нашей – 641 проект.

«Там еще за рубкой у нее зенитная установка! И обратите внимание на иллюминаторы на рубке! Их очень много!»

Ну, да. Ставили такое когда-то, но после войны уже всем было ясно, что главное для подводника – нырнуть и уйти, оторваться от преследования маневром по глубине и по скорости, а не вступать в дуэль с самолетом. Тот всегда в плюсе. Но это знание пришло в военные умы не сразу. Все пытались из лодки танк сделать.

«Мы думаем, что это русская лодка!»

«А почему не немецкая?»

«Немцы сообщали о всех своих потерях! И координаты давали!»

Боже ж ты мой! Уже весь мир знает, что только русские бросают своих.

Человек служивый здесь, в России, должен понимать, что только от его умения и зависит его жизнь. Ему надо, наконец, сказать: «Тебя никто не будет спасать. Наоборот, если ты в этой стране спасешься сам, то придет дядя прокурор и оценит, так ли ты при своем спасении защищал Отечество, как ему, этому дяде, хочется. А слома-

сшься – заменят, как винтик. В лучшем случае железку на грудь повесят. В худшем – так зарюют. Пойми, тут в цене мертвые, а не живые. Тут любое количество положат просто так. Походя. И унижать тебя будут. Это обязательно. А теперь скажи: готов служить? Если готов – служи, но обо всем этом помни. Это Россия. Тут по-другому не бывает».

Моя жена иногда спрашивает быстрее, чем успевает подумать. Смотрим телевизор. Там упоминается Росинант.

– А Росинант это чья лошадь, Вронского или Македонского?

– Росинант – это лошадь Пржевальского! – говорю я. – А у Македонского был Буцефал, что в переводе с родного языка Александра Филипповича означает «фалл в бутсах».

В рассказе «Авария» все стилизовано под записи в вахтенном журнале. Действительно, взяты настоящие записи из журнала и по ним воспроизведена картина того, что люди все делают вроде правильно, а получается ровно наоборот.

Почему так получается? Потому что у них идет борьба с собственной автоматикой. Матрос выключением одного тумблера заблокировал им автоматику, и она теперь все время отработывала на «всплытие» (задирала нос), поскольку, что бы она ни делала, по приборам получалось, что дифференциал не уменьшается, он всегда был «1 градус на погружение». Люди вмешиваются: они начинают перегонять в нос воду (кстати, не в носовые ЦГБ, а в специальные дифференциальные), а автоматика отработывает свое, поскольку ей сигнал идет, и нос продолжает задираться. И вот он уже 15 градусов на корму, и центральный вдруг подумал, что у них вода в корму поступает, потому что

неспонятно, почему они не могут справиться. Дифференциал между тем уже 30, потом 35 градусов. Валится защита реактора. Теперь лодка останавливается, но она же дифференциал держит не только автоматикой и действиями людей, а еще и скоростью, которая падает до нуля. И как только скорость падает до нуля, после пузыря в корму и окончательной остановки хода, нос валится, как подрубленный, теперь у них уже дифференциал не на корму, а на нос, несмотря уже ни на какую автоматику. Они без хода проваливаются на глубину 100 и более метров.

Положение спасает старшина команды трюмных. Пока лодка то вставала почти на попу, то зарывалась носом, была такая минута, когда она была на ровном киле, и в это время он успел добраться до пульта и продуть все группы ЦГБ – лодка пулей вылетает на поверхность. Все! Потом все во всем разбираются медленно.

Олежка Маслов умер. Инсульт. Осиротели мы. Тот самый Олежка, который есть в «Системе». Эту книгу он застал. Он все спрашивал про нее: «А, правда, что Саня Покровский написал там, что я не способен ничего украсть?»

А потом ему достали книгу, и он все прочитал сам.

Теперь вот нет его. Он только квартиру в Воронеже получил и почти сразу умер.

Это была змея. Большая, зеленая. А морда у нее была светло-зеленая, от чего казалось, что она даже светится, что ли. Она возникла у человека, стоящего напротив меня за спиной, пружиной распрямившись над его головой. Потом я каким-то загадочным образом ее схватил руками и ощутил, какая она сильная. Будто в руках у меня заходил стальной трос. Причем такое было впечатление, что у

нее два тела – одно вставлено в другое, потому что, когда я сжимал внешнее, внутреннее успевало вывернуться.

И вот я понял, что я ее не сдержу. В этот момент ее морда оказалась на уровне моих глаз. Она вывернулась из моих рук и бросилась мне в лицо. Я отпрянул, ударился головой о стену и... проснулся.

Ох, «Курск», «Курск»! У меня не было таких откровений, как у адвоката Кузнецова. Я описал события только на основе элементарной логики.

Конечно, они видели взрыв. Даже если предположить, что они находились от «Курска» на 40 км (видимость 20 миль, то есть примерно 40 км). Но, думаю, дистанция была ой как короче.

Все из-за учебной торпеды. Ею не стреляют на такой дистанции. Должно быть сближение. И существенное. 4-5-6-7 миль – это реально. То есть – взрыв произошел на глазах у публики. Только публика глаза-то отвела.

И еще. Никто из подводников не пишет никаких записок, пока верит в то, что выйдет. Плохая примета. Значит, не верили, если писали.

И еще. В каждом отсеке есть по два аварийных фонаря. Их питания хватает на 48 часов. Вот вам и 2-е суток, а потом в потемках писали записки.

Выйти методом свободного всплытия можно и без всяких шлангов.

Хотя бы можно попытаться это сделать.

Подорвать крышку люка воздухом. Готовится люк (отдаивается и держится он только внешним давлением, на защелке), потом растягивается тубус (это резиновая рубашка на люке), чтоб воздушная подушка была побольше, потом люди в СГП становятся вокруг люка, потом дается воздух в отсек. За минуту надо повысить давление до 7,5 – 7,8 атм (над люком по манометрам 74 метра). Крышку люка должно сорвать

(на нее усилие получается более 3-х тонн). Вода войдет в люк и отсек и остановится на уровне нижнего края тубуса. Нырять под него и выходи. Все выходят за одну минуту. При таком выходе кессонная болезнь не наступает.

Реально это? Реально. Риск, конечно, но это лучше, чем ждать спасения от государства. П. и компания даже эпроновские выгородки не задействовали. Да они и не знают, что это такое.

Какая там, к черту, спасательная операция? Уморили людей. И стуки они слышали от ребят, и все прекрасно понимали.

Слов нет.

Надо говорить или о великой подлости, или о великой безграмотности.

А может, и о том, и о другом.

Когда подъезжаешь к Москве по железной нашей дороге, то там все овраги и овраги, а потом все заборы, заборы, гаражи.

На одном заборе видна надпись, конечно же, красным «За Родину!», а под той надписью, видимо, какой-то беспризорный самосвал вывалил мусор – груда банок, пластика, бумажек, всякой дряни – и именно в этот момент грянул гимн.

Гимн Москвы.

Его всегда играют, когда поезд подползает к столице.

И вот сочетание «Родины», мусора и гимна натолкнуло меня на мысль, что такие надписи пишут потому, что не хотят изменений.

Ведь понятие «Родина» предполагает то, что ты вернешься через много-много лет на то памятное для тебя место, а там – вот она березка, как выросла сама, так и растет, и скамейка та же самая, и обшарпанный угол стены, и подъезд твоего дома, и перила без пролетов.

Цветы – это важно.

Встречал я как-то приятеля у метро.

Я должен был его к себе в гости привезти.

Прошли мы с ним пять метров, и он говорит:

– Стой! Надо цветы купить твоей женс!

Приятель в форме капитана первого ранга, и в цветочном ларьке он произвел, конечно, впечатление на продавщицу.

– Вам хризантемы упаковать? – спрашивает она.

– Так донесем! – важно говорит он ей, долго и придиричливо осматривая каждую веточку.

А потом добавляет:

– Мы ж их сперва даме преподнесем, а потом, глядишь, и в салат накрошим! Все ведь зависит от того, чем мы будем сейчас встречу запивать! Мало ли! Надо бы еще как-то все это украсить... А спаргагусы у вас, девушка, свежис? – и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Вот, помню, сидели мы однажды с одним орлом на его же кухне. Десять лет не виделись, встретились, и все вспоминаем, вспоминаем. И так хорошо вспоминали, что не заметили, как все традесканцию на подоконнике у него объели. Во как! Спихватились только, когда алое начали жрать! А был у нас Мишка-артеллерист, так он однажды на спор два часа коланхое уминал. Хорошо, хоть водка была!..

Я приятеля из того ларька елс утащил.

Он бы еще ни то девушке рассказал.

Она смотрела на него, распахнув глаза.

Очень он се впечатлил.

Они отменили бесплатные письма солдатам. Тс самые, которые солдаты посылают домой.

В каждой части были такие конверты. Раньше в них можно было положить письмо и, написав адрес, вручить

ротному почтальону. Тот относил письма на почту, и там их принимали. Бесплатно.

Теперь государство не собирается за них платить.

Знаете, во время Великой Отечественной тоже были солдатские письма.

Треугольники. Люди попадали в страшную мясорубку почты ежедневно, и если они из нее выбирались, то они писали домой матерям и любимым. Они писали все что угодно, пусть даже полную чушь, но что бы они ни писали, это всегда означало только одно: «Я здоров. Все хорошо!»

С фронта шли миллионы писем. Их ждали. Их боялись и их очень ждали все эти дни войны.

Бесплатные солдатские письма были в России всегда. Воевала Россия или не воевала, они существовали, и какую бы ерунду в них не помещали, скажем, в русско-японскую, родные и близкие, читая их, понимали только одно: слава Богу, живой.

Теперь солдату платят целых 250 рублей.

На них можно купить несколько пачек сигарет или несколько раз проехать в метро, если, конечно, в том месте, где служит солдат, имеется метро.

А можно купить на эти деньги сладкое – конфеты или булочки, пирожные, пряники, сгущенное молоко.

В армии солдатам не хватает сладкого. В солдатском ларьке за дешевыми конфетами всегда выстраивается очередь.

Теперь это надо будет делить с письмами.

Конечно, едят домой меньше, чем раньше. Появились телефоны, можно позвонить. Но телефонные разговоры не оставишь на память, не сложишь в завстную коробочку, не перечитаешь, а матерям хочется перечитывать.

Любят они это дело.

Они садятся за стол, неторопливо раскладывают письма и читают, читают, улыбаются, разговаривают с ними. Потом в дело идут фотографии – их тоже раскладывают и рассматривают.

Но начинается все с писем.
Моя мать до сих пор их хранит.

А я знаю, из-за чего весь сыр-бор. Он из-за справедливости. Наш министр обороны очень справедливый человек. Написано же, что служить должны все – вот он и старается. Все так все. Никаких исключений. А то что же получается? В детский садик ходили вместе, а как в армию идти, так половина скрипачей? Так, что ли? Нет вам, нет! Количество отсрочек мы еще скорректируем, а студентов – после институтов достанем. Никто не уедет за рубеж! Так и зарубите себе на носу!

Крик матери в военкомате: «Так у него же после аварии в голову железная пластина и позвоночник!» – «Что позвоночник?» – «Поврежден!» – «А мы про позвоночник вам ничего не сказали, а по пластине он годен!» – «Как?» – «Так!»

Голос за кадром: «И хорошо, что пластина, ему каску надевать не надо!»

А если мать закричит, что вес у ее сына 42 кило при росте 1 метр 60, то ей на это скажут, что определяют его в авиацию, там легкий народ требуется.

Ой, ма! Давно надо привыкнуть, что Россия – страна наоборот. Во всем мире так, а у нас кверху ногами. Во всем мире генералов готовят под армию, а у нас армию под генералов.

Поэтому и призываем 42 кило с железной пластиной.

И в бой он пойдет за Родину, за Россию.

Вот только большая она, да и подумать о тебе ей недосуг. Все как-то некогда, некогда.

И будешь ты один.

Говорят, что один в поле не воин.

Врут. Это не про наше поле говорят.

В нашем поле все войны. Просто от одного война до

другого расстояния очень большие, да и связи нет. Не докличишься. Вот и выходит, что ты, вроде, один.

А на самом деле вас там до хера.

И все как на подбор – на сотню полтора раза на перекладине подтягиваемся.

Русичи, мать вашу, в кирзовых до сих пор сапогах!

А голова как картошка на палочке над воротничком гимнастерки торчит.

Ах, Русь, Русь! Где ты? Что ты? Как ты? Все спросить тебя хочется: Русь, а Русь, ты когда нас любить будешь, а? А то все мы тебя любить должны, да опять мы! Безответная какая-то все у нас с тобой любовь. Покажи нам хоть раз свое личико, чтоб знали мы – вот она, мать-то наша! А то все вместо твоего лица харя какая-то лезет, да и представляется харя та исключительно от твоего святого имени.

От того и сомнения наши: а есть ли у тебя вообще-то лицо? А, может, и нет его? Может, оно повреждено безвозвратно, или болезнь какая-то ее перекосила?

Может, мурло это, что все время лезет вперед и в нас тычется, и есть то самое обожаемое твое личико? А нам и невдомек! И не понимаем мы.

Как ты считаешь, а, Русь?

О совести нации.

Жила нация без совести, потом появилась совесть, которая стала ходить за нацией и предлагать себя.

А нация отказывается, говорит: «На кой мне?» – а та все талдычит: «Но это же общепринятый общественный институт, как вы не понимаете? В цивилизованном обществе, кроме нации, существует еще и совесть!» – «Это ты-то совесть моя?» – «Это я!» – разговор без конца.

А тут мне еще пожелали: «Пусть вам улыбнется счастье!»

Я, как человек подозрительный, сразу же стал выпытывать: «А как оно улыбнется? А улыбка большая? На какую величину? А это точно улыбка, а не оскал? А почему вы так решили? Чем руководствовались? А оно только улыбнется и все? Без последствий? Это будет как разовая акция? А что понимается под словом «счастье»? А слово «улыбка» означает растягивание губ?»

Меня попросили написать резюме о самом себе для банка. Я написал.

«Потрясающий, невероятный, блистательный, непредсказуемый, умопомрачительный, дивный, чудный и пышнопоножный директор издательства «ИНАПРЕСС».

И!

Писатель, именем которого заполнена всемирная паутина.

Автор известнейшей книги «Расстрелять!..»

А также книг: «Расстрелять – 2», «Бегемот», «Каюта», «Кот», «Корабль отстоя», «Система», «Мангушев и молния», «Люди, лодки, море...» и книги «72 метра», по мотивам которой снят одноименный фильм, выдвинутый недавно на премию «Какой-то там орел».

И, кроме того,
ваш покорный слуга».

Меня спросили, как я отнесся к тому, что 1-й канал не пригласил меня на вручение премии «Золотой орел». Фильм «72 метра» получил эту премию, и вроде бы должны были пригласить. Я ответил, что если б 1-й канал снял «Анну Каренину» во времена Льва Николаевича, то они б его тоже не пригласили.

То есть, я уже могу говорить: «Мы с Толстым...»

То есть, я благодарен ОРТ за то, что они поставили меня с «зеркалом русской революции» в один ряд.

И все-таки 1-й канал меня наградил.

Не прошло и трех суток со времени вручения им «орла», как в моей квартире раздался требовательный звонок в дверь.

Экспресс-почтой в роскошном конверте мне торжественно были доставлены: бумажная сумка с ручками с огромной цифрой «1», настенный календарь с той же символикой, конвертик с циферкой «1», а в нем такая картонная фигулина, которая легко образует ступенечку, и на ней та же цифра, и еще – три карандаша в пластиковой упаковке с надписью «1-й канал».

Сбежалась вся семья.

«А карандаши зачем?» – спросила меня жена.

«Я бы тебе сказал зачем, – ответил ей я, – но здесь дети!»

А потом я подумал о том, что в этом наборе для среднего папуаса Новой Гвинее не хватает красных стеклянных бус для жены, кольца в нос для сына и орлиного пера для моей кучерявой головы.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЛИС

– Вставай! – сказал Лис.

Лис стоял передо мной на задних лапах, и меня вовсе не удивило то, что он говорит. Я встал. Но на моей постели кто-то остался лежать.

– Ничего не понимаю, – рассматривал я лежащего, – кто это?

– Это ты, – отозвался Лис.

– Тогда кто же сейчас встал?

– Твоя сущность. Это я ее попросил.

– А кто же тогда ты?

Лис усмехнулся.

– Ты прекрасно знаешь, кто я. Я – Лис. Я прихожу к тебе во сне. Я могу принимать любое обличие, но это – мое самое любимое. Ты меня не помнишь?

– Нет!

– Это с людьми бывает, – у Лиса была очень довольная мордочка.

– А если я сейчас проснусь, ты исчезнешь?

– Конечно, но только ты не проснешься.

– Почему?

– Потому что сна вообще не существует.

– Как это?

– Так. Сна нет. Есть другие миры. Другис измерения. Тебе никогда не казалось, что человек и так живет очень мало, а тут он еще столько времени проводит во сне? Ты не полага-

ешь, что это слишком расточительно? А между тем расточительство вообще не свойственно природе. Расточительство в природе бывает только по какому-нибудь случаю. По необходимости. Пример: цветение кораллов. Поэтому сна нет. Есть хождение по другим мирам. Ты мне нужен. Пошли.

– А если я не захочу?

– Глупости! Ты умеешь думать. А тот, кто умет думать, всегда не против оказаться где-нибудь еще.

– А если я прочту молитву?

– Ну, прочти.

И я прочел. «Отче наш». Лис вежливо дождался конца молитвы и не пропал. Я прочитал еще раз.

– Прочти в третий раз, – посоветовал он мне. – Вы все любите цифру 3.

– Я и цифру 9 люблю.

– Знаю. Давай перейдем к делу.

– Давай! Так зачем я тебе понадобился?

– Понимаешь, – Лис взял меня под руку и увлек за собой, – на человеческую сущность, путешествующую в другом измерении, может повлиять только другая человеческая личность. Нам это делать запрещено. Повлиять на коралл может только коралл. Но я могу незримо присутствовать. И вводить тебя в курс происходящего. То есть, меня он не увидит, а с тобой познакомится.

– Кто «он»?

– О, это известная личность. Политик. Всем надоел. Шляется во сне по всем измерениям. Хочет услышать Всевышнего. Хочет услышать: правильно ли он поступит. А заодно очистить совесть. Он полагает, что ее можно очистить. Сам понимаешь, Всевышнего я ему достать не могу. Поэтому устроим небольшой спектакль. Всевышним на какое-то время будешь ты.

– То есть?

– Он узрит именно то, что хочет узреть. А я буду тебе помогать. Подскажу чего-нибудь.

- Я должен подумать.
- Думай. Дело-то добровольное.
- С этими словами Лис исчез.
- Я проснулся и подумал: «Приснитися же такое!»

2.

На следующую ночь Лис явился снова.

- Ну как, ты подумал? – спросил он меня немедленно.
- Да, но как я перед ним появлюсь?
- Об этом не беспокойся, – сказал Лис, и сейчас же мы оказались в пустыне. Светило умопомрачительное солнце.
- А это что такое? – спросил я, озираясь вокруг.
- Тебе не нравится декорация? Тут же все натуральное – воздух, песок, небеса. Просто мы перенеслись во времена моего друга Сократа. А то, что пустыня – так это по-библейски верно! – добавил он с лукавым выражением мордочки.

– Чем тебе не угодил Библия?

– Ничем, мне просто нравится твой внешний вид. Вот, посмотри!

Передо мной сейчас же восстало зеркало, и в нем я увидел высокого старца с непокрытой головой, в льняных одеждах, с посохом в руках.

– Вот это да! – я ощупал свое лицо – к бороде было не придраться.

– Для вас все только самого лучшего свойства! – Лис сиял.

– Зачем весь этот театр?

– Как говорил один мой большой друг, тут все театр.

– Ты тоже переоденешься?

– К чему? Он меня все равно не увидит и не услышит. Меня услышишь только ты. Для него течение времени мы замедлим, а для тебя ускорим, чтоб ты успевал и слушать

от меня правильные ответы, и отвечать на его вопросы.

– Вы умсете ускорять время?

– Еще бы! Если можно ускорять и замедлять все остальное, то почему нельзя это делать со временем? Это для вас оно неуловимо, а у нас его можно нарезать кусками и складывать в корзину. Его можно растягивать или сжимать. Над ним можно лететь, как над огромным травяным ковром, и каждая травинка будет целой Вселенной, взятой в какой-то момент ее существования. А внутри этой травинки уместится еще один ковер – и так множество, множество раз. Для тебя оно будет бежать, как шар с горы, для него – катиться по равнине. Все просто.

. – У меня вопрос, Лис.

– Я уже знаю какой, но все равно, говори.

– Почему вам нужен именно я?

– Потому что ты лишен самого главного человеческого чувства – алчности. А это значит, что ты уже почти не человек! – тут Лис расхохотался, и у него была такая симпатичная мордашка, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

– Да, да! – продолжил он. – Ты почти что не человек, и в то же время ты человек. Так что твоя сущность нужна для связи между мирами. Приготовься, он сейчас появится.

– Где?

– Прямо перед тобой. Ты скажешь ему: «Ты звал меня, сын мой!»

– Это необходимо?

– Это часть твоего образа. И потом он захочет поцеловать тебе руку. Не оглядывайся на меня и не отдергивай ее, очень тебя прошу. Я буду рядом. Итак?

Перед нами возник человек.

– Ты звал меня, сын мой! – сказал я ему. «Однако у меня густой, красивый голос!» – отметил я про себя.

– Наконец-то, Господи! – воскликнул он и подошел.

– Он точно тебя не видит? – скривив рот влево, прошептал я Лису.

– Можешь не кривить рот и не шептать! Твои вопросы ко мне до него не доходят. Вот смотри! – Лис подошел к человеку и провел лапой по его лицу. Тот ничего не почувствовал.

– Чудеса! – не удержался я.

– Стараемся! – отозвался Лис.

Человек наклонился, чтоб поцеловать мне руку. Лис был наческу:

– Я же сказал: не отдергивай! Пускай насладится.

– Ну и циник же ты, Лис! – не удержался я.

– Циником был Диоген, а я всего лишь бледный его ученик, – отозвался Лис.

Человек поднял голову. Черты лица его были мне очень знакомы. Я много раз его видел, но кто он? Я не мог вспомнить.

– Это же так естественно! – тут же вмешался Лис, – Ты не можешь его вспомнить. У вас разная биология. У него все проглоченное превращается в огонь, иссушающий внутренности, а у тебя все превращается в свет. Это там он правитель, вершитель судеб, вкрадчивый убийца, недалекий, мелкий воришка, а тут он... сейчас увидишь.

Лицо человека постепенно обратилось в рожищу какого-то зверька – то ли мангуста, то ли сурка или же суслика – а потом сам он съежился, стал маленьким.

Я отпрянул.

– Спокойно! – остановил мне Лис. – Видишь, как лезет наружу его сущность? И чем дальше, тем она будет лезть больше.

Суслик подскочил, лизнул мне руку и заговорил скороговоркой:

– Скажи, Господи, что я прав, что я правлю этой страной верно, потому что люблю и ее, и весь ее народ. Скажи мне, Господи!

– Скажи ему, Господи, – проговорил Лис, но тут же предупредил меня: – Да! Забыл отметить: людям нельзя говорить все прямо. Надо говорить иносказательно. Например: «Совесть всего лишь слепок с того тебя, каким я хотел бы тебя видеть. Стоит примеряться почаще. Сильное несоответствие меняет сущность твою».

Я повторил все это слово в слово.

Глаза суслика говорили о великом мучении.

– Господи! – возопил он, – Душа моя будет жить вечно?

– Все будут жить вечно! – ответил я уже без подсказки Лиса, – Важно только как!

– Осанна! – воскликнул Лис. – Я знал, что ты справишься!

В ту же минуту Лис и суслик закрутились, завертелись, завертелись, подскочили, превратились в бусинки, потом в божьи коровки, потом запрыгали, запрыгали и с грохотом провалились в непонятно откуда взявшуюся раковину.

Над раковиной стоял я.

– Вот это да! – сказал я и сейчас же проснулся.

3.

Он сидел в углу моей комнаты.

Я почувствовал на себе его взгляд, проснулся, открыл глаза, и в этот момент он заговорил.

Внешне он походил на араба: смуглые, тонкие черты лица, нос с горбинкой, короткие вьющиеся волосы, большие залысины на висках, маленькая бородка.

Одет просто – рубаха до пола, такие и теперь носят в Египте, но шита бисером и золотом – ничего лишнего, у него был прекрасный вкус.

И еще у него были изящные руки писца фараона.

О чем он говорил – это я никак потом не мог вспомнить.

Помню только, что он что-то предлагал, убеждал.

А я слушал его и слушал, и мне с каждым его словом

становилось все страшнее и страшнее, потому что на все его доводы я никак не мог найти достойного возражения, а я должен был почему-то найти, ну, хоть что-то и возразить – не знаю почему; и все шло к тому, что мне надо было с ним согласиться, но соглашаться никак было нельзя, и я это прекрасно понимал, нельзя и все тут; а он все подводил меня и подталкивал к этому согласию, и это напоминало то, как если тебя подтаскивают к обрыву, и ты уже чувствуешь прохладу ущелья, и камешки под ногами предательски перекатываются – ты скользишь, скользишь, и силы тебя оставляют – вот сейчас ты покажишься, вот сейчас...

Меня прошиб холодный пот, волосы встали дыбом, меня затрясло – жуткий холод.

И в этот момент я сказал: «Нет!» – и все, он сразу исчез.

Будто и не было его вовсе.

Рядом со мной был Лис.

– Ну, как? – спросил меня Лис.

– Сейчас! – сказал я. – Только «Отче наш» прочитаю.

– Прочитай, полегчает.

Я прочитал раз, два и три – медленно отпускало, а потом все внутри улеглось, потеплело.

– Что это было? – спросил я у Лиса.

– Это было не «что», а нечто. Это был Саиб.

– Дьявол?

– Ну, зачем же так радикально! Это всего лишь Саиб.

Ему достаточно твоего отказа.

– Я не запомнил то, что он говорил.

– Те, кто запоминают речи Саиба, выполняют потом все его просьбы. А просьбы у него разные.

– Он из ада?

– Почти.

– Ад существует?

– Бездельники спрашивают о существовании рая.

– И все же?

– Существует, конечно, но только он не совсем такой, каким его представляют человечеству.

– Лис, а Бог? Кто такой Бог?

Лис кротко вздохнул.

– Сколько раз мне задавали этот вопрос! И сколько раз я на него отвечал! И всегда я отвечал по-разному, потому что иначе не ответишь.

Взгляд у Лиса стал задумчивым.

– Человек, – продолжил он медленно и монотонно, как на уроке физики, – постоянно существует только в трех измерениях. По-вашему – длина, ширина, высота. Хотя некоторые из людей, как особое воздаяние, могут на время удаляться и в четвертое измерение, в то же самое время исчезая из перечисленных первых трех. Я же могу секундно находиться в ста двадцати восьми измерениях. А что бы ты сказал о сущности, способной одновременно пребывать в ста двадцати восьми тысячах измерений? А если этих измерений будет миллион? А если миллиард? Вот теперь представь себе, что у тебя очень беспокойно на душе в твоих таких привычных трех измерениях – а если б у тебя было беспокойно на душе в миллиарде измерений? Какой емкости должна быть эта душа, как полагать? Так что разница только в емкости душ.

– А Саиб?

– Люди называют их «темными силами».

– Это неправильно?

– В природе нет ничего примитивного, а тем паче одноцветного. Даже черный цвет – собрание многих цветов. Как, впрочем, и цвет белый. И потом, есть же масса всяких переходов, оттенков. Как полагаешь? Вот гляди – белый, беленький, беловатый, белый в крапушку. С темным цветом та же история. Он может быть серенький, темненький, темноватый, почти черный. Только мне известно о существовании семисот сорока семи оттенков белого, а значит, и темного цвета. А я ведь существую

всего лишь в ста двадцати восьми измерениях. Понятно?

– Вроде бы да.

– Вот видишь! Мы знакомы всего лишь мгновение, а ты уже стараешься не отвечать односложно. То ли будет впереди!

Лис рассмеялся, я улыбнулся как смог. От Лиса не укрылось мое состояние.

– Послушай, тебе сегодня крепко досталось. Ты лучше теперь полетай. Прекрасно восстанавливает силы. Я подарю тебе сон-сказку. Там будет море и высокие скалы, и ты на скале, и солнце, и ветер. А ветер тот такой удивительной силы, что на него можно просто лечь грудью. И он будет тебя держать. Это теплый, ласковый ветер. Этот ветер – мой добрый знакомый. Мы с ним старые приятели. Он подхватит тебя и понесет. Над морем, над скалами, над равнинами и горами.

А потом ты опустишься в море. Многие люди боятся моря. А море не враг. Ты опустишься в него, и вода будет теплая...

С этими словами Лис исчез, а я сейчас же ощутил себя стоящим над морем на высокой скале...

4.

– Привет! – сказал Лис.

– Привет! – сказал ему я.

– Посмотрим взрыв сверхновой звезды?

– А где мы его посмотрим?

– В твоём сне, конечно!

– А что потом?

– А потом будут кучи космической пыли, которая разлетится по самым дальним углам, закуткам Мироздания, а после – из нее полезли, полезли, полезли всякие там вселенные и галактики, звезды и планеты. А потом на этих планетах зарождается жизнь.

Она зарождается в ответ на взрыв и переводит неживое в живое, а потом эта жизнь кочует от живого к живому – раз, два – все сложнее и сложнее. То есть она умница, эта жизнь, она все усложняет.

Таковы условия ее существования. Об этом с ней был договор. И этот договор скрепили, заложив его в каждую клетку с помощью особой кристаллической решетки.

А затем в живом зарождается разум.

– Зачем тогда Бог?

– А ты считаешь, что все это придумалось бы само?

– Зачем тогда человек?

– Чтобы ошибаться, конечно. Человек имеет право на ошибку. Это самое сладостное право. Для того он и наделен чувствами. Разум борется с чувствами, чувства с разумом – туда-сюда, туда-сюда. За кем будет победа? Всем интересно. Слабый разум, но зато сильные чувства. Или сильный разум, но вот с чувствами-то беда. Так и живем!

Лис рассмеялся.

– Так что, посмотрим взрыв сверхновой?

– Посмотрим.

Перед нами немедленно раскинулся черный космос. И звезды. Миллиарды звезд – живые, синие, белые, красные, мохнатые. Они собирались, сбивались в кучу, из них получались вселенные и галактики.

А далекие туманности были похожи на облака и на кораллы, а потом эти кораллы рассыпались и снова становились облаками.

– Мы летим? – спросил я Лиса.

– Конечно, летим. И во времени и в пространстве. Пришлось уменьшить пространство и во множество раз ускорить время, иначе мы не увидим этого взрыва. До него миллиарды световых лет. Вот он, гляди! – Лис показал мне на яркую вспышку впереди.

То был свет потрясающей красоты. Будто тысячи тысяч вспыхнувших солнц превратились в одно большое северное

сияние – и оно ворочалось, оно вздрагивало, оно вспыхивало разными цветами и переливалось, как змея на солнце.

– Здорово, правда? – сказал Лис.

– Здорово! – ответил я, и на душе стало как-то особенно радостно, что ли.

– Вот так и появляется в этом мире жизнь! – сказал Лис и сейчас же пропал из моего сна.

5.

– Давай, прорастай!

Лис сидел ко мне спиной, наклонившись вперед. Он с кем-то разговаривал. Кровать моя стояла посреди его любимой пустыни, и он сидел на самом краю моей кровати. Только что начало рассветать, но было уже очень тепло.

Я понимал, что это все только сон, и все равно мне было хорошо.

– Ну, чего же ты! Пора прорасти! – говорил Лис, а потом еще: – Ну, ладно! Ты не хочешь, чтоб я на тебя смотрел? Я и не смотрю. Мне и дела до тебя нет. Подумаешь! Вот еще! Чтоб я тобой интересовался? Да никогда!

Немного погодя Лис опять завел свое:

– Ну? Давай, расти!

– С кем это ты, Лис? – спросил я его.

– С зерном, конечно, с кем же еще! – ответил он недовольно, почти не оборачиваясь. – Оно никак не хочет прорасти! Ну же, расти!

На лапке у Лиса действительно лежало небольшое зернышко пшеницы.

– Зачем тебе зерно? – спросил я у Лиса.

– Ни зачем! – отрезал он.

– Вот это да! – обиделся я, – Пришел в мой сон, сел ко мне спиной и разговаривает с зерном! А когда я его спрашиваю, дерзит.

- А тебе во сне никто никогда не дерзил?
«Ну, всякое было», – подумал я и попросил Лиса:
– Ну, мне же интересно о чем ты разговариваешь с зерном и почему ты с ним разговариваешь!
– Ничего я с ним не разговариваю! – надулся Лис. – Как с ним можно разговаривать, если оно не хочет расти?
– А зачем тебе нужно, чтоб оно росло?
– Мне нужно проверить.
– Что проверить?
– То это зерно или не то.
– А если оно начнет расти...
– Тогда я смогу увидеть, что оно то, что у меня все получилось.
– А что должно получиться?
– Я же тебе говорю, что я создал зерно, которое должно спасти мир. А оно не растет. Как я проверю, можно ли его подкладывать людям, если я этого и сам не знаю? Пусть вырастет сначала!
Я решил схитрить.
– А как оно должно спасти мир, Лис?
– Никак! Все равно не растет.
– И все-таки! Оно начнет расти, и в этот момент ты поймешь, что оно должно спасти мир?
– Ну, да! А как же еще? Сразу все станет ясно! Ты когда-нибудь развешивал гирлянды?
– Гирлянды?
– Да, праздничные гирлянды! Сначала они сложены, правильно?
– Правильно!
– И только когда потянешь за один конец, вся гирлянда развернется, и тогда можно увидеть все ее узоры и то, какая она большая. Верно?
– Ну, верно!
– Вот так же и зерно! Это новый сорт. Очень урожайный. Я его создал, а теперь оно не хочет расти.

– Я не очень понял, Лис, ты по самому началу роста сумсешь подсмотреть сго невиданную силу?

– А чего в этом особенного? Надо только, чтоб оно начало расти!

– Ну! – возвратился он к зерну. – Ты еще долго будешь так лежать?

– Погоди, Лис, как же это?

– Что как же?

– Как же это все устроено?

– Как и все в этом мире. Все же складывается, как гирлянда, и только ты начинаешь ее растягивать, как ее превращениям и причудам не видно конца. Понятно?

– Не очень.

– Хорошо! Сейчас объясню по-другому.

Что, по-твоему, объединяет все это цифры:
279453681094955947026308901941859927375623?

– Понятия не имею.

– Это потому, что ты не хочешь думать! Их объединяет то, что если сложить все эти цифры, а потом сложить все цифры в том числе, что получится от того сложения, а потом еще раз сложить все цифры и складывать так, пока не останется только одна цифра, то она будет любимой всем человечеством цифрой «9». Понятно?

– Нет!

– Господи! – Лис воздел свои глаза к небу, – Кого Ты мне послал? Как Тебе не совестно? Он же тупой! – Потом он скосил свои глаза в мою сторону и заунывно продолжил: – Все в этом мире складывается, как гирлянда! Так?

– Ну, предположим.

– Значит, с самого начала сложения можно уже предугадать то, что ждет тебя в самом конце! Можно предугадать абсолютно все.

Меня вдруг осенило.

– Лис! Вот это да! Ты же мне только что рассказал, как строится человеческая судьба. Значит, независимо от дли-

тельности пути... Простым сложением цифр... а результат предрешен...а путь может быть любым... Цифры! А если по пути встретится 0...

Я посмотрел на Лиса с восторгом. Тот все ковырял свое зерно.

– Ну, не всегда же мы только движемся. – Лис ткнул в зерно еще несколько раз и продолжил. – Некоторые усилия на каком-то этапе могут быть тщетными...

– Конечно! Вот оно: пути, или цифры, могут быть разными...

– Пути разные, – задумчиво тянул Лис, – а принцип один. Понятно?

– Вроде да!

– Наконец-то дошло! Теперь тебе ясно, что по самому началу роста этого зерна я уже могу сказать, какое это зерно?

Я улыбнулся Лису, и сейчас же веки мои смазались самым восхитительным клеем на свете – клеем сна, и я повернулся в постели на другой бок.

Сквозь наползающую дремоту какое-то время я слышал, как Лис все еще пристает к своему зерну: «Ну! Будем расти или же нет?» – а потом уже все...

6.

Я лежал и думал, что в прошлый раз, с тем зерном, Лис был какой-то не такой.

Какой-то маленький, что ли.

И тут я понял: Лис был ребенком. А до этого он был взрослым.

Это я понял из речи. Из того, как он строил предложения и какие употреблял слова.

Значит, Лис может менять свой возраст. Если у него вообще есть возраст.

«Надо бы его об этом спросить!» – подумал я, и в это мгновение на меня уставился глаз.

Желтый с черным зрачком. Он приблизился. Это был глаз совы. Но он не мигал. А потом из-под него высунулся раздвоенный язык.

Змея!

Я немедленно отпрянул, волосы встали дыбом, и я бросился бежать.

Эта тварь легко двинулась за мной.

– Лис!!! – орал я, и звук не шел из моей груди. – Лис!!!

Рот открывался, но крика не было. Я бежал по коридору. Длинному, узкому. И все время сворачивал в бесчисленные двери.

Она гналась за мной.

И по дороге росла. Это была уже большущая гадина. Двери она просто вышибала: бах! – и дверь в щепки. Бах! – всером в стороны.

– Лис!!! – кричал я, потому что уже задыхался, не в силах бежать. Я обернулся и увидел голову этой дряни.

Нет! Не одну голову – этих голов уже было много. Я ударил кулаком по ближайшей, и кулак мой стал пластилиновым. А потом и вовсе отвалился.

И змея ринулась мне в лицо, я... я закрылся остатками руки и почувствовал укус – боль пронзила меня всего. Еще и еще укусы – и кровь уже течет по рукам и по телу.

Тут и появился Лис.

– За мной! – крикнул Лис и поволок меня за собой. Мы прошли стену насквозь, а потом еще и еще сквозь стену.

– Лис!!! – кричал я, а может, мне это только мерещилось.

Все! Змея отстала, а мы упали с ним на траву, шумно дыша.

– Что это было, Лис? – спросил я, когда речь моя стала связной.

– Ничего особенного. Просто шутки Саиба, – Лис казался абсолютно спокойным. – Как-то я про него забыл. А

он нападет тогда, когда меньше всего ожидаешь.

Теперь Лис занялся моей рукой. Вернее тем, что от нее осталось. Он провел по ней лапой. Боль исчезла, кровь перестала течь, а потом... рука отросла.

– Как это?

– Так! – сказал Лис. – В этом измерении вы дома, и вас тут легко восстанавливать.

– То есть ты хочешь сказать, что сон – это и есть наше настоящее?

– Сон, – улыбнулся Лис, – это настоящее, прошлое, будущее. В нем все существует так, как и должно существовать – одновременно. Тут не надо ждать завтра, можно в нем находиться. И для создания плоти очень удобно.

– А почему я кричал, а крика не было слышно?

– И не обязательно, чтоб было слышно. Важно, чтоб ты только подумал.

– А как же мы прошли сквозь стены?

– Как обычно. Вытянули все свои атомы с одну линию и прошли в межатомном пространстве сначала штукатурки, потом кирпича.

– И я... тоже вытянул все свои атомы?

– Иначе бы Саиб тебя сожрал.

– То есть, все это было на самом деле?

– Да! – Лис, казалось, уже устал от моей несообразительности. – Сон – это на самом деле. Ты никогда не слышал про смерть во сне? Люди ее еще называют легкой. В ее легкости мы сейчас чуть-чуть не убедились.

– И что теперь?

– Теперь, – сказал Лис, – ты снова заснешь. И никто тебя не тронет. Я посижу за этим.

С этими словами он провел лапой по моему лицу, и я немедленно стал совсем маленьким, оказался в постели, веки мои сейчас же сомкнулись, чьи-то заботливые руки подоткнули мое одеяло, и кто-то, напевая, наклонился надо мной и поцеловал в щеку.

– Как там твое зерно? – спросил я Лиса сразу же, как только он появился.

– Зерно? Какое зерно? – Лис, казалось, ничего не помнил.

– То, которое должно было прорасти?

– Ах, это! – равнодушно протянул он и добавил, зевнув: – Проросло, бедняжка! Куда ж ему деться! Сначала оно, конечно же, немножечко повоображало себе Бог весть что, а потом и проросло. Зерна иногда такие манерные!

– А если б оно не проросло?

– Как это? Есть же закон: если что-то не получится сразу, а ты старался изо всех своих сил, то надо оставить это в покое – оно само сделается. Вот! А видел бы ты, как я подкладывал это зерно одному зерновому академику! И как он потом скакал от радости! Просто как бушмен вокруг костра! Кстати! Давно подозревал, что в изъяснении радости академики очень похожи на бушменов! Ах, какое верное наблюдение!

Лис вдруг замолчал. Казалось, он к чему-то прислушивается.

– А хочешь, сейчас побываем на суде над правителями? – спросил он неожиданно.

– А что это будет Страшный суд?

– Ну, для правителей он, может быть, и страшный...

– А почему этот суд только для правителей?

– Остальных судить – только время тратить. Так что, полетели?

– Полетели, – сказал я.

Не знаю, что на языке Лиса значило «полетели», но только в ту же минуту мы оказались за шторой в большой зале старинного замка. Было зябко и очень не по себе, а сводчатые потолки там так высоки, что могли бы поспорить с толками в соборе. Я огляделся. А может, это и был собор.

– Это собор? – спросил я у Лиса шепотом. Я почему-то стал говорить шепотом.

– Это судный замок! – так же шепотом проговорил Лис. – Тут и происходит суд. Сейчас начнут.

Зал между тем наполнялся народом. Люди входили молча и молча выстраивались вдоль стен. Мрачные высокие своды ловили на себя блики от огромного камина, а тысячи свечей освещали те закоулки, до которых свету от огня в камине было не добраться.

Я тихонечко разглядывал людей, стоящих в зале. То были мужчины и женщины в богатых старинных одеждах, украшенных драгоценностями. Их головы венчали короны.

– Юлий Цезарь! – воскликнул кто-то громовым голосом. – Сын Филиппа Александр! Эдуард Четвертый! Герцог Глостер, Ричард Третий!

– Кто это? – спросил я шепотом у Лиса.

– Городор! – прошипел он. – Главный судья!

Я высунулся из-за шторы и увидел высокого сурового старца. Он сидел за огромным столом на возвышении. Седые волосы его разметались по плечам, а от его голоса шли мурашки по коже.

– Ричард Второй!

– Зачем он произносит их имена? – спросил я тихонечко у Лиса.

– Это переключка! У них сначала всегда переключка, а потом суд над новеньким. Все должны быть, – прошелестел Лис.

– Екатерина Первая!

Я выглянул из-за шторы. Екатерину Первую я не увидел, зато мне вдруг показалось, что лица всех этих королей и правителей то приближаются ко мне, то удаляются, и по мере приближения они меняются, начинают обрастать шерстью или чешуей, и вот уже из королевского воротничка торчит голова кабана, рыло свиньи или голова гадюки.

А потом они удаляются, и чешуя и шерсть снова становятся лицом. Жуткий холод пронзил меня.

– Что это? – спросил я у Лиса изменившимся голосом.

– У них меняется сущность! Близок суд, и сущность это чувствует! – сказал он мне.

– Уинстон Черчилль, благородный граф Мальборо!

– А вот и новенький! – сказал Лис.

– Как это новенький? Он же давно умер! – едва вымолвил я от нахлынувшего ужаса.

– Ничего подобного! Он умер сегодня! Умер – и сразу на суд! Эка, знаете ли, незадача! Вот так мучаешься, правишь, правишь, думаешь, что тебе все можно, а потом – пожалуйста с потрошками! Тут все вспомнят – и мысли, и чувства! Вон, кстати, полетела мысль! – Лис указал на какую-то беленькую веточку. – Да какая глубокая, раскидистая мысль! – продолжал он, сопровождая ее полет взглядом.

– Это мысль?

– А что же еще? Мысль, конечно! Мысли летают. Правда, иногда их воспринимает кто-либо, и тогда они кажутся ему его мыслями, а потом он их снова выпускает, и мысль находит еще кого-нибудь. Мысли – бродяги. От мыслей нскуда деться. Просто бульон из мыслей! Так и живем, в бульоне...

– Но как же так, Лис, он же умер давно!

– Кто умер? Он умер? Нет! Это у вас он умер давно! – не унимался Лис – А у нас он еще свеженький! Ишь, какой гладенький, беленький! Не стать ли нам сейчас черненьким?

Я выглянул из-за шторы и увидел стройного светловолосого человека. Он стоял прямо перед судьей. Он совершенно не напоминал Черчилля.

– Нет, напоминал! – сейчас же откликнулся Лис. – Это он таким представляется себе в своем сне. Но сон не может быть вечным, пусть даже он таковым считается. Вот! Он уже начал меняться!

Лис был прав. С головы молодого человека облетели все

волосы, обнажая уродливую, морщинистую лысину, лицо скукожилось, свернулось на сторону, дернулось и вернулось назад, а потом из верхней губы выросли клыки, которые после этого выпали один за другим, а рот вытянулся до ушей, одежда сползла лохмотьями на пол, и все тело, обнажившись, пригнулось к земле, покрылось паршой, бородавками.

– Что это? – еле выдохнул я.

– Это суд, приятель! – отозвался Лис. – И вовсе пропащее теперь дело. Перед судьей проходят все его мысли, и мысли меняют сущность. Чем дальше, тем чернее сущность. Тем она приземистей. Величие – дивная штука, но его трудно сохранить. Оно на манер льдинки. Чуть больше жара – и уже тает.

– Кто это там? – вдруг раздался ужасный голос. – Там! За шторой!

В который раз я мгновенно похолодел.

– А теперь нам пора удирать! – пробормотал Лис. – От этого Городора можно всего ожидать!

Именно в этот момент несметная куча всяких ядовитых перепончатых тварей – с губами, с глазами навывкате и без век, с клыками, с ушами, с когтями – кинулась в нашу сторону, и они уже схватили было меня за одежду, но Лис одним рывком выдернул меня из их цепких лап, и мы сейчас же оказались на берегу горного озера.

– Лис! – только и смог я сказать сразу же, как только воздух вновь пошел в легкие.

– А тебе нравится горное озеро? – спросил он как ни в чем ни бывало.

Вокруг были небеса голубые, яркое солнце и тихая вода.

– Посиди здесь немного! – сказал Лис и сейчас же исчез.

8.

– Что ты делаешь там, Лис! – крикнул я ему изо всех сил.

Лис сидел на берегу моря у самой воды и, казалось, копался в песке.

Вокруг – море, скалы и ветер. Он несет на берег водяную пыль, и сквозь нее пробивается встающее солнце.

Это утро, только я сначала стоял высоко над обрывом, а потом сейчас же оказался на берегу, – хороший сон.

Лис все еще копошился у самой воды.

– Ищу рачка-бокоплава! – был его ответ.

– А зачем тебе рачок?

– Нужно создать ему навигационную систему обнаружения собственного места по Луне. Луна движется по небу в течение всего года, все это записывается в память рачка, а потом, непрерывно измеряя высоту Луны...

– К чему такие сложности? Рачка все равно съест рыба.

Лис посмотрел на меня внимательно и коротко вздохнул.

– А ты полагаешь, что совершенствуется только один человек, и животным это не надо?

Я пожал плечами, Лис продолжил.

– А не кажется ли тебе, что животные перенимают у человека, как существа более успешного, некоторые навыки? И что это сродни природе? Что так все и задумано?

Человеческий разум не может существовать в одиночку. Он только часть разума Земли.

– Земля разумна?

– Конечно, батенька! Просто скорости у вас разные. Земля думает медленнее, от того и живет дольше. Если бы она думала как человек – конец ее был бы не за горами.

Лис хмыкнул.

– И бактерии разумны. Просто это разум сообщества. С человеческой точки зрения поймать его можно только сразу на тридцати тысячах поколений таких же бактерий, живущих в одной капле. А там их не меньше миллиарда особей. Лавина поколений бактерий! Конечно, она разумна! Она же хочет жить. Вот и образует себе собрание.

И вот уже собрание бактерий обмениваются с другим

собранием накопленной информацией. С виду – полная ерунда. Но капли в чашку с такой ерундой капельку уксусной кислоты, и сожмутся все эти маленькие существа не только в той чашке, но и во всех чашках, стоящих рядом, куда кислота не попала. Что это? Это передача информации.

– Информации?

– Да! Информации. Все ради нее. А ты полагаешь, что все исчезает? Все, с таким трудом созданное?

– То есть, информация от неживого передается живому, а потом опять неживому, чтобы снова попасть к живому?

– Для информации нет неживого. Для нее все живое. Просто оно – то живое – живет с разными скоростями. Понятно? Камень тоже живой, только ему для жизни нужно меньше усилий. И еще он может записывать и передавать информацию.

– Камень? Значит, она записывается в камне?

– И в камне, и в воздухе, и в воде, и в деревьях, и в животных, и в людях. Везде все записывается. И на Земле, и за ее пределами. Это масса информации, это вихрь информации, смерчь, самум, ураган, тайфун, безбрежная пустыня, где каждая песчинка – прошлые миры со своими страданиями, радостями, горестями, болью. Теперь ясно?

– Кажется, да...

– Так что в тебе есть и шелест листвы древнейших деревьев, и крик динозавров.

– Вот это да!

– А вы как думали? Вы думали, что мы тут сидим и только друг за дружкой подглядываем? Кстати, Городор нами был очень недоволен. Он был опечален. Так что в наших же интересах снабжение рачка-бокoplава системой навигации.

– Кошмар!

– Кошмар – это то, что люди этого не понимают.

– Но... погоди, Лис! Но... надо же что-то делать!.. Но

вы-то... вы-то что-то делаете, чтобы мы все понимали?

– Мы-то? – Лис посмотрел на меня лукаво. – Мы-то делаем! – протянул он.

И тут Лис расхохотался. И я смеялся вместе с ним. Не знаю почему. Просто стало как-то радостно на душе.

– Ладно! – сказал Лис, – А теперь помоги мне поймать того рачка-счастливицу, который и будет у нас все время смотреть на Луну.

И мы с ним вместе начали ловить рачка.

9.

Мы оказались на корабле.

Я точно знал, что это корабль. Вернее, подводная лодка. Только почему-то она шла в надводном положении по какому-то каналу. Я вышел на верхнюю палубу, которая сейчас же превратилась в палубу крупного теплохода.

Я пошел на самый нос и там глянул вниз – там почти не было воды. Мы скользили по горной реке. Я еще удивился, почему лодка идет по реке, и как это мы не цепляем дно?

Было много пассажиров, и все они смеялись. А я все пытался узнать, как же это мы так идем, но никто толком ничего не ответил.

Тогда я спустился вниз.

Внизу была масса коридоров. Пассажиры расходились по каютам – пора было устраиваться на ночь. Я тоже начал искать для себя место и все никак не мог его найти. Все было занято, везде лежали люди.

Потом мне одна девушка сказала: «Я знаю, где есть свободная койка!» – и она меня повела по бесчисленным коридорам, а потом она остановилась и из-за обшивки вытянула какие-то билетки. «Это деньги», – сказала она.

А потом что-то случилось, что-тостряслось, стало очень

жарко, душно, невозможно дышать, все задыхались, люди столпились в огромной комнате.

Выяснилось: полетела холодилька – холодильная машина. Ее конденсатор вдруг превратился в могучий водопад.

– Это конденсатор? – спросил я.

– Да! – ответили мне. – Его остановили для ремонта.

– Но вода течет!

– Ну и что?

Там была одна влюбленная пара. Все ими восхищались – так они были хороши.

Они все время держали друг друга в объятьях. А потом она сказала ему: «Жарко! Нырнем?» – и они нырнули в поток той холодильной машины. И я бросился смотреть, что с ними сейчас случится. Почему-то я мог смотреть на это сверху, как если б я стоял над потоком быстрой реки на мостике.

Я ожидал увидеть всполохи крови на воде, потому что там, по моему разумению, должны были быть винты, хотя какие винты могут быть в холодильной машине – бред какой-то.

Ничего не видно, чистая вода. Влюбленные больше не показывались на поверхности.

– Они умерли! – сказал Лис.

– Как? Зачем? – я даже не удивился его появлению.

– Влюбленные всегда умирают невовремя, – задумчиво проговорил Лис. – И любовь умирает невовремя. Что, в сущности, одно и то же. Это же твой сон.

– Я понимаю, но жаль...

– Вот видишь! – сказал Лис – Тебе жаль твой сон. Человеку мало одной реальности. Ему подавай мечты, игру воображения и сны. В одной реальности он сойдет с ума. Или скоро умрет. Потому что неинтересно.

Потом Лис пропал.

Мое лицо обнюхала вытянутая мордочка какого-то зверька. Я открыл глаза и увидел крысу.

– Крыса! – вскричал я и отпрянул.

– Ну, не совсем! – услышал я, и в то же мгновение крыса обратилась в Лиса.

– Лис! – выдохнул я – Фух!.. Как ты меня напугал.

Лис пожал плечами:

– И почему, собственно, вы не любите крыс?

– А за что их любить?

– А за что не любить? Очень неглупое существо.

– Конечно, – пожегся я, – неглупое!

– И потом, крысы – это на всякий случай, – продолжал Лис.

– На какой случай?

– На случай гибели вашей цивилизации.

– Как это? – я даже ойкнул.

– Так! Все же в этом мире дублирует себя на случай, скажем, неурожая. Дерево – лишними цветами, животные – лишними детенышами.

– И при чем здесь крысы?

– Когда-то, – усмехнулся Лис, – под ногами у динозавров сновали небольшие, но очень юркие создания, а потом некоторые отростки их генеалогического древа основали Рим.

– То есть?

– То есть, крысы были всегда. На всякий случай.

– И сейчас...

– Правильно! И сейчас они есть. Только они теперь умнее. Не проходить же весь путь заново.

– Ах, вы!.. – возмутился я было.

– А сколько вас можно предупреждать? Сколько можно намекать и подсовывать вам открытия? – тут Лис стал напоминать мне учителя. – И собаки теперь вас понима-

ют, и кошки, и вороны, и попугаи. Слоны с вами пытаются разговаривать, я уже не говорю про дельфинов. Шимпанзе даже изучили ваш язык глухонемых. А акулы? Скоро с вами заговорят даже акулы! Рыбы, птицы, животные, моллюски! С вами пытаются вступить в контакт даже моллюски, я уж не говорю про кальмаров! Вы же ничего не слышите и все ищите: не позвонит ли вам кто-нибудь из космоса? Ой! Вот сейчас мы поймали сигнальчик!

Вы живете в сонме цивилизаций, продолжаете их упорно не замечать и ищите их на стороне! Что-то я не слышу здесь выкриков о человеческом разуме!

Что ваши способности в сравнении с пением китов? Что ваша память в сравнении с памятью слонов? Вы только недавно открыли, что личинки обычной мухи могут спасти человечество от голода!

Да вы даже восвать не умеете, потому что муравьи воюют между собой куда лучше вас!

А ваши космические корабли? «Нас не замечают высоко развитые цивилизации!»

Нет! Вас замечают! И тот мусор, на котором вы пытаетесь прокрасться в космос, никогда не выпустят дальше орбиты Марса!

Конечно, мы должны подстраховаться на случай вашей внезапной кончины! Все-таки столько с вами возились.

Но ничего страшного, начнем сначала! Крысы, слава тебе Господи, еще имеются. И они уже не такие тупые, как во времена диплодоков! А вот за их ум – отдельное вам спасибо! Вы так их наистребляли... К слову, а как еще развить в существе ум? Только начать его уничтожать, и ум разовьется сам.

Лис закончил свою тираду и замолчал.

Я был сражен. Я медленно приходил в себя.

Через какое-то время Лис скосил свои лукавые глазки на меня и заговорил совершенно другим тоном:

– Расстроился?

– А как ты считаешь? – проворчал я. Во мне все еще жила обида за все человечество.

– Но ведь все в этом мире имеет что-то вроде конца. Конечно, применить слово «конец» к горбатым китам человеку легко, а к себе – все, знаете ли, недосуг. И кажется, что жизнь наша будет вечной.

– Ты сам говорил, что человек живет вечно.

– В некотором смысле. И тут самое время вспомнить о человеческой душе. С вашими душами на этой почве мы поладим.

– Все равно как-то...

– Жаль. Правда?

Я кивнул.

– Как старое пальто на вешалке, – продолжил Лис. – Оно уже короткое, но в нем мама провожала в школу. А вот этот подол подшивала бабушка. Я понимаю, цивилизацию жаль как теплую вещь из детства, когда все бегали по двору взахлеб и радовались пустякам. Не грусти! Я отправлю тебя в твое детство. В самые крепкие его сны.

И Лис провел лапой по моему лицу.

И сейчас же голова моя отыскала подушку и прижалась к ней теплой щекой.

Сделалось вдруг очень радостно, будто на завтра ожидался бабушкин пирог, кресло с пледом, сказки, болтовня ни о чем и чашка горячего шоколада.

11.

Лис сидел на скале и смотрел в какую-то трубочку. Периодически он восклицал:

– Надо же! Опять не успел!

– Что ты там делаешь, Лис? – спросил я его.

– Ловлю переход между мирами! – ответил он, не прекращая своего занятия.

– Какой еще переход? – я подошел поближе.

– Обычный!

– А есть еще и необычный?

– А вот, смотри! – Лис передал мне трубочку.

Я посмотрел в нее – это был калейдоскоп. Цветные стеклышки от малейшего поворота смещались, и все это всякий раз складывалось в новый орнамент.

– Так это же калейдоскоп! – воскликнул я.

– Вот еще! Это переход между мирами, – Лис выглядел очень серьезным. Подвоха в его словах я не заметил.

– Миры, – продолжил Лис, – устроены именно так. На поверхности только незначительные детали, а все остальное проросло в другие миры, на манер красивого орнамента. Чуть тронул – и миры сейчас же меняются, появляются новые, стоящие рядом, и к только что бывшему перед тобой миру уже не вернуться.

И еще миры окутывают, опутывают друг друга.

И еще они висят вместе гроздьями и образуют плотную ткань, которая сама по себе содержит очень сложный рисунок.

Пока Лис все это говорил, передо мной предстали эти грозди из миров, эти нити, сложенные в ткань, где каждая ворсинка – еще один мир.

И тут мой собственный мир вдруг расширился, а сам я раздвинулся до размеров Вселенной, и мне навстречу полетели звезды и туманности.

– Осторожней! – Лис был рядом. – Осторожней!

– А что такое? – я совсем не удивился всем этим превращениям.

– Лети осторожней! Впереди черная дыра Вааля!

– Она утягивает в себя массу?

– Любая черная дыра утягивает массу.

– Дыры – это переходы между мирами?

– Почти. Можно сказать, что через них осуществляется вдох!

– Чей вдох?

– Вселенной, конечно!

– Вселенная дышит?

– А что бы ей не дышать? Все дышит. И вселенная, и то, во что она входит такой незначительной каплей – Вселенная Всех Вселенных. И другая такая же Вселенная Всех Вселенных, и миллион ей подобных Вселенных. Дышит же человек.

– Вселенная дышит как человек?

– Конечно! Дышит человек, дышит дерево, дышит любой вирус. И любой атом дышит – в нем есть сначала сжатие, а потом расширение. Или наоборот.

Только один вдох Вселенной может длиться миллионы световых лет. Нам туда попадать не следует. Слишком долго будем выбираться.

– Ты же можешь свернуть время.

– Это время я миллион лет буду сворачивать.

– А-а... тогда конечно... Только я никак не пойму. Это же сон, Лис?

– Вот провалимся в черную дыру Вааля, узнаешь, какой это был сон.

– У каждой дыры свое имя?

– А что тебя удивляет? У тебя же есть имя.

– Да, но...

– У всего есть свое имя. Имя – всего лишь код вибрации. Так легче искать. Назвал имя или только подумал – и оно перед тобой. Вот только черную дыру Вааля я зря сейчас помянул. Вот если б я сказал просто «черная дыра», тогда бы все остальные дыры решили, что и к ним это относится, и тогда сила притяжения одной перекрывалась бы другой, и так со всеми последующими дырами, а теперь – только держись.

Все вокруг вдруг как-то вытянулось, звезды превратились в кометы, свет от них растянулся и замер.

– Нас тянет! – вскричал Лис.

– Лис! – завопил я в ответ. – Сделай же что-нибудь!

– Уже делаю! – зашипел он.

Бах! Что-то разорвалось или лопнуло.

Мы с Лисом опять сидели на скале, и он держал в лапах калейдоскоп.

Я дышал тяжело, а Лис был совершенно спокоен.

– Ну, и как тебе приключение? – спросил он.

– Вот это да!

– А не посмотреть ли нам еще на миры? – и Лис с усмешкой протянул мне калейдоскоп.

– Нет уж, спасибо! – отшатнулся от него я.

– Вот видишь! – сказал мне Лис, – Каждый хорош только на своем месте. И хорошо, что кто-то другой может почувствовать и страдания вируса, и боль звезды.

С этими словами Лис исчез, а передо мной, стоящим на той же скале, тут же возник бесконечный океан.

Его волны с грохотом набегали на берег, и смотреть на них было одно удовольствие...

12.

Кто-то рассматривал меня с большим любопытством. У него был плоский нос и глаза навывкате. И еще он весь зарос жесткой щетиной. Рот его вдруг растянулся в улыбке, обнажив клыки. Рядом с ним возникла примерно такая же ухмыляющаяся харя, потом – еще одна, и еще. Они попытались меня обступить, но словно наткнулись на невидимую преграду. Эта преграда их удивила. Они двинулись вперед еще раз, и снова она отбросила их назад.

– Зря стараются! – сказал мне Лис. Он, оказывается, все это время был за моей спиной.

Лис нарисовал в воздухе восьмерку и произнес длинное слово, что-то вроде «Алаакациоум!» – нападавшие с визгом пропали.

Я даже испугаться не успел.

– Кто это? – спросил я у Лиса.

– Мелкие прихвостни Саиба, – услышал я в ответ. – Не забыл его?

– Как же, забудешь его! – поежился я. – А что это за слово ты произнес? Заклятье?

– Нет. Заклятье – это то, что давно опробовано. То, что в ходу не одно человеческое тысячелетие. А это просто небольшая импровизация. С Саибом иначе нельзя. Всегда нужно что-то новенькое. Так и живем.

Лис усмехнулся.

– Слово, – продолжил он, – всего лишь незначительные звуковые колбания – а, вот, поди ж ты, способно остановить даже Саиба. Пусть он теперь немного поломает над этим голову. Последним слогом я сделал преграду непроницаемой. Ты знаешь, что такое мысль?

– Мысль?

– Ну, да.

– Мысль – это способность... хотя нет, не способность. Мысль – это...

Лис улыбнулся.

– Не правда ли, трудно подобрать слова?

– Трудно, – смутился я.

– Вот видишь, – заметил Лис, – человек, существующий только для того, чтобы мыслить, не может с ходу подобрать слова для описания того, что он называет мыслью. Хочешь увидеть Сократа?

– Сократа?

– А что такого, можно увидеть кого угодно.

И мы сейчас же оказались в полутемной комнате. Свет попадал в нее из небольшого окошка.

– Лис! – позвал я шепотом.

– Я здесь, – отозвался он.

– Где мы?

– В темнице, конечно. Вот он, Сократ.

В углу на широкой деревянной скамье лежал старик.

Он лежал на спине.

– Он спит. Завтра над ним совершится суд. Пусть он поспит.

– Это точно Сократ?

Лис, казалось, любовался спящим.

– Абсолютно точно.

Глаза уже привыкли к полутьме, и я разглядел лицо лежащего. Его нельзя было назвать красивым, но спокойным это лицо было.

– Он кажется очень спокойным.

– Он уже принял решение.

– Он знает, что его осудят?

– Конечно.

– Ты его не освободишь?

– Сократ всегда свободен. Люди не умеют ловить и сажать в темницу мысль. Сократу жилось легко. Он умел летать.

– Ты говоришь о нем в прошедшем времени.

– Мыслящий не живет в настоящем. Только помыслил – и это уже прошедшее.

– И ты не сможешь ему бежать?

– Сократ не побежит. Все дело в имени. Человек по имени Сократ не бежит.

– Почему?

– Он – гражданин. Сократ – гражданин Афин. Один из тех, кто учил людей мыслить, будет осужден ими на смерть. Способность мыслить пугает. И еще она будит псов зависти. Бездарность нападает на дар. Хватит, пожалуй.

Мы сейчас же оказались на берегу моря. Светило солнце, и волны далеко выбегали на песок.

– Вот этим волнам все равно, – задумчиво произнес Лис, – был на земле Сократ или не был.

После этого Лис провел лапой по моему лицу, и я медленно провалился в сон.

Во сне я, кажется, освобождал кого-то.

- Эй! – воскликнул я.
- Эй! – отозвался Лис.
- Ты теперь работаешь эхом?
- Только когда нет другой работы.

У Лиса, судя по всему, было прекрасное настроение. Он даже вилял хвостом.

- Ты говорил, что Сократ твой друг.
- Ты никак не можешь забыть Сократа?
- Честно говоря, да.

– Сократа никто не может забыть. Когда он жил на Земле, все разумные только и спрашивали: «Где Сократ?» – и «Что он сказал?» – всем было интересно. Один только Сократ не интересовался Сократом. Он искал формулы. И существовал Сократ только тогда, когда их искал. Но найденная формула означала конец существования, потому, очертя голову, требовалось броситься в новые поиски.

- А Сократ тебя видел?
- Во сне. Наверное он меня только слышал.

Тут меня осенило.

- Лис! – вскричал я. – Так ты – демон Сократа?

– Что ты! – Лис смутился, как пойманный со шпаргалкой школьник. – Я с ним только говорил. С Сократом хотели говорить многие. Это тот случай, когда у тебя получилось. Ты вырастил то, что хотел. Вынырнул, выпестовал. Множество, множество раз ты создавал разум, но этот разум все время начинал делать что-то не то: торговал, мошенничал, прислуживал и лизоблюдствовал. А тут вдруг такой праздник. Все друг друга поздравляли, все ходили ко всем в гости и говорили: «Смотрите! У нас получилось! У нас теперь есть Сократ!»

А потом были другие – Рабле, например, или Блаженный Августин. Да, и до, и после Сократа случались удачи – Платон, например, Пифагор, Диоген. Но Сократ полюбился всем сразу.

– Почему?

– Он умел распознать тщету.

– А другие?

– Не всегда и не вдруг. То ли дело Сократ. Все помнят, что он был, и лишь немногие могут вспомнить его речь. Они начинают спорить: «О чем говорил Сократ? Об этом? – Нет! О вот том!» – они не понимают, что Сократ – это и есть речь, что это мысль, лоснящаяся, как угорь на солнце. Попробуй ухватить. И он всегда разный. Сократ, помысливший только что, отличается от Сократа, помыслившего вчера. Как небо и земля! И в то же время – это он, Сократ. И все ждали этих отличий. Все бродили за ним толпами. Все радовались ему как дети. Настоящий праздник! Веселье! Сократ помыслил!

– А потом они его предали.

– Нет. Просто из множества мелких не слепить ничего крупного. А вот зависть скатает свой ком. Сократ всех перерос. Кому нужен Сократ-переросток?

– Знаешь, – сказал вдруг Лис, – во сне обязательно должна быть зеленая трава и голубые небеса. На траве надо лежать, а в небеса смотреть. Ты лучше ложись на траву и смотри в небо.

С этими словами Лис исчез, а я ощутил себя лежащим на мягкой траве...

14.

– Хочешь вырасти до небес? – спросил меня Лис, и сейчас же земля стремительно ушла вниз, и я увидел только две толстенные колонны – то были мои ноги.

Я поднял голову, и она прошла через облака. Облака остались на уровне моего носа, а над облаками сияло ослепительное солнце.

– А хочешь, станем деревьями? – спросил Лис опять,

и сейчас же зашелестела листва, и я понял, что это моя листва, что ветви – руки, а ствол – тело. Было не страшно, но как-то холодно в груди, и в то же время очень-очень радостно.

– А теперь смотри! – воскликнул Лис, и огромная ветка, качнувшись на ветру, прошла сквозь меня. Я огляделся – ветви были везде, но не было того дерева, что я считал только что самим собой.

– Теперь ты – воздух! – прокричал мне Лис. – Ты везде! Множество твоих частиц, охлаждаясь у полюсов, устремляются в южные широты, и тогда получают бури, ураганы, смерчи, самумы. Ты и есть эти бури. Здорово, правда?

И я сейчас же ощутил себя летящим от полюса к тропикам.

Бам! – и теперь я лежу на земле. Рядом со мной остановился верблюд, а потом – еще один.

Мысли мои потекли очень медленно и лениво.

– А вот теперь ты – камень под ногами верблюдов, – сказал Лис.

– А теперь, смотри! – добавил он, и что-то закипело, заволновалось вокруг, а потом в лицо качнулись водоросли, они покрывали подводные скалы, всюду были кораллы.

– А теперь ты – вода океана, – сказал Лис. – В тебе теперь столько всего. Реки несут в тебя страдания и радости суши и ее обитателей. В тебе ничего не пропадет. В тебе все существует веками. Ты помнишь извержения вулканов, и то, как лава текла в волны, и падение огромных деревьев, что рухнули на землю от старости, и метеоритные дожди, и крики слонов, мычание буйволов и дрожь земли под копытами бесчисленных стад. Ты помнишь все битвы, все взрывы, все крики умирающих. Ты – вода океанов.

В лицо полетели звезды. Вокруг стало темно и спокойно.

– А теперь ты – космос, – вскричал Лис. – Ты пространство между звездами и планетами, между атомами и молекулами. Здесь можно встретить заблудившийся атом и

сказать ему: «Здравствуй!» – а потом вдруг ты почувствуешь, как наполняешься звуками, или даже не звуками, а неслышными вибрациями, волнами, будто дыханием. Космос – это место, где живет дыхание звезд. Тут можно почувствовать, как они тянут тебя к себе, или то, как они тебя гонят прочь.

– Зачем ты мне все это показываешь? – спросил я Лиса.

– Я хочу, чтоб ты понял, что твое тело – всего лишь одежда, а смерть – ее смена.

– Ты считаешь, что пора мне подумать о смерти?

– О смерти надо думать всегда.

– Как же тогда жить, ожидая смерть?

– Думать и ожидать – разные понятия. Ее не надо ожидать. Просто придет твое время.

– А тебе не жалко, когда люди умирают?

– Всегда жаль, когда что-то кончается. Детство, например. Смерть для человека – это конец детства. Потом уже нельзя ошибаться. Только одно детство для ошибок. Великая пора.

В этот момент перед нами и появился дракон. У него была жабья рожа и на голове рожки. Он лениво открыл рот, и... струя огня понеслась к нам.

Лис едва успел пригнуть мне голову.

– Бежим! – закричал он мне, и мы побежали по скалам, по ущельям, между деревьями, всякий раз меняя направление.

За нами шел огонь.

– Что это, Лис? – я не узнал свой голос.

– Только заговоришь о смерти, как она тут как тут! – прокричал он мне на бегу. – Это Саиб! Он преодолел прошлое заклятье!

И тут Лис разом остановился, повернулся к надвигающейся стене огня и произнес: «Окалоцитум!»

В то же мгновение все исчезло, а мы оказались на вершине зеленого холма.

– Фух! – мы с Лисом повалились на землю.

– Он чуть не напугал меня! – сказал Лис, отдышавшись.
– Надо же! – продолжил он, совершенно овладев собой. – Меня еще можно напугать. Если тебя можно еще напугать, значит, не все еще потеряно.

После этих слов Лис исчез.

15.

– А вот и я! – сказал Лис.

– Здравствуй! – сказал я.

– Конечно, здравствуй! – отозвался он.

У Лиса вся мордочка светилась удовольствием.

– Ты хорошо знаешь историю? – спросил он.

– Историю? Какую историю?

– Историю человечества.

– Да, но... мне кажется... – неуверенно протянул я.

– Тогда смотри! – сказал Лис, и в то же мгновение мы с ним оказались среди наступающих воинов. Я сам и Лис были одеты в латы, на нас были шлемы, поножи, в руках мы сжимали мечи, а тело прикрывали щитами. Мы шли в строю, потом строй сломался, и мы побежали все быстрее и быстрее, а навстречу нам полстели стрелы, копья, камни, полилось раскаленное масло.

Дикие крики, хрипы, стоны умирающих, топот, пыль, звон, скрежет, глухой стук о землю падающих тел.

– Лис, что это? – я едва уворачивался от ударов. Сам не понимаю, как это у меня так ловко получалось. Мало того, я еще и наносил удары направо и налево. Лис от меня не отставал.

– Лис! Что это такое? – вскричал я снова.

– Ничего особенного, – сказал Лис. Теперь и он, и я стояли в стороне от битвы. Мимо нас летели кони, на полном скаку переворачивались колесницы, лопались панцири, падали шлемы, всюду летали стрелы.

– Это война! – сказал Лис. – Люди все время будут во-

евать. Сначала медными мечами, потом железными. Затем в дело пойдет сталь.

Видишь, это же греки. Одни греки уничтожают других греков из-за золота и земель. А потом будут персы, скифы, римляне, варвары, монголы. Они будут приходить и откатываться назад. Как морские волны. Много всего будет.

И мир с большим уважением будет произносить имена Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря, Аттилы и Чингисхана. Не пройдет и тысячи земных лет. А ведь это только грабители и убийцы. Всего тысяча лет – и получите романтический окрас для всех своих дел. Очень медленно человек меняется к лучшему. Не его вина. И хорошо, что он смертен. Иначе к лучшему его было бы не склонить.

А так: не получилось – народились новыс. И их много. Всегда есть, из чего выбирать. Человек не скоро почувствует боль звезд. Да и не его это задача.

– А что же тогда его?

– Его дело – сомневаться. Сомневаться, огорчаться, метаться, радоваться, обретать, находить, терять. Словом, нужны сдобренные эмоциями и разумом некие незначительные колебания живой ткани.

– Так цинично?

– Только если использовать обычные человеческие слова. Очень трудно, используя их, объяснить, что человек может быть маленьким, мелким, и через минуту он способен вырасти до размеров звезды. То, что на пользу Вселенной, исходя от человека, усиливается во множество раз, а все губительное уменьшается, гасится, возвращаясь в исходную точку.

– Мы берем от вас только хорошее, – добавил Лис и сейчас же пропал.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вместо предисловия	8
Про Федю	11
Кухта	12
Ну?	15
Суточные планы	16
Пасха	18
Кое-что о командах	19
Калямбра	20
Для любви	21
Конструкторы	23
Настоящие адмиралы	25
О свиньях и 9 мая	28
Дружеский визит	30
История имела продолжение	32
Дождь	34
В Змеином	35
Про крыс	37
Послесловие	37
Женсовет	38
Подвиг	42
Фикус	42
Случай	43
Продолжение	44
Эпидемиологическая обстановка	45
Шизофрения	47

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вместо предисловия	56
Письмо	59

Полярный волк	62
Изумление	64
Праздник	65
ТРП	67
Хорошо	68
Чай с подмигиванием	69
О!	72
Ойконен	73
В Трымрани	75
Пение	76
На завершающем этапе	77
Чудо	78
Честь	80
Задача	81
Элегия	83
Каждый день	84
Недобиток	84
Вот!	86
Начальник штаба	88
Альбатрос	89
Доктор Бородулькин	90
Проверяющий	91
Еще письма	92
О лодке	106

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вместо предисловия	112
От автора	113
Амдерма	115
Жив, зараза!	116
Новый год	119
Забубеньтрава	120
Дерьмо замерзло	121
Таракан	122
Комендант	124
Гигиена	126
Когда ж вжарят?	127
Курлык-курлык	129
Первые и последние	130
Кобра	131
Витькины рассказы	133

В Марселе	146
Письма	149
Сказка вместо послесловия	156

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Правила хорошего тона	162
Утренний Вася	163
Альтернатива	164
Параллельные миры	165
В Ялте	167
Ихтиандр	169
Уши	171
Офицер не должен	174
Где ты родился	175
Поточная система	177
Мытое начальство	179
Диверсанты	180
Праздники	182
Шалаш	187
Рассказ	189
Убожище	190
Письма	191
Дедушка	197

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РАССКАЗЫ ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА	199
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЛИС	243
-----------	-----

Александр Покровский. Калямбра.: Книга прозы в шести частях : СПб.: ООО "ИНАПРЕСС", 2005. — 288 с.

УДК 882 ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 5-87135-167-0

В книгу «Калямбра» вошли рассказы, ранее опубликованные в четырех сборниках «В море, на суше и выше...», а также новые произведения автора: «Рассказы из бортового журнала» и «Лис».

**Покровский А. М.
КАЛЯМБРА
из шести частей**

Сдано в набор 01.02.05.

Подписано в печать 22.03.05. Формат 84×108/32.

Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 7000 экз.

Заказ № 786.

Издательство ООО «ИНАПРЕСС»

СПб., Невский пр., 74

inapress@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ФГУП «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»

Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

В книгу «Калямбра» вошли рассказы, ранее опубликованные в четырех сборниках «В море, на суше и выше...», а также новые произведения автора: «Рассказы из бортового журнала» и «Лис».

ISBN 5-87135-167-0

9 785871 351673